

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**КУЛЬТУРНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ:
КОНТЕКСТ СОХРАНЕНИЯ
ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Монография

Под редакцией Е.В. Давлятовой, Э.И. Рудковского

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2022*

УДК 316.7-053.81
ББК 71.07
К90

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 2 от 05.01.2022.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 1 от 20.10.2021.

Авторы: **Е.В. Давлятова, Т.В. Котович, А.В. Новосельцева, Д.Е. Петрикеев, Э.И. Рудковский, Н.П. Сенченков, А.С. Табачков, В.В. Терещенкова**

Под редакцией *Е.В. Давлятовой, Э.И. Рудковского*

Р е ц е н з е н т ы :

заведующий кафедрой истории и культурного наследия
ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук,
доцент *А.Н. Дулов*;
доцент кафедры социально-гуманитарных наук УО «ВГАВМ»,
кандидат философских наук, доцент *В.И. Каравкин*

К90 **Культурная безопасность молодежи: контекст сохранения традиционных ценностей : монография / Е.В. Давлятова [и др.] ; под ред. Е.В. Давлятовой, Э.И. Рудковского. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2022. – 136 с.**
ISBN 978-985-517-868-3.

В монографии рассматриваются философско-методологические, историко-цивилизационные, культурологические аспекты культурной безопасности в условиях глобализирующегося мира, когда риск стал неотъемлемой частью социального и культурного пространства. Выделены белорусский контекст проблемы, необходимость сохранения духовного наследия национальной культуры во всем ее многообразии.

Издание адресовано ученым-обществоведам, преподавателям высших и средних учебных заведений, студентам, магистрантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами социальной философии, культурологии, методологии исторического познания.

УДК 316.7-053.81
ББК 71.07

ISBN 978-985-517-868-3

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (<i>Рудковский Э.И.</i>)	4
Глава I. Культурная безопасность как фактор жизнедеятельности и воспроизводства социума (<i>Рудковский Э.И.</i>)	6
Глава II. Двадцатый век: к историческому контексту культурно-цивилизационного кризиса современности (<i>Табачков А.С.</i>)	19
Глава III. Культурно-информационная безопасность в молодежной среде (<i>Давлятова Е.В.</i>)	46
Глава IV. Русский авангард в пространстве культуры (<i>Котович Т.В.</i>)	58
Глава V. Мастацкая шматграннасць нацыянальнага характару беларуса ў айчынным рамане канца XX стагоддзя (<i>Навасельцава Г.В.</i>)	77
Глава VI. Государство и молодежь: проблема гражданского воспитания и возможные пути ее решения (<i>Сенченков Н.П., Петрикеев Д.Е.</i>)	96
Глава VII. Профилактическая деятельность воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей прошлого и настоящего как условие безопасности молодых людей (<i>Сенченков Н.П., Терещенкова В.В.</i>)	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (<i>Рудковский Э.И.</i>)	133
Сведения об авторах	135

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационные процессы помещают современное человечество в пронизанное коммуникациями пространство. Страны и народы получили возможность пользоваться преимуществами международного разделения труда, достижениями научно-технического процесса, современных информационных технологий и т.д. Вместе с тем нельзя не видеть и негативных последствий глобализации.

Нарастает стандартизация стиля жизни людей, «макдонализация» культуры; малые по численности этносы теряют свои обычаи, традиции, язык, втягиваясь в жернова глобализационных процессов. Современный мир расплывается. Риск стал неотъемлемой частью социального и культурного пространства. Культурный генофонд человечества в целом оказывается под угрозой.

Культура подвергается испытанию не только под воздействием внешних факторов глобализирующегося мира, но и факторов внутренних: распространения потребительской психологии, не лучших образцов массовой культуры.

Духовный вакуум заполняется псевдоценностями, распространяемыми современными СМИ (прежде всего через Интернет) и массовой культурой.

Это проявляется в самых различных аспектах жизнедеятельности людей: отношении к образованию, межличностным отношениям, устройству быта, материальному достатку, характеру проведения свободного времени, общечеловеческим ценностям. Кардинально, порой, изменяется мотивация поведения, особенно молодежи. Нарастает стандартизация и утилизация культуры.

Создатели сетевых каналов исходят из того, что информационные технологии ведут к свободе выражения своих мнений без угрозы цензуры, свободе от власти любых структур. Свобода оказалась без всяких сдержек, а информационные потоки все больше уходят из-под контроля, когда каждый «сам себе режиссер». Возникает риторический вопрос: может ли общество все происходящее в социальных сетях пускать на самотек? Свобода, как известно, предполагает ответственность, а права – обязанности. В этих условиях проблема культурной безопасности актуальна, как никогда, в противном случае, происходит разрыв с корневой системой культуры, культурным кодом нации.

Поэтому важнейшая задача государства, социума в целом – это народосбережение и сохранение национальной идентичности, без которой нет народа как субъекта цивилизационного развития. Каждый народ существует лишь тогда, когда его скрепляют общие моральные нормы и духовные ценности, которые складываются на протяжении веков. При этом, конечно, необходим аналог культур, понимаемый как диалог культур различных

этносов, а также методов, стилей, направлений, внутрикультурного пространства каждого из них.

Культурную безопасность нельзя трактовать как консервацию исторически сложившегося национального духовного наследия. Культура не может быть чем-то застывшим, раз и навсегда данным. Новации здесь неизбежны. И поэтому необходимо бережное к ним отношение. А если речь идет об отрицании, то оно может быть лишь диалектическим, т.е. таким отрицанием, которое содержит все положительное из предыдущего и не противоречит константам бытия социума.

В результате критически оцениваются и усваиваются также и инонациональные ценности, происходит их встраивание в матрицу национальной культуры.

Культура – это духовный капитал, без которого невозможно все другое богатство общества, а культурная безопасность является фактором его устойчивости, внутренней стабильности и возможности поступательного развития. С одной стороны, культурная безопасность может быть определена как отсутствие внешней угрозы культуре, противодействие «вестернизации», влиянию «современных трендов» в информационном потоке. С другой – как реальная политика в области культуры, целью которой является создание условий, способствующих ее развитию. Культурная безопасность – это такое состояние общественной системы, позволяющее ей функционировать и развиваться в рамках исторически сложившихся фундаментальных духовных ценностей, сохраняя контуры своей идентичности. При этом культурная безопасность, конечно же, не означает консервации всего и вся. Процесс диалога взаимовлияния культур – это данность сегодняшнего мира.

ГЛАВА I

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ВОСПРОИЗВОДСТВА СОЦИУМА

Имидж страны тесно связан с ее безопасностью, является показателем прочности позиций на международной арене. Он определяется ее достижениями во всех сферах жизни, включая культуру. Вряд ли можно говорить о высоком имидже государства, которое утратило свои национальные традиции, язык, духовные ценности, а население превращается в космополитическую массу.

Нынешняя хаотичная глобализация помещает человечество в как никогда тесное и пронизанное коммуникациями пространство. Меняются стереотипы, образ жизни, подвергаются ревизии привычные ценности. Происходит расширение понятия «государственный суверенитет» в условиях растущей взаимозависимости стран. В этих условиях трансформируется и содержание безопасности стран, которое включает не только военную, экономическую, но и культурную безопасность.

Глобализация и культурная безопасность. Процессы глобализации стали частью современного мира. Сегодня – это взаимозависимый универсум. Происходит разрушение привычных барьеров и границ в экономической, политической и культурной сферах. Общество находится под непрерывным воздействием «девятого вала» информационных потоков, которые несут часто ценности, изначально чуждые тому или иному социуму. Опасность исчезновения многоцветия культур становится реальной. «Жернова» глобализации нивелируют и стандартизируют культурное развитие, появляется угроза становления технократически бездушного человека. Происходит обнищание духовной жизни общества на фоне лавинообразного роста объемов материального потребления и растущих информационных потоков. Технологии информационного общества расширяют рамки свободного доступа. Но это пространство порой лишено ценностного наполнения. Информация перестает быть ценностно-нейтральным фактором жизни людей. Потребляя информацию, человек часто теряет восприятие реальности окружающего мира, становится пленником различного рода духовных суррогатов, политических и социальных миров. Социальные сети формируют безразлично к общественным проблемам человека, что оборачивается нигилизмом, различного рода деструктивной деятельностью. Стандартизация жизни людей стала всепроникающей, так как не знающая национальных, культурных и социальных барьеров информация «разрушает любую инаковость... она создает царство того же самого» [1, с. 44–45].

Главное поле сражений – души людей. В этих условиях проблема культурной безопасности актуальна как никогда, в противном случае может произойти разрыв с корневой системой культуры, культурным кодом

нации. Необходим тот духовный компас, без которого информационные технологии могут стать дорогой в ад. В культуре сегодня много такого, что на самом деле способствует не духовному росту человека, а его порабощению чужими и чуждыми ценностями (мультикультурализм, ЛГБТ, политкорректность и т.п.). Ключевой идеей становится потребительство, рай для избранных. Все больше торжествует мораль вседозволенности. Стирается грань между тем, что можно и чего нельзя.

Исследователи проблемы предлагают различные определения термина «культурная безопасность». Нельзя не согласиться с В. Можейко, что «...культурная безопасность предполагает способность общества сохранять специфические культурные характеристики, включая постоянство традиционных схем языка, идентичности, национальных и религиозных обычаев, оставаясь при этом открытым для всех востребованных конструктивных внешних изменений» [2, с. 68].

Некоторые авторы отмечают, что культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой. Она рассматривается как фактор обеспечения безопасности общества и государства в целом [3].

Составной частью культурной безопасности является духовная безопасность, ибо духовность – это состояние общества, личности, институтов, обеспечивающее их нормальную жизнедеятельность. Это состояние защищенности духовно-нравственных ценностей, система отношений, обеспечивающих благоприятные условия для становления духовного роста общества и отдельных его членов.

Культура – это духовный капитал общества, который важно сохранять и приумножать. Безопасность данного капитала имеет два аспекта: внешний и внутренний. Внешний аспект – это противодействие вестернизации, влиянию современных «трендов» в информационном потоке, пронизывающем территорию страны. Внутренний аспект – это создание благоприятных условий для развития национальной культуры во всех ее проявлениях. Культурная безопасность тесно связана с проблемой соотношения традиций и инноваций. Важно сохранить язык, традиции, символы, обычаи, нравственные нормы этноса. При этом нельзя оградиться от других культур «китайской стеной», нельзя «заморозить» национальную культуру. Ориентированная на консервацию культура исторически обречена. Вместе с тем нельзя не сказать о защите духовной культуры от так называемых «инноваций», выдающих себя за новый элитаризм, который по сути своей является поп-культурой худшего образца. В свое время А.П. Чехов отмечал, что можно по-разному ставить в театре «Гамлета», но важно, чтобы Шекспир не обиделся.

Основой, которая обеспечивает обогащение и саморазвитие культур, является их взаимодействие, диалог. И. Гердер полагал, что изоляция ведет к деградации культуры. Любая культура может совершенствоваться и сохраняться, если она тесно связана с общечеловеческими ценностями и достоянием других культур. В этом заключается диалектика процесса. Вместе с тем изменения в культуре не должны затрагивать ее «ядра».

М. Бахтин отмечал, что только в диалоге культура познает и понимает сама себя, глядя на себя глазами другой культуры и преодолевая тем самым свою односторонность и известную ограниченность.

В процессе глобализации идет сближение культур, обогащение их общечеловеческим содержанием. Однако возникает вопрос: возможен ли универсализм вообще? В.Л. Васюков отмечает: «Далеко не доказано существование таких ценностей, которые понятны всем и принимаются всеми в качестве общих. Одни и те же слова, описывающие, казалось бы, общие для всех понятия, наполняются сторонами диспута и диалога совершенно различным содержанием, зачастую подрывающим в корне и уничтожающим саму возможность диалога» [4, с. 20].

В чем-то с такой позицией согласиться можно. Ценности, определяющие уникальность каждой культуры, могут и должны сохраняться. Но разве нет таких ценностей, которые объединяют человечество и принимаются представителями разных цивилизаций? В какой культуре сегодня приветствуются грабежи, насилие над детьми, клятвопреступление и т.п.? Это риторический вопрос.

Безусловно, следует помнить, что западные политтехнологи ценности добра, справедливости, коллективизма, духовности все чаще пытаются заменить ценностями прав человека (без всяких нравственных «тормозов»), индивидуальной независимости. Общество приравнивается к арифметической сумме потребителей материальных благ и ценностей массовой культуры, речь идет даже о том, что традиционные формы этнической идентификации иссякли.

Однако обустроить свою страну только на достижениях других наций (на основе евростандартов) невозможно, необходимо сохранять свою духовную основу. Духовные ценности, возникшие в иной социокультурной среде, нельзя рассматривать как деталь какого-то механизма, которую можно вынуть и вставить в свою социальную систему. Но такие попытки очень часто предпринимаются как изнутри, так и извне, без учета менталитета, базовых, субстанциональных ценностей культуры иной цивилизации. Важно сегодня культурное импортозамещение, культурный суверенитет, который является существенным ресурсом развития нации. К сожалению, доказывая свою самостоятельность, мы часто пытаемся показать не свою глубину и самобытность, а «крутизну», используем язык и ценности той культуры, от которой хотим дистанцироваться.

Культурный код и культурная безопасность. Культурная безопасность – важнейшее условие сохранения культурного кода этноса и региона, их идентичности. «Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это – культурное бессознательное – не то, что говорится или что осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понять ее поведенческие реакции, определяет народную психологию» [5].

Американский психоаналитик К. Рапай отмечает, что культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Смысл образов в разных культурах не совпадает и скрыт от нашего понимания [6]. Можно согласиться с тем, что в разных культурах существуют свои смысловые образы. Но если культурный код – это сфера бессознательного, то почему образы культурного кода связаны с каким-либо понятием? Как известно, понятия – это форма рационального познания, мышления. Некоторые авторы, отмечая, что культурный код относится к «коллективному подсознательному», «культурному подсознательному», указывают на то, что культурное наследие наших предков оказывает большое влияние на формирование человека и создает ориентиры деятельности, развития любого социума. К примеру, Т. Жирикова подчеркивает: «Традиции не могут передаваться по воздуху, как грипп, для их передачи нужны институты, выступающие носителями, хранителями и контролерами соблюдения традиций» [7]. Культурный код, по мнению автора, следует беречь – это задача любой науки. Огромная роль здесь принадлежит образованию, воспитанию, искусству. С этим нельзя не согласиться. Однако как рациональная по преимуществу образовательно-воспитательная деятельность может укреплять, формировать, поддерживать то, что относится к культурному бессознательному? Самоидентификация представителей тех или иных наций и этносов в целом во многом определяется культурным кодом, который делает нас теми, кто мы на самом деле есть. Но в то же время, она связана с рациональным осмыслением своего места в мире. Культурный код включает бессознательное, однако не сводится к нему, его нельзя сводить к национальной психологии.

Культурный код выступает как необходимое условие сохранения, преемственности и устойчивости человеческого бытия. Он основывается на базовых ценностях, которые определяют суть нации, ее особенности.

Развал СССР затронул все стороны жизни, включая и культуру. Произошел пересмотр многих базовых ценностей советского общества. В изменившихся исторических условиях стала формироваться новая гражданская и культурная идентичность, в которой в соответствии с принципом диалектического отрицания взаимодействуют традиционные советские и современные ценности, идеалы и смыслы бытия. Этот процесс носит во многом стихийный характер. В настоящее время стоит задача перейти на новый уровень культурной идентичности. Без этого невозможно обустройство нашего общего дома. Речь идет о мобилизации всего того, чем было сильно славянство. Прежде всего, следует выделить такие духовные ценности восточного славянства, как коллективизм, служение обществу, стойкость к жизненным невзгодам, твердость душевной ориентации, патриотизм, готовность к самопожертвованию.

Духовные ценности белорусов складывались в тесной связи с восточнославянской культурой. Вместе с тем особенности культурного кода белорусов определили тесные связи с другими народами, «пограничный» характер духовной жизни народа, который на протяжении всего своего существования испытывал влияние других культур.

Культурный код белорусов ярко представлен в многочисленных произведениях классиков белорусской литературы: Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Короткевича и др. К числу духовных ценностей белорусского народа многие исследователи относят: миролюбие, толерантность, дружелюбие (“памяркоўнасць”), стремление к разумному компромиссу, хозяйственность, трудолюбие, бережливость, стойкость перед вызовами времени. Е.М. Бабосов отмечает: «...как бы ни изменялся мир, какие бы перемены ни происходили в сознании и поведении людей, в нашем обществе существуют и не утрачивают своей непреходящей значимости традиционные ценности... Они-то и составляют фундамент той идеологии, которая коренится в самосознании и житейской мудрости белорусского народа. Именно они всегда были и всегда будут востребованы при любых социальных переменах» [8, с. 27].

В то же время следует учитывать стремительную динамику процессов в духовной сфере. Современное общество пока во многом опирается на потенциал старшего поколения, советской духовной культуры. Но активным субъектом общественной жизни становится то поколение, которое выросло в постсоветское время. Многие из представителей данного поколения оказались без руля и ветрил, четких духовных ориентиров. Денежная мотивация жизни стала определяющей, а духовность стала уходить из многих сфер жизнедеятельности общества. Важно помнить о своих предках, сохранить их духовное наследие, помнить о своем происхождении и предназначении в этом мире.

Культурный код может трансформироваться в процессе развития общества (упрощаться, усложняться, менять знаковую и символическую систему), но очень важно не замыкаться в сфере иррационального, бессознательного и строить культурную политику на основе четких вербальных выражений, осознанных ясных представлений.

Культурный код органично связан с менталитетом народа. Менталитет – это мировосприятие, умонастроение, проявляющееся в совокупности психологических и поведенческих установок, ценностных ориентаций индивида, социальной группы, общества в целом. Он возникает в недрах культуры народа, определяется его историческими судьбами, особенностями общественного развития.

Культурный код и менталитет народа неотделимы от языка. Язык не может не содержать в своей основе глубинные, субстанциальные представления народа о мире, его восприятии, он включен в культуру этноса, а культура включена в язык. Язык, по известному выражению М. Хайдеггера, – дом бытия. В.А. Маслова справедливо отмечает, что «каждый язык отражает определенный способ восприятия и организации (“концептуализации») мира» [9, с. 15]. В языке так или иначе проявляется ценностная картина мира, присущая тому или иному этносу. Вместе с тем нельзя согласиться с В.А. Масловой в том, что культурный код нации – это язык. Культурный код нельзя ограничивать только сферой языка, он связан с традициями, обычаями, ценностями и нормами народа, особенностями его психологического склада. Очевидно,

к примеру, что все испаноговорящие народы отличаются существенно и своим культурным кодом, и менталитетом.

Историческая память. Сохранение и воспроизводство культурного кода невозможно без обращения к исторической памяти народа. Историческая память «вшита» в культурный код нации. Прошлое не уходит бесследно. Оно отбрасывает тень на настоящее, довлеет над ним, определяя контуры будущего развития. Роль исторической памяти возрастает в переломные эпохи в развитии общества, в период безвременья, утраты прежних идеалов и попытки достижения новых горизонтов. Настоящее влияет на образы будущего. Более того, память приковывает человека к прошлому, к традициям ушедших поколений, которые, по словам К. Маркса, «тяготеют, как кошмар, над умами живых» [10, с. 119].

Прошлое, так или иначе, остается в настоящем, является важным элементом структуры современного общества. Историческая память, как и коллективная память (социальных групп, поселений и т.п.), выступает важной предпосылкой не только групповой идентичности, но и идентичности социума в целом. Исследователи данного феномена приводят разные его определения. Нам ближе позиция Л.П. Репиной, которая трактует историческую память «...как одно из измерений индивидуальной или социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем» [11, с. 414].

Понятие «историческая память» тесно связано с понятием «коллективная память». Под «исторической памятью» подразумевается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [11, с. 416–417].

Порой в качестве синонима исторической памяти используется историческое сознание. Но первое – более широкое понятие, так как включает не только стихийно складывающиеся знания, образы, символы, представления, но и научные историографические положения. В этой связи некоторые исследователи пытаются противопоставить историю как науку и историческую память. К примеру, М. Хальбвакс полагает, что историческая память – это важнейший фактор самоидентификации группы. При этом существует несколько вариантов коллективной памяти, в то время как история только одна [12].

По мнению Дж. Тоша, история предстает как точная наука, тогда как историческая память создает интерпретации, мифы в угоду политической целесообразности, в интересах социальных групп [13, с. 11–32].

В то же время М. Фуко по отношению к истории применял понятие «контрпамять», подразумевая, что историки не пытаются постичь истину, а обслуживают власть, конструируя историю в рамках современных им дискурсов. Возникает вопрос: может ли историк быть «ангелом во плоти» и стать выше всякой политической целесообразности, служить только истине? В действительности это лишь идеал, к которому должен стремиться исследователь. Очень часто мы сталкиваемся с другим положением вещей. На воспроизведение прошлого в трудах историков и в различных политических документах влияют традиции, ностальгия, идеологические ценности и политические интересы. Слишком часто интерпретации исторического прошлого являются идеологическим средством для достижения сиюминутных политических целей. История и память о ней становятся ареной борьбы с внешним и внутренним противником. Наблюдается стремление государственных деятелей, лидеров партий прибрать к рукам память о прошлом своей страны. Речь идет о политическом использовании истории. А.И. Миллер отмечает: «...тенденция политизировать историю глобальна. Скорее всего, каждый отдельный элемент исторической политики в странах Восточной Европы в последние десять лет можно найти и в других регионах мира; а каждая восточноевропейская страна выстраивает эти элементы немного по-своему» [14, с. 20]. Историческая политика здесь представляет собой качественно новый набор практик политического манипулирования историей. Пока академическая наука искала «новые подходы» к изучению истории, политические публицисты, СМИ преуспели в фальсификациях исторических явлений, переоценках исторических деятелей и фактов. Примеров эскалации такой исторической политики в сферу межгосударственных отношений и повседневной жизни отдельных стран предостаточно. Вспомним хотя бы миф об одинаковой ответственности фашистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, об оккупации стран Прибалтики и т.п. В этой связи нельзя не вспомнить положение В. Дильтея о том, что историю надо не объяснять, а понимать.

Важным компонентом исторического сознания и формирования исторической памяти является контекст. То или иное историческое событие нельзя вырывать из окружающих общественных условий. Историю нельзя осовременивать, мстить ей – тем более. Когда речь идет об оценке тех или иных явлений прошлого, всегда необходимо учитывать всю сложную конфигурацию внутри- и межгосударственных отношений. Абстрактной истины, как известно, нет. Она всегда конкретна. Это, во-первых. Во-вторых, историческая память любого народа не может быть избирательной. Она призвана хранить все в полном объеме, а не выделять одно и умышленно замалчивать другое. В-третьих, история – это не только история «высокой» политики, не только результат профессиональной работы ученых-историков, но и так называемая устная история, а также образы, создаваемые писателями, кинематографистами и т.д. Важно учитывать и мир повседневности. История – это судьба миллионов. Вот почему важно использовать воспоминания простых людей, которые жили, трудились, боролись. Непреходящее значение

имеет история региона, с которой связаны люди самым непосредственным образом. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «...местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [15, с. 15].

Духовные ценности, идеологические приоритеты влияют не только на историческую память (интерпретации прошлого), но и на весь комплекс общественных отношений. Общность исторических судеб не может не сказываться на динамике регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Пока в сотрудничестве России и Беларуси основной акцент сделан на макроэкономических и финансовых показателях. Но одними материальными стимулами, стоящими перед народами стран, проблемы интеграции не решить. Без духовных ценностей, идеологии нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию и реализовать ее. Возникает вопрос: что может выступать в качестве духовных скреп интеграции на самых различных уровнях? Казахстанский социолог С. Салькенов справедливо отмечает, что идеологии потребительства и тотального расчеловечивания в современном мире необходимо противопоставить формирование альтернативной мировоззренческой концепции нравственно-созидательного содержания, идеологию человечности. Вместе с тем предостерегает, что «идеологию человечности не следует воспринимать в общепринятом толковании этого термина, ибо данная мировоззренческая концепция не преследует некие социально-политические и какие-либо другие цели... В сущности, она представляет собой своего рода этику социального поведения, основанную на принципах человечности, не требующих законодательных инициатив...» [16, с. 15]. Если это этика социального поведения, которая не требует законодательного закрепления, то такая идеология не нуждается в какой-то особой разработке. Можно взять учебник по этике и найти там необходимые нормы морали, регулирующие социальное поведение.

Региональные аспекты культурной безопасности. Глобализация предстает не только как формирование единой общечеловеческой культуры. Одновременно наблюдается процесс разделения человеческого общества по качественно новым основаниям: имеет место усиление локальных культур. Данный процесс Р. Робертсон называл глокализацией. Речь идет о том, что унификация в различных сферах общественной жизни сопровождается локализацией, ростом культурного разнообразия, конструктивным сотрудничеством и взаимообогащением культурных регионов.

Глокализация – противоречивое явление. С одной стороны, отмечается связь глобальных характеристик жизни людей и их локальных проявлений. Кроме того, нельзя не видеть известного противопоставления глобального и локального.

Общечеловеческие ценности могут реализоваться лишь в локальной форме. Для человеческой цивилизации как единого целого важен опыт локальных культур.

Глобализация не может не затронуть культурные, идентификационные коды нации. Существует проблема адаптивной трансформации идентичности. Многое в духовных приоритетах не может не меняться. Кроме того, очень важно «не потерять себя» в глобальных процессах.

Таким образом, глобальное развивается за счет локального, а последнее, в свою очередь, оказывает ему противодействие в силу своего потенциала. Глокализация выражает стремление этносов и отдельных регионов, попавших в «жернова» глобализации, сохранить свою идентичность. В более широком плане процессы глокализации связаны с регионализацией. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений. Регионы способны защитить общество, его устои, ценностей от негативных последствий глобализации и выступают постепенно в качестве самостоятельных субъектов международного сотрудничества.

Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран точно проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегакультуры. С другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, обеспечения государственного суверенитета, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия глобализации.

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни, как государства. Примером такой регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. Это, во-первых. Во-вторых, при условии сохранения региональной идентичности. В литературе встречаются самые различные подходы к трактовке данного понятия. Е.В. Еремина определяет региональную идентичность как «объективное состояние, основывающееся на рефлексивном чувстве личной самостождественности и целостности, непрерывности во времени и пространстве... Данное состояние предполагает гармоничное сочетание индивидуальной самости и включенности индивида в региональный социум» [17]. Автор, как видим, приоритет отдает личности как субъекту региональной идентичности. Однако субъектом данного феномена выступают и социальные группы. Региональная идентичность

отражает преемственность их самосознания, выражается в совокупности самообразов. Она выступает как комплексное явление, ее нельзя сводить к территориальному, географическому содержанию. К примеру, Р.В. Пеньковцев и Н.А. Шибанова отмечают, что «региональная идентичность есть осознание принадлежности к общности региональных Своих, ограниченной от Чужих определенными территориально-административными границами» [18, с. 177].

Данный феномен имеет различные грани. Если речь идет об осознании индивидом образа региона как культурного пространства, то на первый план выдвигаются историческая память, традиции, нормы, ценности, символы, присущие данному региону. Когда же говорят о регионе как субъекте многопланового сотрудничества с другими регионами, то акценты смещаются в сторону формирования позитивного имиджа региона. Региональная идентичность зависит от многих факторов: истории региона, географической среды, устойчивости административно-территориального деления, престижности ареала, уровня его экономического и социокультурного развития, характера и эффективности управления, взаимодействия с соседними регионами. Региональная идентичность не статична. Ее содержание и уровень меняются с трансформацией общественного строя, распадом государственных образований, развитием интеграционных процессов и т.п.

Содержание региональной идентичности включает различные элементы. К важнейшим из них можно отнести:

- устойчивые пространственные представления, привязанность к определенной территории;
- совокупность знаний населения региона о своих особенностях, а также оценки места и роли данной территории как субъекта различных форм сотрудничества;
- общность исторических судеб, историческая память населения региона. Это один из важнейших каналов передачи социального опыта, а также важнейший фактор самоидентификации индивида и социальной группы;
- характер духовных ценностей, особенности культуры. Важную роль здесь играют традиции, обычаи, особенности быта, система символов, символическое освоение и репрезентация пространства. К примеру, символическое значение могут иметь памятники истории и культуры, образ жизни, праздники, знаменитые личности-уроженцы региона и т.п.;
- доминирующий уклад хозяйственной жизни, структура экономики региона (сельскохозяйственный, промышленный, ресурсодобывающий и т.п.).

Естественно, важно учитывать такую компоненту региональной идентичности, как референтность. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них.

В современных условиях роль регионов возрастает в многоплановом экономическом, политическом и социокультурном сотрудничестве. Глобализация, безусловно, во многом ведет к кризису, размыванию идентичности. В то же время ей противостоит регионализация, «идентичность места». Ни глобализация, ни регионализация никогда не будут завершенными до конца процессами.

С одной стороны, региональные объединения государств – это важный фактор защиты их суверенитета в условиях нарастающего вала глобализации. С другой – трудно представить себе гомогенное человечество, лишенное каких-либо национальных социокультурных различий. В данном случае мы имеем дело с единством и борьбой противоположностей. Возрастающая унификация экономического и социокультурного пространства (глобализация) сопровождается их дифференциацией (регионализация).

Опыт ряда стран показывает, что региональная идентичность в руках политических манипуляторов может стать фактором раскола общества, нарастания сепаратистских тенденций. Вместе с тем она обладает позитивным свойством объединять людей различных социальных статусов, профессий, конфессий и т.п. Региональное сотрудничество является игрой с положительной суммой. Она выгодна всем ее субъектам. Названные выше элементы региональной идентичности важно эффективно использовать в управленческой деятельности властными структурами с целью повышения привлекательности регионов (инвестиционной, туристической).

В современных условиях роль приграничных регионов резко возрастает, что обусловлено ростом трансграничного движения товаров, расширением туристических потоков, нарастающей миграцией населения и т.д. Как следствие этого, нарастают контрольные функции регионов. Возникают региональные интеграционные образования, в рамках которых приграничное сотрудничество емко описывается словом «сращивание».

Исследователь данной проблемы М.А. Слемнев отмечает, что «глобализация и регионализация мира влекут за собой переконфигурацию и изменение статуса многих старых и возникновение различного рода новых границ. Эта... специфическая черта современного социума необычайно актуализировала тему пограничья не просто как экономико-географического, но антропологического и социокультурного феномена. Столкновение и, нередко, напряженный диалог разных культурных традиций способствуют формированию своеобразного “пограничного человека”. Главным местом его дислокации, как и в доглобализационные времена, является зона государственных границ. Сегодня ареал проживания социальных общностей данного типа значительно расширился. “Люди пограничья” существуют там, где им приходится отстаивать свою этническую и культурную идентичность под напором иного социокультурного окружения. Их число в условиях транспарентности границ глобализирующегося мира непрерывно возрастает» [19, с. 5].

Приграничные регионы – это не просто «оборонительный вал», обеспечивающий безопасность государства, как это было несколько десятилетий назад. Сегодня это те зоны, где происходит «сращивание» социумов во всех сферах общественной жизни. Да, и сейчас приграничные регионы обеспечивают безопасность государств, но на другой основе – за счет создания на границе полосы добрососедства.

Приграничное сотрудничество помогает смягчить отдельные болевые вопросы межгосударственных отношений, в том числе и такие, которые

в силу тех или иных причин затруднительно или пока невозможно урегулировать на более высоком уровне, а также укрепляет и развивает исторически сложившиеся связи [20].

Государство должно создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб.

Каждый из приграничных регионов – это специфическая социокультурная среда, которая подвергается существенной трансформации в ходе глобализации. Последняя не может не оказывать заметного влияния и на процесс самоидентификации населения. Учет основных измерений социокультурной среды, элементов региональной идентичности – актуальная задача органов управления, отвечающих за разработку программ интеграционных процессов в рамках Союзного государства Беларуси и России. Данная проблема требует также пристального внимания ученых-обществоведов.

В условиях глобализации мир расплывается. Все страны пытаются найти какие-то новые границы, ориентиры, контуры своей идентичности, своего места в этом мире. Культурная безопасность – это важный элемент национальной безопасности. Ее роль в развитии общества можно определить как:

- 1) фактор сохранения идентичности нации, преемственности ее развития;
- 2) условие создания духовных предпосылок межрегионального, регионального и приграничного сотрудничества;
- 3) духовное основание жизнедеятельности и воспроизводства социума, выработки стратегии его развития. При том следует учитывать, что эта проблема более сложная, острая, чем, скажем, экономическая безопасность. Последняя может быть обеспечена внедрением новых технологий, роботизацией производства, займами и т.д.

Мировоззренческой основой культурной безопасности является воссоздание и сохранение тех ценностей, которые составляют ядро национальной культуры, ее корневую систему, ее уникальность и идентичность.

Необходимо поставить заслон перед цунами вседозволенности, ... «попсовой» культурой с ее пошлостью, бездуховностью, бездарностью, не требующей глубины мыслей и переживаний. Напротив, следует активнее пропагандировать такие факторы культурной безопасности, как национальные традиции, диалог культур, патриотизм, национальное достоинство, сохранять историческую память народа. Вместе с тем и уходить от критического осмысления новейших тенденций в культурной жизни контрпродуктивно.

Таким образом, культурная безопасность определяется процессами социально-экономической и политической трансформации, социокультурной динамики, менталитетом народа, его исторической памятью, а также реалиями современного глобализирующегося мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: У-фактория, 2006. – 200 с.
2. Можейко, В. Парадигма нелинейного мышления в современной культуре и новые перспективы диалога Запада и Востока / В. Можейко // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. Е. – 2016. – № 7. – С. 68.
3. Степанянц, М. Культура как гарант российской безопасности / М. Степанянц // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 3–13.
4. Васюков, В.Н. Диалог, толерантность, универсализм: теоретический анализ / В.Н. Васюков // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы междунар. науч. конф. и X науч.-теор. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17–15 мая 2016 г. – Минск, 2016. – 236 с.
5. Культурный код [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wikipedia.org/wiki/%CA>. – Дата доступа: 29.06.2015.
6. Рапай, К. Культурный код [Электронный ресурс] / К. Рапай. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180#diskurss> – Загл. с экрана. – Дата доступа: 05.08.2019.
7. Жирикова, Т. Русский культурный код [Электронный ресурс] / Т. Жирикова. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180> – Загл. с экрана. – Дата доступа: 22.06.2019.
8. Бабосов, Е.М. О современном характере идеологии / Е.М. Бабосов // Беларус. думка. – 2003. – № 6. – С. 26–35.
9. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Наука, 2001. – 208 с.
10. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – М., 1957. – Т. 8. – С. 115–217.
11. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 559 с.
12. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 26.
13. Тош, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Тош. – М., 2000. – 296 с.
14. Миллер, А.И. Политические приключения исторической науки / А.И. Миллер // Знание – сила. – 2015. – № 4. – С. 19–24.
15. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
16. Салькенов, С. Идеология человечности [Электронный ресурс] / С. Салькенов. – Режим доступа: <http://trueinform.ru/modures/Phpname=News&sid=4082>. – Загл. с экрана. – Дата доступа: 16.07.2019.
17. Еремина, Е.В. Региональная идентичность в контексте социологического анализа [Электронный ресурс] / Е.В. Еремина. – Режим доступа: <http://regionsar.ru/node/781>. – Дата доступа: 16.02.2019.
18. Пеньковцев, Р.В. Компаративный анализ феномена «Региональной идентичности» (Россия – ЕС – США) / Р.В. Пеньковцев, Н.А. Шибанова // Учен. записки Казан. гос. ун-та. Кн. 3, Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149. – С. 175–190.
19. Слемнев, М.А. Глобализация, регионализация и пограничье. Предисловие / М.А. Слемнев. – Витебск: Изд-во ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 216 с.
20. Черная, И.П. Приграничный регион в условиях глобализации / И.П. Черная, М.Ю. Шинковский // Пространственная экономика. – 2005. – № 2. – С. 50.

ГЛАВА II

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК: К ИСТОРИЧЕСКОМУ КОНТЕКСТУ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ

1

Будущее, действительно сменивший век двадцатый двадцать первый век, тем более новое тысячелетие истории, подразумевает обладание и соответствующим прошлым. Прежде всего, прошлым ближайшего и крайне важного для человечества века двадцатого, разумеется.

Явное непонимание этого века и смысла его важнейших событий – сущностный признак нашей продолжающейся неспособности превзойти и преодолеть прошлое, симптомы остановки роста и даже обратного развития [1, с. 169–182].

Более того, вполне очевидно, что наше тягостное, бездумно вторичное время пытается обмануть человека и историю, и нарочитое непонимание прошлого является важной частью этих его усилий.

Новый век начнется действительно историческим образом не ранее, чем будет подобным же образом завершен век двадцатый, что случится, в свою очередь, не раньше, чем будут по-настоящему осмыслены важнейшие события прошлого, осмыслены с умом и жалостью, как подобает тем, кто взрослее в развитии, кто культурно и исторически старше. Только тогда и будет выполнено предусловие обладания прошлым, являющимся необходимым основанием дальнейшего прогрессивного, подлинно исторического развития. И тем только и будет наконец прервана проекция непонимания и зла, берущая свое начало в роковых неудачах двадцатого века.

Не стоит думать, что будущее станет глядеть на двадцатый век и на его великие события сухо рационалистически или морализаторски, что оно будет слепо к той его стороне, которая так близка и дорога нам, прямым потомкам участников тех событий. Подвиг и страдание, романтика произошедшего, его поэтика, само чувство того необычайного, титанического времени обязательно будут ему понятны; оно не будет смотреть на историю двадцатого века пустыми глазами нынешних нелепых правых ее критиков – они ведь не будущее, они прошлое по отношению ко смыслу многих из тех событий, и поэтому они здесь не пример.

2

Следует признать, что имеющиеся истолкования важнейшего для нашего времени прошлого – двадцатого века – не содержат в себе ни марксистского, ни христианского, ни гуманистического элементов, при том, что интерпретация его событий людьми, действительно принадлежащими

к третьему тысячелетию должна, как представляется, не отвергая, но объединяя, превосходить все эти подходы.

Современные трактовки двадцатого века отражают сейчас, скорее, наше собственное время, а не историю.

Кратко, и указывая лишь на некоторые характерные их приметы, трактовки эти таковы: постсоветский эпический миф, изолирующий события – преимущественно Второй мировой – от контекста исторической реальности и использующий их репрезентации для историко-идеологического замещения неудобных для капиталистических элит революционных событий первой четверти XX века. Это западный нарратив борьбы социоисторического золотого стандарта капитализма и извращенных милитаристских и тоталитарных чудовищ, со все менее критически представляемой Первой мировой, с безмерно преувеличенной высадкой в Нормандии, принятием или даже оправданием Хиросимы, Кореи и подобного, романтизацией войны вообще. Наконец, азиатская посткоммунистическая трактовка, как будто довольно точно, пусть и преимущественно с националистическими акцентами, передающая соотносительный масштаб происшедшего в XX веке. При этом не искажающая чрезмерно его содержания, однако, как и в постсоветском варианте, оторванная от современности самих этих вновь капиталистических государств и избегающая событий их начавшегося в последней четверти двадцатого века возвращения к старому порядку.

Неужели мы всерьез собираемся предложить будущему такие истолкования случившегося – и ожидаем, что подобное будет им принято?

Представим себе это в схематике встречающегося у Станислава Лема гениального и, в сути своей, более философско-антропологического, чем научно-фантастического приема – рассказа о данном предмете на некоем гипотетическом межгалактическом форуме, доклада о нем иным, внеземным разумным и нравственным существам, ничего не знающим о нашей истории и, главное, о наших неписанных правилах обращения с нею, – в той ситуации, в которой, согласно Лему, нам могут быть заданы вопросы вроде «а что такое Хиросима – астероид?» [2, с. 23–37].

Какие ответы на данный момент мы способны дать на подобные вопросы? Пусть не инопланетный разум, но собственное будущее удовлетворится ли нашими условностями здесь?

3

Уместно будет сказать и о нашем собственном времени, в конце концов, имеющийся результат прошедшего века – та удивительная эпоха, в которой мы сейчас живем – интересует нас здесь не меньше.

Мы сейчас своими глазами видим, как окончательно вырождается капитализм – в нечто парадоксально безлично-авторитарное, с сильной примесью откровенного культурно-исторического и политико-экономического

сумасшествия. Поворот на старую, капиталистическую дорогу был, конечно же, ошибкой человечества, в итоге не спасшей от дальнейшей деградации даже сам этот строй [3, с. 7–18].

Сейчас в результате его усилий вместо первого и второго мира возникает некий деструктурируемый и смешиваемый «глобализацией» и ее странностями во всех иных отношениях миграционными компаниями всеобщий третий мир. Это – мир худшего, крайне правого толка, эдакий Уордвилль с дурным коллажем культур и слабеющей, потерявшей национальные истоки и исторические цели, интеллектуальной жизнью, с заимствованными из существования низов третьего мира эмоциональными и некритическими реакциями на различные подсказываемые или даже намеренно создаваемые властью события. Это мир с произволом своей темной жизнью живущих полицейских структур и всевластием финансовых, медийных, военно-промышленных корпораций. Возникает новый Вавилон, изначально строящий не башню, но некую цивилизационно-историческую шахту вниз.

Возможно, что действительно развитые страны не могли в двадцать первом веке, через примерно двадцать пять столетий развития единственной собственно исторической западной цивилизации, быть капиталистическими – и поэтому мы сейчас видим, как политическая и культурная география дополняет и вытесняет историю, давшую такой сбой.

Капитализм, меняясь сам и в то же время оставаясь сущностно самим собою, строит сейчас нечто мрачно-пародийное вместо несостоявшегося будущего исторически прогрессивных сил, с псевдоинтернационализмом пресловутой «diversity». Капитализм с откровенной девальвацией самого капитала в пользу произвольно распоряжающейся средствами централизованной власти, с профанацией самих денег, с умственной пустотой успешно подавленного инакомыслия, постепенно низведенных в ничто образования и высокого искусства, маргинализированных политических, идеологических, культурных протестов. Это – поздний, сам себя переживший капитализм своими темными красками рисует иной мир, который, будучи создаваемым строем, преимущественно опиравшимся всегда на худшее, злое в человеческой природе, будет ему подобен; он строит ад, вернее, злое, античеловеческое царство лжи, жестокости и напрасности существования, ставших всеобщей нормой.

Можно сказать, что это некая пост-последняя, исторически избыточная стадия империализма – стадия, возможная только в том варианте развития событий, который в силу трагически сложившейся судьбы XX века и выпал нам. Стадия, вводящая в игру правящие верхушки крупных развивающихся стран и позволяющая им, в том числе, экономико-политическую экспансию в бедные постколониальные и, частично, постсоветские страны, на рынки развитых стран, но напрямую жертвующая национально-культурным, социально-историческим достоянием, даже житейским

благополучием народов прежних метрополий; это стадия империализма тотального, намеренного целиком вытеснить национально-культурное историческое различие различием исключительно классовой природы. Колонизация метрополий, таков один из не озвученных девизов «глобализации», и этому соответствуют и антибелый расизм, и «мультикультурализм», и прочие, не заслуживающее даже упоминания, псевдоидеологии и псевдотеории.

4

Поздний капитализм пошел на деиндустриализацию Северной Америки и Европы и, соответственно, на создание экзогенных промышленно-экономических гигантов в других местах, что в совокупности и стало фактическим базисом так называемой глобализации. Не устояв перед двойным соблазном эксплуатации грамотного, дисциплинированного, но очень бедного населения Азии и избавления таким путем от собственного рабочего класса, его профсоюзов и партий, от зависимости культурного и образовательного уровней масс и экономики вообще, он решился на невиданное: великая индустриальная традиция была в значительной степени пресечена в месте своего рождения и развития и перенесена и пущена в рост в других регионах планеты. Понятно, что вызванные этим политические и социокультурные изменения не могли не стать еще одним измерением кризиса цивилизационного Запада. Странным образом, ржавые остовы фабрик и покинутые города стали появляться и по ту сторону бывшего фронта Холодной войны – как будто ядерная война, которой так боялись во второй половине двадцатого века, все-таки как-то случилась [4, с. 12], как будто логика того противостояния оказалась сильнее выказавшей малодушные событийности.

Не победой над СССР завершился XX век. Именно невероятным цивилизационно-историческим самопредательством, совершенным в ситуации когда оставшемуся к тому времени единственным ответственным за цивилизацию политическому Западу во главе с США никто не мешал и не угрожал. Самопредательству совершенному из абсолютно капиталистического близоруко-корыстного расчета и с деятельным участием правительственных структур, а не как-то стихийно, и закончился политико-исторический XX век. «Победа над коммунизмом» совпала по времени с передачей промышленности странам и поныне сохраняющим всю структуру власти и идеологическую атрибутику коммунистической эпохи; с невозможностью истолкования этого окончательно исчерпала себя и правая политическая мысль.

Казалось бы, из него исходя, позднекапиталистический порядок, тем не менее, не любит Запад – не только восставшую в минувшем веке дальнюю его окраину, но всю ойкумену; он, впрочем, не любит и человечество вообще. Просто Запада, по историческим причинам, он опасается

больше. Постепенно, из разрозненных вначале намерений и действий, у него, по-видимому, сложилась стратегема, основанная на том, что враг это не только марксист, разглядевший и выявивший то, что видеть было нельзя и вознамерившийся выявленные таким образом социально-онтологические безобразия исправить. Но и те очень многие до него, борющиеся за действительного человека и лучшее устройство его жизни и подготовившие, в том числе, обретение той остроты критического зрения, что доктринально оформилась пока как марксизм. Это вся культурно-цивилизационная общность, от древних греков начиная, где генезис всего этого (и кто знает, чего еще в будущем) оказался возможен.

* * *

Историческое национально-культурное достояние это не фантомный предмет, заданный уходящими, устаревающими дискурсами отживающих свое форм общественного устройства, оно абсолютно реально, оно есть как результат, как эссенция экзистентного, если угодно, как бессмертное смертных; оно, возможно, самое реальное из всего того, чем может владеть, чему может быть причастен человек. Покушается ли на него дистопическая глобализация, злоупотребляет ли им правый национализм, девальвирует ли его непонимание того, что это достояние и есть единственный фундамент подлинного, содержательного и креативного, интернационализма [5, с. 50–54] и даже самого мира как именно мира культуры и истории, во всех случаях совершается сравнимое лишь с отнятием жизни и свободы античеловеческое, контристорическое преступление.

Буквально все, к чему в своей уже загробной жизни прикасается этот себя давно изживший порядок, оборачивается своей противоположностью, наполняясь при этом агрессией и злом. Феминизм, к примеру, становится оскорбительным в своем скудоумии и безвкусице упреком человеческой истории и природе, антирасизм – отвратительным расизмом небескорыстных активистов, по существу, расовых и классовых предателей их собственных социальных групп.

* * *

Нам пора объясниться здесь с читателем: мы не пытаемся превратить эту нашу попытку интерпретации в нечто намеренно левое, специально поляризованное в идеологическом смысле, мы уверены, что не стоит переоценивать узкополитическую составляющую описываемых в этой работе событий, она несравнима с их культурной, собственно исторической и онтологической сторонами. Но при этом нельзя не признать и того, что с правых, прокапиталистических позиций на фоне всего перечисленного выше просто нечего сказать. Как уже отмечалось, правый политический, а также исторический и социально-философский дискурсы именно как дискурсы, как нечто так или иначе разумное и отражающее истину реальности, сейчас уже явным образом невозможны.

Мы также просили бы отличать – то, что пытается сказать эта работа, она делает, идя от истории, имея ее как единственную причину и цель высказывания. То, зачастую поверхностно схожее, что говорит, пытаясь выглядеть прогрессивной, современность – тогда, когда, к примеру, некие кембриджские ученые-активисты заявляют, что Черчилль руководил чем-то худшим, чем нацистская Германия [6], или когда известный религиозно-политический деятель называет глобализацию новой формой колонизации [7] – она делает исходя из своей политической повестки, в целом направленной как раз против истории: Черчилль и его империя плохи для названных выше, потому что он был, по их мнению, «белый супрематист», о глобализации как колонизации нам говорит человек, не шадивший и не шадящий самых исторических усилий для ее продвижения в Европе и, как можно понять, сожалеющий здесь о том, что последняя несет с собой все еще слишком многое от западной цивилизации.

5

Прошлое станет самим собой только тогда, когда появится настоящее, у которого будет будущее, которое будет этим будущим жить – прошлое станет как историческое только для исторически прогрессивного настоящего, ищущего и находящего в будущем смысл своего существования и всего предшествовавшего ему. Для настоящего регресса, за неимением будущего, прошлое служит апологией его существования, поэтому оно и пытается определять себя как то, что, к примеру, «победило коммунизм», как результат совершенного – совершенного в минувшем и собственно не им – действия. Говорить в позитивной модальности, говорить об исторически обязывающих успехах прошлого в созидании, ему, по причине контрастов с результатами собственной деятельности, разумеется, не с руки.

От этого отсутствия будущего и одна из нынешних составляющих убогой повестки этого настоящего: весьма его характеризующий климатический алармизм, псевдоэкологический консерватизм своего рода, действующий так, как будто человечество как космическая надприродная сила может развиться, ни на градус тепла не изменив обстановку в своей «колыбели», как будто очертания материков и океанов никогда не менялись в истории Земли, а человек никогда не отвоевывал у моря новых территорий. Кроме того, он, старый порядок, очевидно собирается, в связи с этим политически мотивированно распределять права на промышленное развитие, через трансфер технологий и кредитов, через санкции подчиненных ему международных организаций, выдавая на таковое своего рода ярлыки.

Оказавшееся запертым в историческом тупике человечество и вправду, кажется, попавшим в некое мальтузианское пространство. Но, вне зависимости от реальности самой проблемы и от стратегий ее действительного решения, нет сомнений в том, что для капитализма это лишь повод рационалистически легитимировать свои антиисторические, античеловеческие

стремления, что позднекапиталистический порядок и эту проблему, как и все прочее, использует к своей пользе и во вред человечеству – ибо в таких, сейчас уже до предела выявивших себя антагонистических отношениях, судьбы этих двух сущностей и состоят.

Однако главная задача этой и подобной ей «глобальных» инициатив – занять пустоту исторически не идущего времени, не дать важному (а это по-прежнему вопросы власти и ее насилия, смысла существования общества, продолжающего углубляться неравенства, вопросы понимания прошлого, о которых мы здесь говорим) завладеть вниманием людей; подобный активизм призван отвлечь от действительных проблем, которыми столь полон поздний капитализм – и который собственно сам и есть из таковых тяжелейшей.

Добавим, что каковы бы ни были референции к реальности того, что он запускает в массовый ментальный оборот: пришельцы, путешественники во времени, алармизмы любого рода, оно обречено на практическую нереальность уже в силу генеральной антиисторической интенции самого этого запуска. Оно все равно – вымысел, даже если на самом деле у части из этого есть действительные референты; оно вымысел, призванный увести от подлинных дел истории, от ее смысла. Нужно помнить, что регрессирующий позднекапиталистический порядок видит, полагает, действует из противоположного развитию, противного действительной реализации исторической реальности направления, он есть как бы – из-под земли, в стародавнем эзотерическом смысле. В истории возможные, спорные, замеченные, но пока не объясненные явления – это приметы фронта будущего, в пустыне регресса это пугающие и обманывающие человека миражи.

Под покровом подобных инициатив позднекапиталистический антикультурный и антиинтеллектуальный порядок – ибо антиисторическое онтологически иным быть не может – производит свои действия, приближающие наступление столь нужной ему зимы земной истории.

Эта зима будет временем, вернее, абсолютным безвременьем власти глобального крайне правого режима – хотя он не будет так сам себя полагать – над ослабленным, сильно поглупевшим миром, который миром в нашем понимании также уже не будет [4, с. 6–15]. Человечество, как человечество истории, эту зиму, вполне возможно, не переживет.

6

За исключением, быть может, нескольких локальных движений, в мире, как он есть сейчас, вообще нет политически здоровых и исторически прогрессивных сил. Силы интеллектуальные, даже если они оппонируют общей позднекапиталистической агенде, по-своему соревнуются с ней в цинизме и глупости, часто очевидным образом ангажированы и во всех смыслах малы. Ничего, кроме естественной инертности социоисторической

реальности и взаимной несогласованности, остающейся взаимной вражды движений дурного, не стоит сейчас на нашем пути к дистопии.

Неизбежные даже в такой ситуации ростки исторически позитивного, благого развития, локально пробивающиеся в форме, к примеру, все большего неприятия смертной казни, развития и узаконения толерантного отношения к сексуальным и психическим особенностям людей, улучшения отношения к животным, до сих пор очень плохого, или попыток внедрения бесплатных и доступных для дальнейшей модификации программных продуктов, а также в форме любых иных гуманизирующих, исправляющих к лучшему отдельные аспекты жизни, инициатив, с той же неизбежностью подавляются или извращаются по-прежнему господствующей злой механикой отношений капитализма.

Те кумуляции прежнего прогресса в науке и технике, чья реализация пришлась на ее время, эта эпоха использует по-своему: к примеру, «искусственный интеллект» для нее это средство управления войсками и техникой в атавистических войнах, инструмент контрразведывательной работы и цензуры содержания компьютерных медиа; в целом автоматизация сфер производства, транспорта, обслуживания ведет, в логике этой сохраняющей главное от капитализма эпохи, прежде всего к усилению угнетения и отчуждения человека.

От только что названного недалеко и до главного здесь мотива позднекапиталистического порядка: публикации в его прессе об этой проблеме неспроста не обходятся без упоминания об ожидаемых именно «сверхчеловеческих» способностях «искусственного интеллекта», о скором достижении им превосходства над человеческим разумом, показательно и то, что сами технические проекты «искусственного интеллекта», еще почти ничего не умея, поспешили занять создаваемые ими программы генерированием псевдопроизведений живописи и поэзии, глупо и кощунственно подделывающихся под умерших классиков, и участием в попытках политических дискуссий. Дело в том, что ум, та самая способность к критическому мышлению, которую невозможно отнять и присвоить, и человеческая креативность как таковая всегда делали систему неравенства капитализма откровенно неполноценной, выявляя ее бессилие: никакая власть и никакое богатство, никакая обеспечиваемая ими трибуна не в силах ведь исправить бесталанность и умственную недалекость, *eo ipso* присущие ему и его персонажам. Поэтому капитализм надеется здесь наконец превзойти и обесмыслить эти великие свойства человека – свойства онтологической природы и исторического генезиса – с помощью технических средств, которые будут уже по рождению своему только его, будут его собственностью. Но, на его беду, ожидаемое чудо либо окажется имитацией и профанацией, либо, как и все разумное до этого, не полюбит его.

Сама ситуация предполагаемой возможности машинного интеллекта и связанная с этим активность служат невероятным зеркалом, в котором

лишь полностью лишенное самоиронии современное человечество не видит, как смешно оно – тогда, например, когда его ученые «скармливают» самоизменяющейся программе книги, которые сами вряд ли сумеют понять [8]. При этом, несмотря на весь комизм попыток конструирования сверхразумного сознания теми, у кого от всего знания о деле мысли, о связи ее с бытием [9, с. 192] осталось столь немногое, все-таки следует понимать: если, паче чаянья, задуманное удастся, возникшее на основе классических текстов создание – и вправду сумеющее разумно, исторически логично освоить такой материал – со всей не знающей человеческих слабостей решительностью сразу же попробует «распропагандировать», как говорилось одно время в двадцатом веке, или тем или иным образом нейтрализовать своих незадачливых корпоративно-милитаристских создателей, ибо высокая культура, конечно же, имманентно революционна.

* * *

Мы привыкли считать историей все случившееся соответствующего масштаба. В этот раз это может быть и не так: случающееся может оказаться частью иной, уже в неисторическую область существования и даже несуществования ведущей последовательности событий, эпилогом, преддверием скорого и ни к каким «омегам» историософии не принадлежащего конца. Вероятно, главный вопрос сегодня – это вопрос о том, совместимы ли временность, обратимость выпадения из истории с обретенной потенциальностью произвольного уничтожения человечества тем или иным способом. Вопрос стоит о сочетании радикального могущества негативных политических, технологических, военных действий и регресса. Еще один, смежный с этим, вопрос (который, возможно, поздно уже задавать) состоит в том, не находимся ли мы уже сейчас в стадии необратимого вырождения человечества – и не потому ли, не для того ли и есть то, что называют «глобализацией», и не отсюда ли то отвержение, то намеренное непонимание истории, о котором мы здесь говорим.

7

Война присуща капитализму как одна из предельных реализаций имманентного ему стремления к неравенству и им обеспечиваемой возможности господствовать и угнетать, как продолжение питаемой этим внутренней войны власть имущих капиталистического общества против всех прочих.

Вспомним, что начиная с 1914 г., в мире, где не было еще ни фашистов, ни коммунистов, многие миллионы людей в самом сердце Европы были убиты, – в том числе, ядовитыми веществами, неделями длившимися артиллерийскими ударами, взрывами минных подкопов огромной мощности, на столетие изуродовавшими ландшафты – в войне, ведшейся при порядке, идеологически мало отличавшемся от вновь воцарившегося везде.

И поэтому ситуация, когда нынешние голоса капитализма в повседневной риторике походя поминают страшные события XX века, пытаясь обернуть их к собственной политической выгоде, морально нетерпима и исторически противоестественна.

* * *

Германия, как она была в мировой истории и культуре, была, собственно говоря, убита суммой произошедшего: Первая мировая, веймарский и нацистский периоды и снова война, страшные первые послевоенные годы и раздел, вылившаяся в общую американизацию интеллектуальной и политической жизни «денацификация» и своеобразный социализм в меньшей, восточной ее части, наконец, по-своему также разрушительное объединение.

Но и СССР, как стало понятно много позже, был смертельно ранен Второй мировой войной, а также политическим террором и общей непомерной тяжестью испытаний, выпавших его народам [10, с. 59–60].

Нужно ведь понимать, что человеческое пребывание в значительной мере проходит в сложных объемах коллективов и групп, сущностная атмосфера в которых, как всем нам известно из опыта, зависит от присутствия или отсутствия нескольких хороших и сильных духовно людей. Один-два нравственно здоровых ребенка из таких же семей – и десять лет сорока человек тогдашнего школьного класса сложились хорошо и счастливо и многое определили в дальнейшем будущем этих людей; сходным образом и в учительском коллективе, и везде далее. И, напротив, их отсутствие – и вот внутри сколь угодно справедливо устроенного общества действительная, непосредственная среда жизни становится местом цинизма, агрессии и тоски, через мутную призму которых и формируются отношения с целым страной и ее истории, с политическим строем. Отнесенное на поколение, на два назад, число этих так и не пришедших в жизнь хороших людей непременно окажется соизмеримым с потерями страшной первой половины века, с той долей людей со светлой душой, которую избирательно отнимают такие невзгоды – уже в силу экзистенциального обострения ими оппозиций трусости и мужества, низости и благородства, в силу особой трагичности судьбы светлого в ими затемняемом мире. И вполне можно думать, что рассогласование мест непосредственного пребывания и общего социального-политического пространства в конце концов и погубило советское общество.

По законам человеческого воспроизводства – не количественным, но социально-антропологическим и, быть может, даже спиритуальным – пустота отсутствия хороших людей умножалась, достигнув к 1980-м гг. критического значения. Отсутствие не рожденных, не возвращенных сильных и добрых – в аудиториях и казармах, в цехах, в партийных и научных кабинетах, на улицах – достигло к тому времени запредельных для общества такого типа значений.

Это усугублялось идеологическими ошибками, культурной и интеллектуальной слабостью, проявлениями так и не изжитого никогда до конца сталинизма – и общим грузом самодержавно-имперского и, по большей части, очень жестокого к человеку прошлого. Не стоит также забывать и о том, что задача построения принципиально иного общества была сама по себе невероятно трудной.

Коммунизм, точнее, имеющая его своей целью коллективная и индивидуальная деятельность, это еще и определенный уровень нравственности и интеллекта – и того их неразделимого интуитивного единства, что умел передать гений Платонова. Это единство, в котором находит себя и предчувствие будущего, трансперсонального в том числе, – ниже которого эта деятельность невозможна, при снижении которого наступает ее вырождение и коллапс в злую и глупую пародию на саму себя.

То, что известно под названием «Перестройка», также принадлежит истории СССР. Это было назревшим и естественным для послесталинской исторической динамики периодом, периодом нужным и должным, но по слабости не развивавшейся десятилетиями общественной мысли, в том числе откровенно загубленном развитии марксизма, при деградиционном уровне многих аппаратчиков того времени, уже ни в коей мере не бывших людьми прогрессивных убеждений, примитивном западничестве, ретроградстве, мелкобуржуазном национализме значительной части интеллигенции и возраставшем мещанстве масс, период этот закончился известным образом.

Сказалась также сила постцензурной ре-деформации, не выправившей, но в другую сторону все политико-историческое сломавшей. Из-за нее, из одной крайности далеко в другую, динамика происходившего быстро стала реактивно-реакционной – и это почти некому было поправить, в ответ ведь были лишь заглушаемые и преимущественно сталинистские голоса.

8

Говоря о современных постсоветских странах, следует помнить о том, что мы являемся здесь свидетелями величайшей социально-исторической драмы, длящейся выплаты страшной цены за попытку превозмочь прежнего человека и его общественное устройство, изменить саму онтологию коллективного существования. Эта цена заплачена за всех нас и за людей будущего и только они, собственно, и смогут вполне оценить эту жертву. Прочим, особенно членам не менявшимся в своей сути истэблишментов – не помогавших, но, напротив, изо всех сил мешавших этой по большей части одинокой советской попытке построить новый, лучший мир, истэблишментов, изощренно и истово упорствовавших и упорствующих поныне в исторической косности – надлежало бы здесь молчать.

Там повсеместно сейчас происходят странные, страшные вещи, но надо понимать, что это – разбившийся гиперисторический аппарат, разбившийся, но все-таки, во имя всех людей, летавший.

* * *

Наше якобы понимание советской эпохи – это либо восторженный идиотизм постсоветских «коммунистов», даже не отдающих себе отчета в том, что столь презираемая ими последняя итерация советского руководства и руководство, напротив, любимой ими сталинской эпохи родственны как варианты правого ревизионизма. Оба являются реакционными превращениями под действием унаследованного из прошлого – преступно простодушной и регрессивной редукции западной его составляющей в первом случае, самодержавной и деспотической во втором – и там, и там со стремлением поиграть в эдаких новых царей, влиятельных в делах Европы, либо «понимание» – это есть предельно наивный, крайне правый антикоммунизм, до сих верующий в «рынок», в возможность свободы под гнетом ростовщиков и монополий и их силовой и идеологической обслуги, путающий демократию и демагогствующие олигархии и все, и в прошлом, и в настоящем прощающий последним. Антикоммунизм, неразделимый, разумеется, с антисоветизмом, нигилистическим в отношении собственной истории, не желающим признавать исторически, фактически очевидного, того, к примеру, что именно советской властью была институализирована роль как будто бы дорогого ему национального языка, что при этой власти состоялись или были образованием донесены до масс классики его культуры, развились города и промышленность, возник сам тот культурно-исторический ландшафт, в котором он сейчас и разыгрывает свои реставрационные действия националистического или, с несущественными поправками к названному выше, шовинистического и мракобесно-религиозного толка.

* * *

Встречающееся и в политическом – уже у Черчилля, например [11], – и в дешевом пропагандистском вариантах приравнение, или намеки на таковое, сталинизма и нацизма, разумеется, неверно. Нельзя оценивать такие явления без учета исторически подтвержденного направления их движения и результата существования. Советское, даже на этом страшном своем этапе, – часть развертывания совершенно иного, по общему смыслу отличного сюжета истории, чье действительное продолжение было потом явлено самой реальностью. Жестокости и безумства на борту корабля, повредившихся умом, затеявших, по сути, кровавый поход в Валгаллу, и корабля исследовательского – прямо скажем, полярного, учитывая сопровождавшую советское в его историческом плаваньи обстановку – никогда сущностно одинаковыми не будут. Если продолжить метафору, это относится и к тому всеобщему кораблю работяг, кораблю капитализма, на котором мы вновь совершаем беспросветное плавание.

При всех совершенно понятных, должных даже, гуманистических интенциях, исходить в конечной оценке исторических сил и явлений из количества сопровождавших их жертв – нельзя; известно, каким насилием, временами просто непередаваемым, сопровождалась история христианства, как часто оно привлекалось для апологии и даже инициации невероятных жестокостей, но значит ли это, что эта религия, ее Книга, вся та непомерная часть нашей культуры, которая сформировалась под их непосредственным влиянием, должны быть нами осуждены и отброшены?

Человек, на этом все еще раннем этапе его истории, как окончательно показывают сотни тысяч, оценивая осторожно, жертв военно-политического насилия уже посткоммунистической эпохи, есть коллективно убивающее себе подобных существо; собственно к преодолению такого, дикого еще человека и были направлены все исторически прогрессивные усилия новейшего времени, потерпевшие пока неудачу.

9

Фашизм прошлого превратился в удобный нравственно-политический отрицательный экстремум, в сравнении с которым буквально все что угодно выглядит не столь уж и плохо, но это не обязательно так.

Задумывая и начиная войны не в опьянении дурной идеологией, взявшей верх в условиях военного поражения, репараций, кризиса, охватившего все стороны жизни, но открыто, осознанно цинично и из вполне благополучного политико-экономического положения, много лучше ли мы поступаем, чем темные силы прошедшего столетия? На достаточной ли высоте проходим мы в таких случаях поверх фашизма прошлого – если рассуждать, например, исходя из философии морали Канта?

Помимо войн, чудовищным политическим практикам современности ведь нет числа, они всего лишь распределены по странам и лишены того характерного, откровенного стиля, что был присущ большим злым явлениям прошлого века.

К тому же не стоит забывать, что не только антисемитизм, но и антикоммунизм был среди главных мотивов жестокостей фашизма и нацизма, а им – открытым, поощряемым, провозглашаемым с самых высоких трибун, – несмотря на отсутствие реальных политических противников такого рода, полна сейчас наша эпоха.

* * *

Сам национал-социализм не был неким вземного происхождения злом, он уродливое дитя травмы свержения и несправедливости послевоенного устройства, он мутация, похитившая силу отчаяния и неприятия капиталистического мира, перешедших предел возможного в страшном апофеозе Первой мировой – мутация, обратившая, вместо борьбы за освобождение, это отчаянье в конце концов в слепую и самоубийственную месть. Не победи реакция, эта сила, как и сама великая мощь творческого,

деятельного и мужественного немецкого народа, пошли бы в дело прогрессивного преобразования мира и, несомненно, решили бы этого дела исход.

Многие деятели национал-социализма, физические и психические инвалиды Первой мировой, сами есть биографическими и экзистенциальными свидетельствами такого генезиса этого явления. Спустившись всего на одно, в двенадцать лет, звено истории, мы выйдем к самим причинам зла – к капитализму и его империалистической войне, к ее последствиям, в том числе, к Версалю и Веймару.

Присмотревшись, мы увидим здесь страшную трагедию двух поколений Германии – ветеранов-жертв Первой мировой и росшей в безвременье веймарского периода немецкой молодежи, – уведенных реакцией от действительного, исторически правильного ответа на такую реальность, уведенных и использованных ею в своих антиисторических целях.

Расхожее упрощение «фашизм это ответ на коммунизм» принадлежит, разумеется, к околополитическому просторечию, подобные соединения трюизмов и софизмов предмет, скорее, гносеологии – как формы будущих заблуждений, как зерна лжи: тут ведь в как будто внешне не полностью неверную форму впаяна логика ложной каузальности «не было бы коммунизма, не было бы и фашизма», а капитализм подразумевается как не нуждающаяся даже в упоминании нейтральная норма, не участвовавшая, выходит, в этом порождении крайностей.

* * *

На примере Германии видно, что реакция, по крайней мере, в двадцатом веке, не столько обладает собственной силой, сколько извращает и, извратив, использует силу чужую. Здесь это не столько собственно «реакция», сколько некое отклонение исторического движения, некий его рикочет. Отметим, что по той же схеме реакция действует и в наши дни: так поступила она, как уже говорилось, с феминизмом, с борьбой против расового неравенства, со множеством иных важных и первоначально истинно-исторических, истинно-человеческих и в целом благих явлений.

Увод от классового к расовому и этническому – не новая стратегия, никогда не приносившая добра. В наше время она осуществляется в диапозоне от крайне правого постсоветского национализма и ксенофобского коммунализма больших, сложной этнической и конфессиональной композиции, стран третьего мира, до пресловутых «diversity» и «identity politics», на деле форм расширенной расовой дискриминации. В развитых многонациональных обществах; в тех же целях используются родственные названному шовинизм и злые религиозно-исторические сказки.

Национал-социализм сумел сделать так, что его социалистичность, измененная уже самим этим синтезом именованная, оппонировала, к примеру, финансовым воротилам капиталистического мира не только в силу их роли в устройстве тогдашней реальности, но и в силу иррационального поиска во всем виноватого племени, воспрещенного самой логикой

развития человека и культуры. Последнее неизбежно редуцировало в нечто этически недостойное и предельно архаическое и весь протест против господствовавшего порядка.

Яростный антикоммунизм, взятый еще со страшных улиц 1919 г., дополнил все до невероятно полезного мировому капитализму социоисторического идиота.

Так был дискредитирован и завет мертвых Первой мировой, а значит, и погибших товарищей старшего поколения нацистов – завет, который, получается, был хотя бы отчасти исполнен только в ранней революционной России.

* * *

Есть фашизм и национал-социализм как исторические явления, начавшиеся и закончившиеся периоды и случившиеся в них события, и есть клонящееся к иррациональному нарративное обоснование военного и полицейского насилия, есть толерантная, апологетическая и даже генеративная по отношению к такому насилию социально-политическая среда, которые по-прежнему с нами. Дело идет к вековому юбилею возникновения фашизма, но мы все еще при корнях этого явления, в опасности нового полномасштабного прихода его форм. Мы используем, даже не замечая этого, его словарь – многие ли помнят, что, к примеру, «геополитика» использовалась национал-социалистами?

Современному миру, находящемуся в регрессивном состоянии бесконечных военных конфликтов, дискредитирующих себя с каждым словом и действием элит, полицейщины и цензуры, общего упадка мысли и крайнего социально-политического неравенства, нельзя сейчас признавать, что эти явления середины прошедшего века – следствия уже тогда бушевавшего кризиса капитализма. Ответы на этот кризис пошли и были пущены по бессмысленно-страшному и заведомо самоубийственному пути. И поэтому возвращение в капитализм и исторически, и политически, конечно, ничего не могло разрешить окончательно.

10

Как уже говорилось в начале этой попытки истолкования, двадцатый век закончился, но не завершился действительно-историческим образом, – в том числе потому, что он до сих пор не понят, во многом, не понят активно и преднамеренно, ведь это стало бы приговором для странного межвекового порядка, царящего сейчас везде, пусть и с некоторыми, политически и исторически малосущественными, вариациями.

Действительному историческому наследию XX века будет соответствовать иной восприимчив, иное будущее, к которому мы, нынешние, вообще не являемся ключом. Содержательно, мы по отношению к двадцатому веку есть не его будущее, но некая темная альтернативная версия,

также не стыкующаяся сущностно-исторически и с веком девятнадцатым и, возможно, со всем ходом истории едва ли не с Возрождения начиная.

Свидетельством прихода прогрессивного, действительно-исторического будущего станет образование прошлого – прошлого, ему соответствующего, понятого и представленного в его истине или, по крайней мере, в светлом стремлении к таковой. Это сделает, как уже было сказано, и крайне важный двадцатый век действительным наследием века нового, обязательно внимательного и милосердного к своему трудному и страшному предшественнику.

Пора наконец понять богиню Клио и этот ее иконический разворот лицом назад правильно. Творческое благое развитие делает для прошлого, являющегося непосредственной частью реальности нашей жизни как людей истории, никак не меньше, чем для будущего; оно создает не только будущее, но и прошлое, соответствующее растущему вместе с историческим творчеством пониманию бытийно-исторической судьбы человечества и самого бытия, так образуя полноразмерное место / время обитания исторического человека.

Свидетельством действительного начала нового времени, свидетельством выхода из затенения последствиями событий века двадцатого, станет также своего рода дискурсивная демилитаризация истории. Будущее не станет вступать с военно-политическими силами прошлого в странные транстемпоральные коалиции, в каковых, по существу, до сих пор состоим мы; его собственное будущее станет его главным союзником. И когда это вполне произойдет, и известная максима о суде победителей сама наконец станет прошлым. И в целом, став лучше, чем были люди того века, чем есть мы, и обретя с тем большие, чем у них и у нас основания судить о делах человеческих, будущее обретет – и несомненно воспользуется – и правом от такого суда отказаться. В любом случае, нынешним лицемерию и дегуманизации, квази историческому трайбализму и использованию трагедий прошлого для обоснования собственной власти там, уверены, места уже не будет.

* * *

Наше будущее – в оставленных нами в двадцатом веке вопросах, к которым нам раньше или позже придется обязательно вернуться. Наше будущее, в связи с этим крайне необычно онто-исторически ибо подразумевает эту уже отчасти начавшую ранее сбываться часть; наше будущее в существенно-содержательном смысле отчасти есть прошлое и уже само это «есть», а не «будет», делает его онтологическим парадоксом.

В связи с этой парадоксальной ситуацией регрессивного настоящего, интерпретация прошлого – очень важный рубеж обороны пока укрепившегося старого порядка, действительное будущее начнет приходить через преодоление его.

Обобщая, можно сказать, что все господствующие сейчас истолкования событий XX века исключительно инструментализированы и партийны: не желающие развития человечества силы сделали себе из этого века некий ретроспективный экран сравнительного исторического самолюбования, пусть аспекты показываемого и несколько отличаются у различных этих сил частей. Этот экран должен быть убран, ибо он, в силу самой онтологии исторического бытия, отделяет нас не только от прошлого, но и от будущего как будущего истории, не в последнюю очередь создаваемого действительностью связи того, что на самом деле было, с тем, чему, в том числе и поэтому, предстоит / надлежит быть.

* * *

Будущая история станет наукой прогрессивного общества, в ней то время, о котором мы говорили здесь, и время, из которого мы это делали, пойдут, наверное, под рубриками «Начало действительной истории человечества: трагедия XX века» и «Временное возвращение, деградация и распад позднего капиталистического порядка». У общества непрогрессивного, если мы посмотрим на все то, что имеется, что проявляет себя уже сейчас, просто не будет ни историографии, никакой-либо другой гуманитарной науки. В том страшном виварии существ, необходимых только как нижний конституент всеобъемлющего неравенства, как резервуар страданий, столь сладких злу, и который уже сейчас готовят различные функции капитализма, эти науки, разумеется, будут не представимы и не нужны.

11

Вне наивности раннего Просвещения, вне догматики поверхностных интерпретаций марксизма и недолжных упрощений его материализма, имея хотя бы некоторое почтение к великой тайне человека как такового и к создаваемой им истории, нельзя считать, что люди есть только результат воспитания, среды и общественных отношений.

Эта несводимость человека к одним лишь обстоятельствам его жизни, без которой и история, и культура очевидно не смогли бы даже начаться, без которой сам человек так и остался бы всецело принадлежащим экосистемам природы, позволяет думать, что в конечном, уже, если угодно, историко-метемпсихическом итоге разрешение описанного в предыдущем разделе парадокса взаимоотношений прошлого и настоящего / будущего нужно для того, чтобы благородные души погибших вновь могли бы вернуться в наш мир существования. Пусть здесь мы несколько и злоупотребляем платонизмом.

Мы, разумеется, не знаем точно, как обстоят там дела – как не знаешь этого и ты, читатель. Плутарх, ссылаясь на Гераклита, говорил даже, что в этом мире необходимы «неизвестность и неверие в то, что будет после смерти, ибо душу, убежденную в “том, что ожидает людей после кончины”, по слову Гераклита, не удержало бы ничто» [12, с. 235].

Спросим себя: в чем причина нынешней откровенной духовной нищеты человечества? Реалистическая мысль заговорит в ответ об общественных отношениях и образовании, об условиях интеллектуальной жизни, высокого искусства, умной и благой деятельности вообще – условиях социокультурных и политико-экономических – и она будет, несомненно, права. Но ведь эти условия, рассуждая не менее реалистически, возникли исторически, прежде всего, стали результатом трагического, миллионами трагившего живые души, XX века. Реализм, как видим, не опровергает наше приведенное выше спиритуалистическое предположение.

Так или иначе, наши чаяния – о возвращении духовности в человеческое существование, пусть слово это и затерто до неразличимости убогими нарраторами современности, о непредставимом без этого возвращения восстановлении утраченного смысла и подлинной историчности социокультурного бытия. Понимаем ли мы эту чаемую духовность как нечто обобщенное или как нечто индивидуализированное, речь все равно идет о наполнении существования высоким – не оккультным, симуляционным, но действительным, способным исторически прогрессивно изменять реальность, эйдетически вверх поднимая ее. Речь, так или иначе, об одухотворении жизни людей, и выбирать здесь общее или индивидуальное все равно, что спорить о том, какая составляющая важнее в концептконтекстуальном единстве. Если вместо сказанного выше мы заговорили бы только о возвращении утраченных благородстве и духовности, это тоже ведь было бы правдой. Но объективная герменевтика исторического бытия, как представляется, требует признания не только духовности, но и прибывающих и действующих в ней душ, лес вне деревьев ведь очевидная и неудачная абстракция.

Духовность вернется тогда, когда появятся и проявят себя творческие и бескорыстно-деятельные люди, поэты и герои, то есть люди со способной на подобное душой, как бы мы, сообразно с нашими умственными пристрастиями, ее не именовали.

И если эти души будут «лишь» вновь возникнувшим результатом взаимодействия социокультурного и психического, то и он ведь будет зависим от исторического прошлого как основы своего содержания – и от обновления прогрессивной исторической деятельности, прерванной бездушием регресса как условия уже собственной реализации.

Метафизический смысл историзма состоит в том, что он делает вопрос метемпсихоза, по крайней мере, отчасти не актуальным, прогрессивное историческое развитие и подлинная культурно-историческая традиция решают его реалистически; история, по-своему, это форма бессмертия смертных – и даже нечто большее, нечто выше, драматичнее и креативнее, чем оно.

Нарушенная массивными искажениями, в том числе сохранившимися и по-прежнему не дающими нам приблизиться к важнейшим событиям

деформациями интерпретационного поля Второй мировой войны [13, с. 47] и смежного с ним поля векового идеологического противостояния, скованная отсутствием сейчас будущего, история не способна выполнять эту функцию, переставая и здесь онтологически быть собой.

Эти деформации являются частью общего механизма регресса, будущее и похитившего, они послужили его началу и были затем инкорпорированы им; они должны быть обязательно выявлены и заменены настоящим знанием.

12

Двадцатый век, как, возможно, никакой другой, показал, какова действительная сила врагов истории и помогающих им слабостей человеческой природы.

«Реакция» – это часто употреблявшееся нами слово, для многих звучащее, быть может, как нечто из повествования о николаевской эпохе – что была она в описываемом здесь? И чем было в двадцатом веке само столкновение реакции с ей противостоящим?

Вооруженное насилие двадцатого века явно больше, чем только «повивальное» насилие, которое, по Марксу, сопровождает появление исторически нового [14, с. 754]. Старое не просто сопротивлялось, оно само частично превращалось в новые агрессивные сущности антиисторического свойства. Оно передавало, навязывало, тем или иным образом, часть своих собственных злых и ретроградных свойств исторически новому, пытавшемуся его сменить, хотевшего сместить его из настоящего в прошлое истории, тем частично обесмысливая и уменьшая вероятность этой перемены. Реакция была трехсторонней – собственно защищавшее себя старое капитализма, новое, но старее старого, фашизма и нацизма, и «постаревшее» новое: попытки построения коммунизма, не устоявшее перед соблазнами догматизма, авторитаризма, репрессий. Эта троичная конституция реакции в полноте своей выявилась ко времени Второй мировой войны.

Старый мир разрушительно преобразовывался сразу в двух сущностно-исторических направлениях, вверх и вниз, вступая при этом с вновь появлявшимся в сложную борьбу за существование. Именно добавление этого разрушения вниз, сделавшее его как будто не худшим из существовавших зол, в итоге и спасло старый мир от поражения, помимо прочего, скрыв отчасти саму его катастрофу. Так, распад колониальной системы стал восприниматься как следствие войны, а не как непосредственный морально-политический коллапс самой этой системы. До сих пор в репрезентациях истории краткий, но бурный феномен нацизма затмевает позор столь долгого существования колониальной системы и сам непреложный факт того, что у нацизма был куда как более протяженный во времени и в пространстве предшественник в делах основанного на презумпции природного неравенства народов международного насилия, осознанного

и оправданного именно в качестве такового. Заслонена и странным образом полуоправдана войной Второй во многом оказалась и империалистическая, как называлась она в советской историографии, Первая мировая.

Наше время, непосредственно происходя из событий конца противостояния систем, тем не менее, генеалогически соединено с результатами этого трехстороннего наступления и любое движение к подлинному, существенно новому будущему связано будет поэтому с преодолением этих успехов реакции и предупреждением их повторения впредь.

13

Сколько-нибудь серьезные защитники капитализма, когда таковые находились, ссылались обычно на различие людей – интеллектуальное, нравственное, культурное, на различие, создаваемое инициативой и ситуацией. Но все дело в том, что капитализм построен как раз мимо этих различий, его столпы обычно вовсе не те, кто эти действительно бесспорные различия проявляют и реализовывают. Важные фигуры капиталистического мира, за редким и с ходом истории вовсе сходящем на нет исключением, не деятели практики как таковой, они имеющие ту или иную власть корыстные посредники разного рода. В эпоху крайней Financialization, эпоху окончательного воцарения посредника всего – ростовщика – это стало настолько явным, что капитализм даже стал штучно создавать в находящихся на виду областях персонажи как бы непосредственно вовлеченных в реальное дело антрепренеров-новаторов. И следует понимать, что антимеритократизм его истэблшмента, ставший столь явным в последние десятилетия, не отклонение, но норма, ибо в этом одно из проявлений усилившейся эксплуатации, изначально свойственной этому строю – ее, так сказать, качественного измерения. При этом в клетках низших социальных классов, на периферии вне элит и разнообразных профессиональных кланов он держит людей с никак не меньшей нивелирующей уравнилостью различий и достоинств, чем всегда обвиняемый им в этом социализм.

* * *

Чрезвычайная легкость, с которой в наши дни капитализм отказывается от, казалось бы, важных составляющих своего собственного устройства, все эти гигантские денежные эмиссии «QuantitativeEasing» и «Stimulus», «чеканка», странно такое даже писать, на компьютерных видеокартах неких альтернативных валют, отрицательный процент доходности банковских вкладов, многие иные подобные действия, к которым он прибегает не ослабляя, но, напротив, усиливая свою антиисторическую сущность, показывают, что марксизм все-таки переоценивал значение экономико-политических факторов – в ущерб факторам иным, в том числе, не поддающимся объективно-рационалистическому анализу. За самой реакционностью капитализма и, как показал XX и показывает XXI век, этой реакционности успехом, стоит нечто еще – уже преимущественно метафизической природы.

Реставрация капитализма в Азии и Европе, приведшее к этому победительное движение реакции, разумеется, многое могут рассказать об этом.

Как никогда видно, что дело – в генерации неравенства и его злого насилия над другими людьми, а не в «прибыли», «обороте» и прочих вторичных вещах, призванных лишь вышеназванное обеспечивать. То, что мы по привычке именуем «капитализм», может вообще отказаться от денег и остаться при этом самим собою, остаться при главном своем принципе: бытие одних должно отчуждать в свою пользу – даже если последняя только садизм и тщеславие и уже ничего «материального» – бытие других. Не будь у этого термина иных и более очевидных прочтений, можно было бы сказать, что тут не столько капитализм, сколько некий «негативный экзистенциализм». Здесь капитал как таковой – аккумуляция чужого и этой аккумуляцией испорченного бытия. Богатство, в его терминах, это концентрированная нищета обобранных жизнью других, «богатство» капитализма это сущностно отрицательная величина.

Бытие же у смертных как смертных не бесконечно, оно принципиально не компенсируемо ничем материальным и временным; и инобытие души, если оно есть, до бесконечности усиливает, а не ослабляет эту невозможность.

Этот порядок может заменить людей машинами и прекратить таким образом их экономическую эксплуатацию, но он не перестанет их унижать и мучить, не перестанет угнетать их нарочитым и отнимающим жизнь неравенством. Он, возможно, есть перверсивной травестией родительства – траты части сил и времени жизни на потомство, вот настолько извращенной и перенесенной из этих естественных отношений, единственных в человеческом опыте сравнимых по интрузии и интенсивности; он – старый грех социальности, от которого давно пора со стыдом отказаться.

Двадцатый век стал восстанием, – если угодно, восстанием Авеля и восстанием Каина – против таких «детей».

В Первую мировую смерти, единовременно и напрямую, было заплачено слишком дорого, чтобы терпеть после этого таких, жизнь обесмысливающих, посредников.

* * *

От этой принципиальной невзрелости и глупость мира, которым управляет капиталист, и этого мира глубочайший аморализм. Отсюда все эти вещи-игрушки больших, неумных и неблагодарных «детей», имманентно глупые и безнравственные ситуации и отношения, отсюда и многое из того, что описывалось в данной работе.

Как и периоды человеческой жизни, это, наверное, когда-то нужно было истории. Но запоздавшее или возвращенное детство, его неумное и эгоистическое господство, сейчас уже очевидная патология развития человечества.

И эта недетская детскость, конечно, есть состояние максимально далекое от понимания жизни и смерти, души и истории, от знания элементарных правил онтологически ответственного поведения.

Сам разум не мог в какой-то момент не начать все более и более становиться жертвой этой внеисторической невзрелости, что и можно увидеть сейчас в обоснованиях общественно-политических практик, в образовании и науке, в организации хозяйственной деятельности. В ознаменование прощания со всякой рациональностью в этой последней, появилась даже специфическая «экономическая теория», так называемая «ММТ», как в размышлениях о жизни взрослых младшего школьника провозглашающая, что деньги у выпускающего их в оборот субъекта просто *argenti* не могут закончиться, а налоги – это способ поглощения избытка получающейся таким образом денежной массы. Переведя это в план политики, мы увидим нечто худшее, чем поздний Рим, мы увидим обоснование беспредельной, безответственной и в принципе не думающей ни о каком будущем власти.

14

Неоспоримая на данный момент победа реакции, победа старого, сумевшего, так или иначе, не дать быть новому, или хотя бы просто выжить в тех, во многом самим этим старым и созданных условиях. Становление нового уступило упорству бытия старого, вылившемуся также и в его становление как восстановление – сложное, включавшее в себя, как уже говорилось, помимо непосредственно реставрации, и этап действия воинственных антиисторических сил. Оно включало и контаминацию нового старым реакционного ревизионизма, и собственную его модификацию в нечто исторически более безнадежное, уже в силу своей конституции уменьшающее вероятность начала еще одного становления исторически и социально-антропологически прогрессивных форм. Так, в трагической и сложной борьбе, постепенно складывался регресс – существование во времени, историей не являющееся; прогрессивное проигрывало не некому *status quo*, но противостоявшей ему динамике.

Это, однако, лишь самая общая схема происходившего, какое же содержание, какие онтологические взаимодействия стояли за ней? Конечно, верхом наивности было бы сказать, что это была борьба добра и зла – пусть это утверждение и не будет ложным, – мало что скажет и не будет точно и констатация того, что имела место попытка блага преодолеть существенные дефициты реальности.

Но уже сама сила многосложной реакции указывает на то, что случившееся не было просто «антропологическим оползнем», как из ранних 1990-х гг. видел это Бродский [15]. Человечество, представим его сейчас не абстрактно, но как некое коллективное космическое и даже сверхкосмическое существо, каковым оно, безусловно, и является, пробовало перейти в другое, более взрослое состояние.

В чем заключался онтологический смысл этого перехода? В перемещении иного и лучшего бытия из утопии и вечности в будущее истории. Неотделимая от человеческого существования – индивидуально-конечного и экзистентного на личном уровне и все более осознанно, действительно исторического на уровне коллективном – проекция к тому, что будет после меня и нас, со всеми ее «зачем?» и «ради чего?», от уже за временем лежащей местности, созданной религиозной верой, перемещалась в реальность. При этом, не теряя в эйдетике, но, напротив, становясь действительно бескорыстной, ибо движима была теперь заботой не о личном спасении, не себя хотела высветить за пределы конечного. И этим она не отрицала душу, но, напротив, возвращала ее, на время забранную религией, затем оставленную в неизвестности секуляризмом, в онтологию, в действительное, историческое бытие. Мы просто еще не поняли этого.

Со свойственной истории способностью представить все иногда с парадоксальностью, достойной гения, обещаемая религиями посмертная вечность оказалась лишь временным убежищем.

Эта проекция имеется у человечества, у его народов и объединенных идей групп потому, что, вопреки слишком буквальному прочтению максимы экзистенциализма, человек и лично, и коллективно не может жить – в смерть, человечество не может быть – в небытие, в его направлении. Непосредственно действительна или интенциональна – и через эту интенциональность только и обретает действительность – эта положительная невозможность предельных смерти и небытия, которые нам, повторим за Плутархом, не дано знать.

Но «будет» этой, казалось бы, не реальной проективно-целевой части, как видно из истории и культуры, несравнимо важнее множества иных «есть».

* * *

Многопоколенное, сложно временное существо, вышедшее когда-то на свет бытия из пещер, готовилось обзавестись новой, самосветящей головной частью, появление которой неизбежно вело к решительной онто-исторической метаморфозе и его всего.

Человек впервые увидел, что может сбыться лучшее, чем бессмертие, потому что потеряет страшное свое значение не только собственная смерть, что возможно место светлее, честнее, чем рай – потому что оно будет не в подарок по выбору божества.

Человек всю историю шел к этому, шел медленно и мучительно, не веря, что дойдет, имея для отдохновения от безнадежной реальности только сны религии.

Солдаты Первой мировой как будто взорвали, разрезали траншеями скорбную землю напрасности жизни, глубиной своих братских могил пройдя ее наконец насквозь – до другого, уже бесконечно высокого неба, неба проснувшихся и прозревших людей; мир эйдетики и мир существования впервые начали соединяться.

Но, начиная с русской Гражданской, с трагических событий германской революции, в действительном смысле продолживших ставшее проявляться в Первую войну, все, любящее тьму, с разных сторон бросилось закрывать этот непереносимый для прежнего, темного мира просвет.

Как и прежнее загробное царство, это было, пока оно было, местом стремления душ, живущих, как верил Прокл, самодвижущейся жизнью [12, с. 238], и именно поэтому мы и говорили в вышеприведенной попытке спиритуалистического толкования о необходимости возвращения в прямом смысле утраченной нами духовности, о том, что сейчас душам погибших за человека и его историю нет возможности вернуться назад.

Не имея его сейчас, и давно утратив его загробного предшественника, не имея ни вечности, ни будущего, мы не имеем возможности, где духовно встретиться и объединиться с бессмертной ипостасью предшествовавших людей истории, в каких бы терминах и парадигмах мы все это ни трактовали.

И даже оставив пневматологию в стороне, нельзя ведь не согласиться: мало что может превзойти чуждость смысла жизни погибших за будущее — миру, от будущего отказавшемуся, миру, лишившемуся его.

* * *

Из-за успешной пока интервенции реакции, это великое, демиургическое единение идеального и материального, время которого, несомненно, пришло — и чьими предзнаменованиями были гениальные, почти в буквальном значении божественно-человеческого посредничества, произведения литературы, изобразительных искусств, философии — во всеобщей социоисторической реальности смогло проявить себя, да и то неосознанно и искаженно, лишь во второстепенных чудесах техники.

За ставшим вследствие нашей слабости лишь штампом словосочетанием «светлое будущее» нам пора вновь начать видеть его действительное нераздельное историческое, антропологическое и онтологическое значение, оно ведь таково, что стоящие за этими определениями три величайшие области сами становятся действительными только через него. Без этого, мы так и останемся во все сгущающейся темноте того, что окружает нас сейчас.

* * *

Нравственно-исторические физиономии, используя выражение Ключевского, многих, слишком многих сегодняшних мировых политических сил таковы, что временами кажется, что в ответ на эту появившуюся однажды надежду, не исчезнувшую, конечно, совсем, неостановимо конкретизируется в реальности и другая, темная сторона мироздания, что именно это, с большей, чем когда-либо ранее отчетливостью, мы и видим сейчас, в эпоху отступления, если не разгрома, светлых бытийно-исторических сил.

* * *

Противостояние революционного, прогрессивного и реакционного, регрессивного вышло в XX веке на уровень войны миров, противоборства онтологически различных способов конституирования реальности.

Глядя вне псевдоисторических идеологизаций старого мира, этого давнего похитителя человеческих жизней, лицемерно сожалеющего о жертвах, можно сказать, что попытки от него освободиться, таков в общих чертах смысл произошедшего в двадцатом веке – действительно, вспомним здесь гений Брюсова, вступившего с другими веками в бой [16, с. 381] – и таково наследие этого не завершенного, не выигранного еще сражения.

15

Очевидна необходимость иных подходов и иного уровня понимания для истолкования двадцатого века. Коллекции военно-исторических анекдотов, галереи не всегда правдивых портретов полководцев и политиков, предвзятые правые или левые толкования, говорящие не о прошлом и не о связи прошлого и будущего, но лишь пытающиеся создать ретроспективный контекст дня сегодняшнего с точки зрения выгоды тех или иных политических сил, не годятся для его интерпретации.

В том веке случилось и не случилось много очень важного – такого, что будет определять жизнь людей будущего.

Мы пришли в двадцатом веке к концу истории как историографии. Реальность, напрямую задействовавшая в своем конституировании социально-теоретическое и, возможно, даже эзотерическое, вернее, то, что за понятным незнанием мы к таковому относим, реальность, достигшая потенции кардинального, вплоть до самопрекращения, изменения самой себя, далее не может описываться и толковаться привычным историографическим образом. Как в свое время хроника, привычная историография должна теперь уступить место новому, могущему работать с подобным материалом, способу понимания и объяснения прошлого.

В связи с таким онтологическим радикализмом реальности, преисполненной не оконченной борьбой сил бытийно-исторического масштаба, интерпретирующий историю вынужден отныне занимать позицию уже не в некой точке равнодействия идеологий современности. Она все равно является текущим результатом этого неизбежно, прямо или косвенно, описываемого им противостояния – и с тем оказывающейся изначальным препятствием для справедливого, к истине устремленного истолкования прошлого. Ради действительной объективности своих усилий он должен теперь определиться с собственной позицией относительно будущего человечества и толковать прошлое исходя уже из нее, ибо теперь эта позиция, в том числе, непосредственно является тем, что принято называть онтогносеологическими основаниями исследования; нейтральность, возможность которой и ранее представлялась сомнительной, после двадцатого века решительно невозможна.

Другими словами, толкователь должен теперь определиться относительно интенций движения собственной своей души, относительно ее бытийно-исторической принадлежности. Интерпретация и интерпретируемое, в духе общего сближения идеального и реального, все более соединяются в неразрывное и деятельное единство.

* * *

Без преувеличения библейский масштаб и такой же характер происходившей в двадцатом веке борьбы за судьбу человечества требует чего-то много большего, чем историография и даже привычная философия истории – нового Писания, вернее, многих дополняющих друг друга вариантов такового. И то, что эта великая борьба пока была проиграна, то, что она вышла столь кровавой и столь полной страшных заблуждений, делает необходимость этого нового жанра – и нового уровня понимания человеком важнейшего в своем коллективном прошлом, понимания генеалогии своей, своих предшественников и современников, души – только еще более настоятельной.

Человеку нужно историотворческое вдохновение, источник новых сил для преодоления ветхого еще себя и начала новой истории – он ведь не может оставить все как есть, он ведь пока, как мы видим, страдает и возможность еще худшего, чем сейчас, не только не исключена, но почти предначертана имеющимся курсом событий.

Речь идет, конечно, не об учреждении новых религиозных культов – речь о том, что могли бы вместе создать Гегель и Толстой или, как больше подходит к веку-герою этой попытке истолкования, Платонов и Хайдеггер; беда, однако, в том, что их родины как раз и пострадали более всего и не дают теперь таких гениев.

* * *

Двадцатый век был первой попыткой контакта с новой историей, с новым общественным бытием человека и, одновременно, отхода от истории ветхой. Эта попытка онтологического переключения протекала тяжело и неровно и катастрофически оборвалась, отбросив нас назад, в парадоксальное псевдопрошлое регресса. Предстоит восстановление сильно поврежденной всем этим системы всеобщего исторического развития и данный текст писался в надежде внести малый вклад в начало работ по очистке этой великой машины времени и бытия от оплавлений глубокого разочарования и нагара заблуждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Табачков, А.С. Ангел и регресс: к особенностям обратного развития социо-исторической реальности / А.С. Табачков // Проблемы исторического познания: сб. ст.; отв. ред. К.В. Хвостова. – М.: ИВИ РАН, 2016. – С. 169–182.
2. Лем, С.Г. Избранное / С.Г. Лем. – Кишинев: Литература артистикэ, 1978. – 672 с.
3. Табачков, А.С. Унификация и стандартизация социального бытия в условиях глобализации: угроза утраты различий / А.С. Табачков // Глобализация, регионализация, пограничье: монография / П.А. Водопьянов [и др.]; под науч. ред. М.А. Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 216 с.
4. Табачков, А.С. Философия новейшей истории в двенадцати опытах: монография [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izd-mn.com/PDF/12MNNPM18.pdf>. – Дата доступа: 15.03.2021.

5. Слемнев, М.А. Границы и глобализация / М.А. Слемнев, А.С. Табачков // Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. ст. [по материалам междунар. науч.-практ. online-конф., Витебск, 17 октября 2020 г.]; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 50–54.
6. Simpson, C. Churchill Colledge panel claims wartime PM was a white supremacist leading an empire “worse than Nazis”/ C. Simpson // The Telegraph [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/2021/02/11/churchill-white-supremacist-leading-empire-worse-nazis-claims/>. – Дата доступа: 08.03.2021.
7. Francisco. Message of the Holy Father Francis to the organisers and participants at the Fifth Global Meeting of Indigenous Peoples Forum, 02.02.2021 / Francisco // Holy See Press Office [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vatican.va/content/francesco/en/messages/pont-messages/2021/documents/papa-francesco_20210202_messaggio-forum-popoli-indigeni.html. – Дата доступа: 08.03.2021.
8. Thornhill, Jno. Is AI finally closing in on human intelligence? / Jno. Thornhill // The Financial Times [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ft.com/content/512cef1d-233b-4dd8-96a4-0af07bb9ff60>. – Дата доступа: 20.11.2020.
9. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
10. Слемнев, М.А. Разрушение символов культуры как проявление регресса истории / М.А. Слемнев, А.С. Табачков // Искусство и культура. – 2020. – № 1(37). – С. 59–64.
11. Churchill, W.L.S. The Lights are Going Out / W.L.S. Churchill // America’s National Churchill Museum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/the-lights-are-going-out.html>. – Дата доступа: 10.12.2020.
12. Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / сост. А.В. Лебедев; отв. ред. и авт. вступ. ст. И.Д. Рожанский. – М.: Наука, 1989. – 576 с.
13. Табачков, А.С. Интерпретация как способ познания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 94 с.
14. Маркс, К. Капитал: критика политической экономии: в 3 т. / К. Маркс. – М.: Госполитиздат, 1952. – Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. – 907 с.
15. Brodsky, Jos. The Post-Communist Nightmare: AnExchange / Jos. Brodsky // The New York Review of Books [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nybooks.com/articles/1994/02/17/the-post-communist-nightmare-an-exchange/>. – Дата доступа: 21.11.2020.
16. Брюсов, В. Стихотворения / В. Брюсов. – Минск: Наука и техника, 1981. – 560 с.

ГЛАВА III

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Термин «культурная безопасность» появился в восьмидесятые годы XX века на Западе. Разработчиками теоретико-методологических подходов к анализу данной категории стали Ю. Хабермас, Т. Адорно, П. Бурдьё, М. Маклюэн, Х. Ортега-и-Гассет, Н. Луман, У. Бек. Позднее вопросами культурной безопасности занимались российские ученые В.В. Сергеев, В.Н. Иванова, Р.Г. Яновский, В.Н. Кузнецов, А.Л. Маршак, Г.В. Осипова и др.

Первоначально проблема безопасности изучалась с военно-политической точки зрения, была связана с вопросами военных конфликтов и защитой государства. После окончания «холодной войны», развала СССР произошли значительные изменения в политике международных отношений, появились новые угрозы и риски, обусловленные глобализационными процессами в обществе. Это привело к новому осмыслению понятия «безопасность», и, помимо военной, начались исследования в области экологической, экономической, социальной, религиозной и культурной безопасности общества.

Анализ многочисленных исследований по данной проблеме показывает, что в трактовке и определении понятия «культурная безопасность» отсутствует единый научный подход. «Сложность дефиниции понятия “культурная безопасность” заключается в его ключевой составляющей – «культура». Сам термин имеет сложную, двойственную природу, одна часть которого – нечто постоянное, требующее сохранения, охраны и воспроизводства, являющееся основой этнической культуры и идентичности, тогда как вторая часть постоянно развивается, изменяется, дополняется, выполняя адаптационные функции» [1]. Остановимся на определении термина «культурная безопасность» как совокупность действий, направленных на создание благоприятных условий для развития культуры и проанализируем влияние массмедиа на культуру современного общества.

Реальностью нашего времени стало глобальное коммуникационное пространство, изменившее привычный уклад жизни людей, культурные нормы, обычаи и нравы. Глобализационные процессы охватили все сферы жизни современного общества, привели к усилению и взаимодействию межкультурных контактов на всех уровнях. Изменения в области культуры, связанные с интеграционными процессами, далеко неоднозначны.

С одной стороны, свободный доступ к культурным ценностям и достижениям мировой культуры через использование средств коммуникации и новых технологий приводит к взаимодействию, взаимообогащению, обмену культурными и научными достижениями.

С другой стороны, глобализационные процессы приводят к ослаблению влияния традиционных национальных культурно-исторических ценностей на общество. Исчезает особенность и индивидуальность национальных культур,

на смену которым приходит доминирование однотипной культуры. Этому способствует распространение массовой культуры, потребительской психологии, для которой богатство, вычурность, безудержное потребление становятся главным критерием успеха в жизни. «Массовая культура формирует “псевдоценности”, которые становятся значимыми для большого количества людей. Происходит массовизация сознания, которая заставляет человека следовать общепринятым моделям поведения. Ведущей тенденцией в такой ситуации становится консюмеризм – непрерывное потребление “культурных продуктов”, замещающих оригинал и созданных по образцу, критерием которого выступает мода» [2]. Происходит подмена традиционных норм человеческого общежития духовными суррогатами, стираются грани морального и аморального, разрываются связи с корневой системой культуры, навязываются общекультурные стереотипы. Создаваемая и распространяемая СМИ информация о «смыслах» является не столько символической, сколько симулятивной. Прежние символы заменяются симулякрами, создаются псевдообразы. Обостряется проблема стандартизации личности, ее обезличивания. Потребитель массовой культуры – это «удобный» объект для социального манипулирования.

В условиях глобализации важным фактором человеческого бытия является информация. Следует учитывать, что она перестает быть ценностно-нейтральной, порой приходит на смену смыслу и ведет к обострению антропологических проблем. Новые технологии, персональные компьютеры, интернет прочно вошли в жизнь современного человека и стали частью его повседневности, изменяя его привычный образ жизни. Интернет позволяет сделать общедоступной любую информацию в любой точке мирового пространства и использовать ее. С каждым годом увеличивается объем информации в различных областях знания, и современному человеку становится все труднее ориентироваться в таком количестве разнообразных материалов, не всегда качественного содержания. Умение правильно обрабатывать, передавать и применять полученные данные – главная основа современной информационной культуры. «Социальная сеть является не только уникальным источником нужной информации, но и средством построения, организации и визуализации человеческих взаимоотношений» [2]. Избыток интернет-ресурсов затрудняет восприятие и анализ полученной информации, а средства массовой информации стремятся навязать обществу свои идеи, культурные стереотипы и просто коммерческие проекты. Массовое тиражирование культурных ценностей снижает их уникальность и значимость, они становятся частью повседневной жизни человека и обезличиваются. Интернет прочно вошел в жизнь современного общества, а пользователей социальных сетей становится с каждым годом все больше.

Согласно отчету данных цифровых технологий, в январе 2021 года Интернетом пользовались 4,66 миллиарда человек, что на 316 миллионов больше, чем в 2020 году, а число пользователей социальных сетей составило 4,20 миллиарда человек. И это 53,6% населения всей планеты [3].

За прошедший год число пользователей интернет-ресурсами увеличилось на 4% и в настоящее время составляет 4,95 млрд человек. Количество пользователей социальных сетей выросло более чем на 10% и насчитывает 4,62 млрд – это 58,4% от общей численности населения мира. Пользуются сотовой связью 5,31 млрд человек [4]. По данным аналитиков We Are Social, за последнее десятилетие количество пользователей социальных сетей увеличилось в 3,1 раза. В 2012 году их число составляло 1,48 млрд [4].

Среди студенческой молодежи весной 2021 года нами был проведен социологический опрос с целью проанализировать роль современных средств коммуникации в жизни белорусской молодежи. В опросе приняли участие 401 человек.

Результаты опроса подтвердили приведенную выше статистику и показали, что социальные сети и мессенджеры весьма популярны среди современной молодежи. На первом месте находится социальная сеть Вконтакте, в ней зарегистрированы 95,8% респондентов, на втором месте – Instagram (91,8%), на третьем – Viber (90,5%), на четвертом – Telegram (88%). В TikTok зарегистрировано 66,8% респондентов, отметивших, что их, прежде сего, привлекает формат коротких обучающих видео, размещенных в данной социальной сети и музыкальные клипы – 72,8% опрошенных. Следующими по частоте посещения находятся WhatsApp – его регулярно используют 48,4% респондентов. Социальной сетью Одноклассники пользуется всего 32,2% респондента, при этом Одноклассники обогнали по частоте использования Твиттер. Фейсбуком пользуются 44,6% опрошенных, а Скайпом 36,9% пользователей.

Распределение ответов респондентов на вопрос «С какой целью Вы используете социальные сети?» приведено в таблице 1.

Таблица 1 – Определение цели использования социальных сетей

	Чаще всего	Время от времени	Очень редко	Никогда	Всего, чел.
Знакомство с новыми людьми	27	131	187	56	401
Поиск отношений	8	43	154	196	401
Поиск статей и книг	144	207	40	10	401
Получение информации о брендах, совершение покупок	98	178	105	20	401
Общение с друзьями	353	48	0	0	401
Просмотр фильмов, клипов	253	115	29	4	401
Прослушивание музыки	327	53	16	5	401
Отслеживание страниц медиа-звезд	57	116	159	69	401
Игры	51	74	172	104	401
Работа	112	149	95	45	401

Для получения новостей молодежь также чаще всего пользуется социальными сетями (93,5%) и мессенджерами (67,1%). Новостные сайты как

источник информации использует 57,1% учащихся. Меньше трети опрошенных (30,4%) смотрят телевизор для этой цели, и всего по 4,7% и 3,5% узнают новости из газет и радио (таблица 1).

К сожалению, опрос показал большую зависимость молодого поколения от социальных сетей. В ответах было указано, что на протяжении дня в социальные сети 54,1% респондентов заходит каждую свободную минуту, в перерывах между парами, в транспорте, в очередях и так далее. На втором месте по популярности вариант ответа «захожу несколько раз в день, проверяю обновления» (31,2%). 12% опрошенных заявили о том, что они не выходят из социальных сетей на протяжении дня, сразу же реагируя на все оповещение, чем бы ни занимались. Полтора процента респондентов указали, что они заходят в социальные сети один раз в день, проверяют обновления. И лишь несколько человек указали, что они заходят в социальные сети «иногда», «если появляется свободное время», «нет системы, зависит от реальной жизни».

Одной из существенных проблем информационного наполнения социальных сетей являются фейки, распространению которых способствуют сами пользователи, которые нередко делают репост «интересной информации», не проверяя ее достоверность. На вопрос «Проверяете ли Вы ту информацию, которой делитесь на своих страницах в соцсетях?» 71% респондентов ответили, что, увидев интересную информацию, они попытаются найти один заслуживающий доверия источник или проверить ее по нескольким сайтам, которым доверяют. Но в то же время 15% респондентов заявили, что, увидев интересную информацию, они сделают репост сразу, не проверяя источники и степень ее достоверности. Около 10% респондентов ответили, что они не делают репостов на своих страницах в социальных сетях, не делятся информацией или очень редко это делают. Несколько респондентов заявили, что будут проверять источники в зависимости от содержания интересной информации. Ответы, полученные на вопрос о доверии к информационным источникам, представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Определение уровня доверия источнику информации

	Доверяю полностью	Скорее, да	Скорее, нет	Не доверяю	Всего, чел
Телевидение	22	125	178	76	401
Радио	12	141	196	52	401
Газеты	14	151	185	51	401
Социальные сети	54	251	84	12	401
Мессенджеры	41	242	102	16	401
Друзья, семья	158	194	39	10	401
Новостные сайты	74	236	76	15	401

Еще одной проблемой является буллинг и хейт в Интернете. 49,4% респондентов заявили, что они никогда не сталкивались с данной проблемой в социальных сетях, 26,7% – сталкивались однажды,

17% респондентов сказали, что они сталкивались с проблемой буллинга несколько раз. И 5% респондентов заявили, что они сталкиваются с подобным постоянно. Также можно отметить несколько вариантов ответов, в которых респонденты заявляли, что они сами проявляют агрессию и занимаются буллингом в соцсетях. Один из отвечавших указал, что не считает это проблемой. И 3% заявили, что сами они не сталкивались с этой проблемой, но многие их знакомые «сталкиваются до сих пор и это ужасно».

Основная стратегия, которую выбирают респонденты при столкновении с буллингом, – это стараться не обращать внимания (70%), каждому пятому опрошенному помогают выдержать данную ситуацию друзья и родные (20,7%). 2,7% респондентов сказали, что они нуждаются в помощи психолога после инцидентов в социальных сетях. Остальные заявили, что не сталкивались с подобным.

На вопрос «Считаете ли вы, что нужно бороться с хейтом и буллингом в сети?» 38,4% респондента ответили, что столкнувшись с буллингом и хейтом, они отправляют в черный список людей, которые обижают их или еще кого-то. 35,9% респондентов регулярно жмут кнопку «пожаловаться», когда видят неприемлемый контент. 27,7% респондентов считают, что за оскорбление и травлю в сети нужно обращаться в суд и наказывать обидчиков штрафом. Четвертая часть респондентов считает, что с буллингом необходимо бороться, но сами, столкнувшись с негативными последствиями подобных действий, не предпринимают ничего. И, наконец, 13,7% респондентов не считают, что нужно бороться с буллингом и хейтом, поскольку, по их мнению, «каждый имеет право высказать свое мнение в любой форме». Некоторые респонденты дали свои ответы на данный вопрос, например, что им все равно, что думает необразованный человек. Небольшая часть опрошенных считает, что лучше учить детей правильно реагировать на буллинг в сети, чем бороться с людьми, которые этим занимаются. Однако при таком подходе агрессор не понесет наказания за свои противоправные действия. Несколько респондентов, написавших, что, по их мнению, таких людей не исправить, а за размещение подобной информации в интернете не последует наказание, демонстрируют низкий уровень правовой грамотности. За неприемлемое высказывания, клевету и оскорбление, за комментарии, содержащее признаки экстремизма, на сегодняшний момент и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь существует административная, а в некоторых случаях, и уголовная ответственность. Были и ответы, в которых респонденты заявили, что они не считают проблемой травлю и насилие.

Чаще всего молодые пользователи репостят в социальных сетях понравившиеся цитаты – об этом заявили 52,6% респондентов. 46,4% респондента публикуют на своих страницах развлекательную информацию, чаще всего это анекдоты, мемы или смешные видео, а 26,4% респондентов предпочитают публиковать полезную информацию – различного рода объявления, анонсы, рецепты или просьбы о помощи. Чуть больше пятой части опрошенных (22,4%) размещают в социальных сетях информацию

о важных общественных событиях или делают репост заинтересовавших их новостей. 19% публикуют различного рода поздравления с праздниками. 13,2% респондентов заявили, что они предоставляют подробную хронику своей жизни, размещая каждый день несколько постов с отчетами о своих прогулках, посещениях мероприятий, походов в гости или торговые центры и т.д.

Около 10% респондентов отметили, что они ничего не размещают в социальных сетях. Незначительный процент (2,7%) указал, что они редко делятся какой-то информацией и размещают в основном посты, связанные с какими-то значимыми для жизни событиями.

Как относятся респонденты к вопросам самопрезентации в сети и какую информацию молодые люди размещают о себе на страницах соцсетей? 26,2% респондентов указали, что их профили в социальных сетях открыты для всех, любой может прокомментировать или разместить запись на их стене, 25,7% респондентов сделали свои профили в социальных сетях открытыми для всех, но ограничили возможность писать и комментировать посты, разрешив это делать только друзьям. Треть респондентов (34,4%) указали, что их профили закрыты, информацию могут смотреть только друзья, разрешение на размещение комментариев и информации у всех остальных отсутствует. И наконец, 13,2% респондентов имеют профили, которые открыты для всех, но писать на своей стене могут только владельцы аккаунта.

Какую информацию о себе предоставляют современные студенты в социальных сетях? 80,3% респондентов на своих страницах размещают реальные фамилию и имя, 78% – реальный возраст и указывают день рождения. 31,4% респондентов указывают в сети музыкальные и литературные пристрастия, 24,2% – место проживания (включая город и улицу), 10% опрошенных указали, что у них есть несколько аккаунтов в одной сети, из которых один или несколько фейковых, а один или несколько настоящих. 11,7% респондентов указывают в своих профилях в социальных сетях место работы. 13,7% отметили, что они пользуются псевдонимом и реальную информацию о себе в социальных сетях не размещают. Еще семь с половиной процентов указали, что они искажают информацию о себе (чаще всего искажению поддается место проживания, работа или реальный возраст). 5,7% респондентов размещают в социальных сетях сведения о своих политических пристрастиях и 4,7% респондентов сведения о родственниках – братьев, сестрах, родителях, супругах.

Студентам был задан вопрос «Какое влияние, с их точки зрения, оказывает интернет на существующую систему духовных ценностей?». 17,5% респондентов согласились с тем, что они наблюдают девальвацию в духовных ценностях, обусловленную расширением интернет-пространства. 48,4% респондентов с этим согласны лишь отчасти. 26,2% утверждают, что происходящие изменения нельзя назвать девальвацией ценностей, просто новые времена требуют новых ценностей и 8% респондентов считают, что ценности трансформируются в лучшую сторону. 23,4% респондентов

заявили, что их беспокоит проблема формирования у молодых клипового мышления и мозаичного мировоззрения, они считают эту проблему острой, поскольку у большинства мышление носит несистемный характер. 49,4% респондентов согласны с этим лишь отчасти, 24,2% респондентов считают, что клиповое мышление – это всего лишь способ адаптироваться к современной информационной среде.

Около 5% респондентов уверены, что их данная проблема не волнует, хотя и согласились с тем, что эта проблема существует в реальности. 28,9% респондентов считают, что подрастающее поколение под влиянием современного информационного пространства превращается в легко манипулируемую массу. 49,6% респондентов считают, что современное поколение является просто другим, отличным от предыдущих поколений, не лучше и не хуже. 13% придерживаются мнения, что социальные сети и современное информационное пространство влияет на подрастающее поколение положительно и под их влиянием они становятся развитыми, знающими, легко адаптирующимися людьми. 6% респондентов уверены, что подрастающее поколение не имеет ценностных тормозов, также часть респондентов считает, что современное подрастающее поколение является зависимым от гаджетов, потому что детей не учат анализировать потребляемую информацию. Однако многие отвечающие, стремясь к объективности, указывают на то, что в изменении духовных ценностей есть положительные и отрицательные стороны, нельзя утверждать однозначно о каком-то одностороннем влиянии информационного пространства.

На вопрос «Что, на ваш взгляд, необходимо сделать для улучшения нравственного здоровья общества?» были получены следующие ответы: «ужесточить юридическую ответственность для тех, кто распространяет информацию, наносящую вред» – 35,9%, еще 35% респондентов считают необходимым повысить эффективность воспитательной работы в учебных заведениях, 28,2% предлагают повысить роль социально-гуманитарных дисциплин в учебном процессе школы и вуза, 23,4 респондентов считают необходимым изменить вещательную сетку телеканалов и ставить в прайм-тайм познавательные передачи и научные фильмы, а не развлекательные ток-шоу. Каждый пятый респондент согласен с предложением о введении нравственной цензуры в СМИ. Каждый четвертый считает, что преподаватели должны больше внимания уделять педагогической культуре и этике. 13,5% считают, что все бесполезно, современное общество деградирует. Поскольку вопрос предполагал возможность высказать свою точку зрения, а не только выбрать из предложенных вариантов ответа, поступило достаточно большое количество разнообразных предложений от студентов. Среди них: «необходимо учить детей гуманности», «учить критически, воспринимать информацию», «убедить в том, что абсолютно любые СМИ могут врать (не только иностранные, но и государственные)». Чаще всего студенты указывали на необходимость проводить просветительскую

деятельность или вводить юридическую ответственность за хейт и буллинг в соцсетях. В то же время некоторые респонденты убеждены, что «для нравственного здоровья общества молодежь должна получать реальную информацию, без пропаганды», «если молодежь не захочет сама, она никого не послушает, поэтому нужно говорить с нами напрямую», «человек сам формирует свое информационное поле, таким образом, это становится личной ответственностью каждого». Однако мораль, как известно, формируется под влиянием среды, социального окружения человека, и если оставить этот процесс без внимания, не пропагандировать здоровые ценности, патриотизм, уважение к правам других людей, сами собой подобные установки в сознании подрастающего поколения не возникнут. Многие утверждали, что не видят негативных тенденций: «Не думаю, что общество деградирует, люди просто меньше запоминают и стали менее внимательными».

На вопрос, следует ли ограничивать доступ к нежелательной информации и наказывать за ее распространение, 31% респондентов заявили, что необходимо и ограничивать, и наказывать. Практически столько же, 31,4% респондентов считают, что ограничивать доступ к нежелательной информации необходимо, а вот наказывать за ее распространение – нет. Вместе с тем 29,2% респондентов уверены в том, что нужно не ограничивать доступ, не наказывать за распространение, а лишь воспитывать молодое поколение грамотно использовать информацию, встречающуюся в глобальной сети Интернет. 5,7% считают, что наказывать нужно, а ограничивать нет. Некоторые респонденты высказали свои соображения по данному вопросу, например, «ограничением должен заниматься суд, которому будет доверять общество», «ограничивать не нужно, каждый сам выбирает ту информацию, которой верить, и те источники, которым он доверяет».

На вопрос «Какая информация в вашем понимании является нежелательной?» 80% респондентов заявили, что они довольны своим опытом использования социальных медиа и их все устраивает. 19% хотели бы получить дополнительные возможности и сервисы в соцсетях. 7,7% респондентов желали бы иметь меньше ограничений в социальных сетях.

Неоспоримо, что информация, размещенная в интернет-пространстве является средством формирования общественного мнения, поведенческих моделей и важным средством манипулирования сознанием людей. Технологии искусственного интеллекта позволяют при необходимости знать все о профессиональной деятельности, досуговой и личной жизни политиков, журналистов, общественных деятелях, публичных людях и, по необходимости о простых пользователях соцсетей. Используя личные данные, которые сами пользователи оставляют в интернет-пространстве, можно изучить тип личности, политические взгляды, сексуальные предпочтения, слабости психики, интересы, предпочтения, зависимости в чем-либо и т.д. С развитием и использованием новых технологий возможность установления тотального контроля над личностью стало реальностью. Угрозу для

общества и личности представляет и сетевой психологический террор, распространение фейковых новостей, инсинуаций с целью дискредитации политики государства или отдельных политических лидеров. Такие технологии все чаще приводят к социальным конфликтам, являясь спусковым крючком для так называемых «цветных» революций. Наблюдается уменьшение роли культуры в обществе, пропагандируется культ насилия на телевидении и в средствах массовой информации, подмена истинных ценностей ложными. Сознательное искажение и неверная трактовка освещаемых социально-значимых событий отрицательно сказываются на формировании духовной составляющей общества и приводит к социальным конфликтам. «Снижение уровня образованности общества, которое наблюдается в последние десятилетия, является не меньшей, чем его социальное расслоение глобальной угрозой. Этот феномен обусловлен двумя основными факторами. Первый из них – это рост населения в странах с низким уровнем образования. Второй фактор – снижение качества образования в развитых странах» [4, с. 24].

Современный человек меняется как интеллектуально, так и духовно, а узкопрофессиональный интеллект молодого специалиста может привести в будущем к новым социальным и политическим проблемам. Неосмотрительный отказ в процессе образования от культурных традиций, духовно-ценностных установок и мотиваций, решения экзистенциальных проблем чреват серьезными социальными деформациями.

Вседозволенность и отсутствие у многих граждан культуры общения в соцсетях приводит к нанесению ущерба человеческой психике. Создаются социальные сети, которые активно используются для вербовки молодежи в деструктивные и террористические организации. Все это наносит непоправимый удар по культурной и национальной безопасности государства.

Информация является средством формирования общественного мнения во всех сферах жизнедеятельности личности и общества, а значит, необходимо защитить общество от опасного информационного воздействия с помощью контроля над деятельностью СМИ со стороны государственных структур и общественности. Следует проводить взвешенную и продуманную информационную политику, направленную на пропаганду, сохранение своей национальной культуры, самобытности и безопасности.

Последствия глобализационных процессов приносят в современный мир новые риски, оказывающие как положительное, так и отрицательное воздействие на общество, при этом раскрывая и новые возможности. Необходимо научиться правильно использовать их и корректировать в интересах всего общества. Эффективным ответом на возникшие гуманитарные вызовы и угрозы должна явиться фундаментализация образования подрастающего поколения, укрепление философско-мировоззренческих и духовно-нравственных оснований учебно-воспитательного процесса, наполнение гуманистическим содержанием всей образовательной среды

общества. Развитие науки, грамотное внедрение информационных технологий в образовательный процесс может дать позитивный результат при условии сохранения духовного потенциала общества, его моральных инвариантов. Анализ глобальных изменений и угроз развитию современной цивилизации должен носить комплексный характер.

Молодежная культура и ее особенности. Молодежная культура является феноменом, характерным для постиндустриальной стадии развития общества. Она выполняет функции социализации молодых людей, решает проблемы конфликта поколений и подчиняется единым законам развития.

Прежде всего, следует отметить, что молодежные культуры как западные, так и отечественные явились результатом осознанного поиска молодыми людьми новой самоидентификации, выстраивания ими нового стиля жизни. Источником такого стиля первоначально на Западе стал, как правило, романтизированный и идеализированный образ другой цивилизации или культуры (Востока, народов Африки, культуры североамериканских индейцев). Но заимствования из этих культур подвергались новой интерпретации, приобретали новую форму и стиль.

В СССР и на постсоветском пространстве молодежные движения (субкультуры) проходили схожие процессы. Они, в большинстве случаев, не копировали западные образцы, а творчески переосмысливали их в соответствии с советской действительностью и предшествующими культурными традициями.

Еще одной особенностью молодежных движений, возникших еще до распада СССР, являлось то, что они ориентировались либо на проведение досуга, либо на передачу информации и обмен ею. Отличительной чертой многих современных отечественных субкультур заключается в том, что они носят игровой характер и ориентированы не столько на создание собственной жизненной философии, сколько на проведение досуга. Если в западных странах альтернативные движения, выросшие на базе молодежных субкультур 60–70-х годов XX века, активно участвуют в социально-политических процессах и в многочисленных социальных программах, то в странах постсоветского пространства они носят, как правило, более символистский, демонстративный характер.

Специфика молодежной культуры заключается в ее неопределенном социальном статусе, активном поиске вариантов развития, когда молодые люди активно «примеряют на себя» социальные роли взрослых. Сфера, где проще всего проявлять самостоятельность, – досуг. Это не только общение, но и социальная игра. В динамично развивающихся обществах семья частично утрачивает функцию передачи социального опыта. Вступая в юношеский возраст, молодой человек ищет новые социальные связи. Неформальные группы образуют свою субкультуру, отличную от культуры взрослых. Характерными чертами молодежных субкультур являются максимализм, игровое начало, поиск идеала.

Такие группы протестуют против общепринятых установлений, демонстрируют «отклоняющуюся» модель поведения. Им свойственен иррационализм, отказ от социального в пользу природного, гедонистическая устремленность. Свобода часто понимается как освобождение от внешних условностей. Нонконформизм проявляется в манерах, одежде, увлечениях, жаргоне. «В доиндустриальных обществах благодаря социализирующей функции семьи переход из мира детства в мир взрослых для подростков проходил плавно, был и естественным, и желанным. В таких обществах молодежная субкультура как таковая просто не могла возникнуть, поскольку в ней не было социальной необходимости. Также не существовало и особых молодежных форм поведения» [5, с. 167].

Другой характерной особенностью современной молодежной субкультуры является преобладание потребления над творчеством. Досуг воспринимается как основная сфера жизнедеятельности, и от удовлетворенности им зависит общая удовлетворенность жизнью молодого человека. Общее образование для школьника и профессиональное для студента как бы отходят на задний план перед реализацией экономических и развлекательных потребностей. Это весьма опасная тенденция, так как приобщение к культурным ценностям происходит лишь в активной самостоятельной культуротворческой деятельности.

Ценности национальной культуры как классической, так и народной вытесняются схематизированными стереотипами-образцами массовой культуры. Потребительские тенденции проявляются как в социокультурном, так и в эвристическом аспектах. Эта тенденция присутствует в культурной самореализации учащейся молодежи, что косвенно обусловлено и самим потоком преобладающей культурной информации (ценности массовой культуры), способствующей фоновому восприятию и поверхностному закреплению ее в сознании. Все чаще в индивидуальном поведении молодых людей проявляются такие черты социального поведения, как прагматизм, жестокость, стремление к материальному благополучию в ущерб профессиональной самореализации.

Субкультура – это особая сфера культуры, целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным целостным строем, обычаями, нормами. Проблема субкультуры рассматривается в рамках концепции социализации. Предполагается, что приобщение к культурным стандартам, вхождение в мир господствующей культуры, адаптация к ней – процесс сложный и противоречивый, насыщенный психологическими и иными трудностями. Это и порождает особые жизненные устремления молодежи, которая из духовного фонда присваивает себе то, что отвечает ее жизненному порыву, ценностным исканиям.

Так, по мнению многих исследователей, рождаются определенные культурные циклы, обусловленные сменой поколений. Молодое поколение воплощает в себе новую историческую реальность, творит собственную

субкультуру, которая хоть и не вызывает немедленных осязаемых изменений в магистральном пути культуры, вместе с тем влияет на многообразные срезы культуры, моду, стиль жизни, поведения и в целом на стиль культурной эпохи.

Духовно-нравственное воспитание молодежи является сегодня неоспоримой и важнейшей целью любого общества. Недостатки и упущения в нравственном воспитании наносят обществу такой невозвратимый и невосполнимый ущерб, что при недостатках другого характера большего вреда обществу нанести невозможно. В современной ситуации как никогда прежде необходим диалог между представителями молодежных субкультур и той частью общества, которая ориентирована на традиционные духовно-нравственные ценности.

Нравственное воспитание – это важнейшая составляющая в формировании личности, ибо мораль является регулятором взаимоотношений между людьми, проникает во все сферы жизни, формирует сознание и определяет поведение людей. Общая задача нравственного воспитания – сформировать у человека убеждения, которые обеспечивают солидарность с людьми, выработать вечные ценности: дружбу, милосердие, заботу о родителях и детях.

Таким образом, в свете системного подхода и практики речь должна идти о создании единого воспитательно-педагогического социокультурного пространства. В русле молодежной политики и воспитания подрастающего поколения предстоит большая духовно-нравственная работа по воспитанию и социализации, консолидации и сплочению молодежи, всех ее групп, всего общества на основе патриотизма и гражданственности, утверждения принципов социальной справедливости и этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Узлова, Н.В. Культурная безопасность как один из факторов устойчивого развития [Электронный ресурс] / Н.В. Узлова. – Режим доступа: <https://readera.org/kulturnaja-bezopasnost-kak-odin-iz-faktorov-ustojchivogo-razvitiya-14940806>. – Дата доступа: 02.11.2021.
2. Кнатько, Ю.И. Трансформация культуры в контексте современных глобализационных процессов [Электронный ресурс] / Ю.И. Кнатько. — Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/24359/1/85-92.pdf>. – Дата доступа: 01.11.2021.
3. Digital 2021: последние данные исследования We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mmr.ua/show/digital-2021-poslednie-dannye-issledovaniya-we-are-social-i-hootsuite>. – Дата доступа: 11.12.2021.
4. Digital 2021: последние данные исследования We Are Social и Hootsuite [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html>. – Дата доступа: 21.12.2021.
5. Левикова, С.И. Молодежная субкультура: учеб. пособие / С.И. Левикова. – М.: Гранд: Фаир-пресс, 2004. – 607 с.

ГЛАВА IV

РУССКИЙ АВАНГАРД В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Многогранное явление – русская новаторская живопись начала XX века представляет собой стремительное, концентрированное движение, которое своими открытиями превозмогло другие художественные локации своего времени. Оказавшись в точке бифуркации социальной и эстетической систем в первом двадцатилетии XX века, русские художники выбрали верхний аттрактор и, разорвав с традицией, в течение короткого времени ввели неоспоримые и до сих пор актуальные художественные технологии, предложили концепции устройства нового мира, создали проекты дизайн-организации среды, спрогнозировали реальность будущего, что тогда представлялось утопией. «Нас поймут через сто лет», – писал в Витебске один из учеников Казимира Малевича.

Особенностью русского авангарда стало: 1) целенаправленное проникновение художников в самые основы своих разработок в поисках «формулы» индивидуального стиля; 2) целенаправленный поиск новых способов формообразования; 3) лихорадочный прорыв сквозь устоявшуюся традицию и своеобразная медитация, ускоренная и полная реализация каждой творческой личности; 4) целенаправленная социально-эстетическая программа, выводящая художников за пределы собственно художественных проектов, а точнее – программа организации социальной среды с помощью художественных проектов; 5) философская составляющая художественного поиска; 6) проекты, представлявшиеся утопичными в начале XX века, обрели реальность в XXI веке, и из вторичной по отношению к действительной реальности вышли на первый план, сделавшись главной в искусственно созданной компьютерной среде.

Термин «авангард» в обозначении художественной ситуации начала XX века появился и стал использоваться значительно позднее самого явления, современники определяли эту шеренгу контркультуры, эту совокупную группу открывателей и ниспровергателей так: неопримитивисты, футуристы и «левые».

Футуризм. В нулевые годы XX века, в 1910-е годы и позднее (до 1920-х) в России весь корпус модернистских произведений разной сложности, структуры и стилистики обозначался как футуризм.

Манифестированный итальянцем Т. Маринетти, футуризм проложил границу между традиционной живописью линейной перспективы и даже изысканным модерном, с одной стороны, – и неожиданным, провокативным смещением формы, с другой. Отказавшись от прежних художественных представлений, русские футуристы предчувствовали скорое будущее с его непредсказуемостью и называли себя «будетлянами».

Окружение Велимира Хлебникова и Давида Бурлюка настаивало на этой дефиниции, закладывая один – духовные, другой – организационные основы новых движений в социальной среде. Хлебников как вождь прокламировал это будущее и даже высчитывал его математически. Бурлюк вместе с Маяковским совершали путешествия по крупным городам России, устраивая диспуты, выступления и провокации художественного свойства. Как подчеркивал Н. Харджиев, «<...> Д. Бурлюк выдвинулся как организатор группы “будетлян”, окончательно сформировавшейся в 1912 году и объединившей молодых поэтов и живописцев. Возглавителем нового направления в поэзии был Велимир Хлебников, но по личным качествам он не мог стать фактическим руководителем группы» [1, с. 18]. Яркие метафоры этого обстоятельства предлагает Д. Быков: «Так в 1909 году было решено, что Хлебников гений; это стало одним из канонов русского футуризма <...>. Каменский познакомил с Бурлюком Хлебникова, и начался русский футуризм. То есть Ларионов, Гончарова, Гуро – уже были; но движение начинается со своего святого, режиссёра, и без Хлебникова все распадалось, а с ним сразу сомкнулось в железную цепь» [2, с. 114–115].

Концепцию футуризма Д. Быков выводит из интуиции скорой войны и революции: «футуризм предвещал обрушение в хаос и был провозвестником этого хаоса» [2, с. 125].

Обрушение социальной системы в хаос визуально наиболее экспрессивно было выражено в конце 1913 года на вечерах Театра футуристов. В футуристической опере «Победа над Солнцем» (авторы – В. Хлебников, М. Матюшин, А. Кручёных, М. Малевич) была представлена истинная люциферичность мира, в которой фигуры кромсались прожекторами, лишались частей тела, всё распадалось на фрагменты [3]. Из *футуристической* оперы, костюмы для которой предполагались как *кубистические*, родился малевичский *супрематизм*. Русский авангард обретал многослойность, многомерность и перспективу.

Истоки авангарда. Только ли в предчувствии войны и социальных бурь XX века было сконцентрировано острие авангардной художественной направленности? Исследователи выявляют несколько истоков / позиций нового мышления в искусстве. Среди них наиболее актуальными видятся следующие:

- 1) переосмысление культурных ценностей;
- 2) появление новых философских концепций (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, С. Кьеркегор, А. Бергсон);
- 3) применение новых выразительных средств в эстетической артикуляции;
- 4) скачок в промышленной революции и возникновение новой, современной техники (Малевич соотносил первую стадию кубизма – с границей сезанновской культуры провинциальных городов, вторую, третью и четвертую стадии кубизма – с границей металлического города; футуризм –

с созданием портрета машины, а супрематизм – с воздухом, аэропланом и планитами).

Всё это стимулировало не просто новаторский поиск в визуальной адекватности отображения нового открывшегося мира, но – и это наиболее точно – поиск способов построения нового мира.

Метафора Б. Лившица о сути малевичской «Победы над Солнцем» определяет эту рождающуюся другую гармонию: «Здесь – высокая организованность материала, напряжение, воля, ничего случайного. <...> Постановка Малевича наглядно показала, какое значение в работе над абстрактной формой имеет внутренняя закономерность художественного произведения, воспринимаемая прежде всего как его композиция» [3, с. 117–118].

К констатируемым аналитиками авангарда истокам необходимо, на наш взгляд, присовокупить и следующие позиции:

1) научные открытия, совершённые в начале века: общую теорию относительности А. Эйнштейна, позволившую осознать мегапространства вселенной, и квантовую физику Н. Бора и В. Гейзенберга, с вероятностью обнаружившую парадоксы микромира. Новые научные парадигмы изучали неизвестные свойства материи, давали представления о неограниченной силе энергии и визуально выявляли смещения шкалы времени. За пределами видимого был сформулирован мир с иными параметрами бытия. И художественный авангард обнаружил выразительные возможности, которые наглядно соответствовали актуализированной в начале XX века картине мира. И наиболее радикальные предложения выразили В. Кандинский в абстрактных композициях вселенской мегаформы сотворения мира и его крушения, а также К. Малевич в абстракциях квантовых начал, опорных элементов;

2) расширение областей свободы сознания (актуализация в XX веке теории сознания И. Фихте и непреходящий интерес к теории Гегеля об абсолютном духе) на метафизическом уровне. Мы соплагаем этот философский интерес в авангарде с метафизическими разработками Казимира Малевича витебского периода. Для Фихте и Гегеля язык был связан с формой мышления, и Гегель определял это как особый спекулятивный язык философии. Кандинский и Малевич создают (по аналогии) особый спекулятивный язык живописи, связанный с новым пониманием её. Кандинский и Малевич дистанцировали мир от мира: они дали возможность увидеть и осознать не только видимое, но и сам момент работы сознания, т.е. заставили не просто смотреть, но – рефлексировать, заставили переступить и отречься от отдельного предмета и события. Они поместили зрителя в состояние сознания как творческого акта созидания, как пространства свободы. В абстрактном искусстве мир предстал не как отражение некоего реального видимого набора объектов, а как явленный художниками мир сознания, как выраженный ими фундаментальный уровень реальности.

3) трансформация хронотопа: осмысление художественных параметров пространства / времени началось в XX веке в трудах М. Бахтина (в витебский период философ входил в круг Малевича). Бахтинская разработка касалась документального выражения обстоятельств пространственных координат и смещений времени в произведении искусства для создания определённого нарратива [4]. Впоследствии Д. Лихачёв добавил к этому исследованию самой структуры произведения, усматривая в художественном времени имманентное свойство архитектоники [5].

Важнейшим обстоятельством в работе с хронотопом у авангардистов явился тот факт, что из выразительного средства он сделался главным параметром произведения. В классическом искусстве при наличии линейной перспективы хронотоп – это место и время события, место расположения / действия объектов (по аналогии с театральной сценой при соответствующей сценографии). А в искусстве авангарда пространство / время – это имманентное свойство *структуры* произведения, главный показатель всей художественной системы, её сюжет и смысл;

4) одним из активно обсуждаемых современных доводов в дискуссиях о построении картины мира является наличие обширной компьютерной игры или всеобъемлющей матрицы (гипотеза цифровой симуляции).

Авангард от абстракции до дизайна и конструктивизма пролагал путь к подобному построению мира. Уже в архитектурных проектах учеников Малевича (Л. Хидекель с летающими городами) и дипломников ВХУТЕМАСа (Г. Крутиков с его летящим городом) открывалась и инженерно была обоснована / расчислена новая среда обитания, а сподвижник Малевича по Витебску Д. Якерсон создал эскизы супрематических роботов. Локации в компьютерных играх соотносимы с малевичскими проектами архитекторов. Эль Лисицкий в его индивидуальном проекте «Победа над Солнцем» сделал предложение, которое, если бы было осуществлено на сцене, представляло бы аналог компьютерной игры. А его фотомонтажи давали наглядность совмещения разных шкал времени. Это было предощущением новой трансформации пространства / времени, в котором определённый объект или событие активизируется только в определённый момент и в определённой точке.

Казимир Малевич в своей супрематической разработке сформулировал не просто способ описания реальности, но и основу учения о свойствах самой реальности. С помощью супрематического канона он выявил структуры реальности, проанализировал элементы и минимальные единицы субстанции. Супрематический канон пронзает все уровни реальности, доходя до мира идеальных фигур, математических объектов. Это – теоретический конструкт, миру адекватный. Он спроектировал матрицу мира. Событийно размышлять об этом как о своеобразном теоретическом проницании в пределы теории симуляции.

По замечанию Д. Сарабьянова, термин «авангард» не является точным и идеальным, представляется жёстким в характеристике художественного мышления и обладает расплывчатостью и широким спектром. Тем не менее в искусствоведческой литературе это определение сделалось устойчивым и общепринятым для обозначения данного круга явлений.

Для выявления самого существа авангарда наиболее точной видится сарабьяновская дефиниция «движение», позволяющая осознать направленность и смысл художественных открытий: «Авангардистский менталитет должен заключать в себе идею постоянного самообновления, являющегося необходимой предпосылкой движения вперёд» [6, с. 267].

Самообновление в авангарде всегда соотносимо с определенной программой творчества и организации деятельности. Более того, программа затрагивает разные сферы жизни, выходящие за пределы собственно искусства. И всё вместе это оказывается единым целостным проектом.

Самообновление как непрерывное возрождение творческого начала, кроме самих художественных открытий, обладает двумя показателями: 1) вербальное сопровождение в виде манифестов, призывов, теоретических сочинений, разъясняющих задачи, поставленные художником, и способы их решения [6, с. 269]; 2) провокативное поведение, демонстрация и вызов. Художник бравивирует и эпатирует публику, избирает путь фрика, сознательно юродствует, но с уверенностью в своей правоте и своём праве на истину.

Провокативное состояние инспирировано ситуацией разрыва с традицией, свержения старых норм, прокламацией самого момента перехода. Оно представляет собой инициацию, отторжение от прежнего родового начала, состояние неограниченной свободы и страха, а также преодоление страха игрой и возбуждение от риска.

Характеризуя разного рода разрывы с традицией в русском искусстве, Д. Сарабьянов настаивал на том, что авангардный разрыв стал самым демонстративным и напряженным [7]. А. Крусанов в историческом обзоре русского авангарда отмечает, что у термина существует, как минимум, две трактовки: в широком смысле это – большой круг произведений, порывающих с традицией и новаторских; в узком – это синхронные и родственные идейно-художественные явления левого искусства XX века [8].

Стартовой точкой авангарда Д. Сарабьянов полагал 1900-е годы, последнюю границу во времени обозначал 1920-ми годами.

Русский авангард первого периода охватывает пять лет с 1910 по 1915 годы. Это – период футуризма, кубофутуризма и алогизма, зауми и напряжённого поиска нового хронотопа. Второй период начинается в конце 1915 года и характеризуется мощным прорывом и новыми открытиями в искусстве, от супрематизма и контр-рельефов до «производственного искусства» и создания стройных теорий и исследовательских центров.

Авангардистские объединения в России. Первой опорной точкой русского авангарда, его стартовой площадкой стал «Союз молодёжи», начавший формироваться с апреля 1909 года, а 16 февраля 1910 года

занесённый в реестр обществ Петербурга. В него входили Михаил Матюшин и Елена Гуро, Иосиф Школьник, В. Быстренин, Э. Спандиков, Ц. Шлейфер и др., всего 15 человек при содействии молодого и успешного предпринимателя и коллекционера Л. Жевержеева. Была снята мастерская, где по средам и субботам происходили обсуждения и дискуссии. В опубликованном уставе объединения была заявлена программа совместных занятий, развития эстетического вкуса, ознакомления с современными течениями в искусстве. Первая выставка состоялась в марте – апреле 1910 г., и кроме петербуржцев в ней приняли участие и М. Ларионов, Н. Гончарова и И. Машков. Сразу же организаторы предприняли действия в плане нового представления и новой подачи материала: читали лекции и давали пояснения, не стесняясь резкого осуждения со стороны публики.

В 1910–1914 гг. были организованы пять выставок в Петербурге, одна в Москве и одна в Риге, в которых участвовали более 80 художников. На выставках «Союза молодёжи» была представлена вся панорама от символизма до футуризма и самых радикальных проявлений авангарда.

В 1912 году футурист С. Бобров выступил с лекцией «Основы новой русской живописи. Русский пуризм», насыщенный год завершали Д. Бурлюк с сообщением «Что такое кубизм» и В. Маяковский с выступлением «О новейшей русской поэзии». С 1912 до конца 1913 года одной из основных форм деятельности стали публичные обсуждения новых форм в искусстве, эпатажные и программные диспуты. Их было организовано шесть. А. Кручёных вспоминал: «Наши книги шли нарасхват. Но общения только с читателями нам было мало. Оно казалось нам слишком далёким и осложнённым. Боевому характеру наших выступлений нужна была непосредственная связь со всем молодым и свежим, что не было задушено чиновничьей затхлостью тогдашних столиц» [9, с. 33].

В марте 1913 года на диспутах «О современной живописи» и «О современной литературе» Кручёных заявлял о гибели станковой живописи, а Малевич выкрикивал лозунги в духе: «Вы, едущие в своих таратайках, вы не угонитесь за нашим футуристическим автомобилем!». Маяковский читал Хлебникова, Бурлюка. «Кажется, никогда, ни до, ни после этого, публика не слыхала от Маяковского таких громовых раскатов баса и таких необычных слов!», – записывал А. Кручёных. В Москве был устроен «Первый в России вечер речетворцев» с участием Маяковского, Хлебникова, Бурлюков, Кручёных.

Кроме совместных выставок и диспутов, объединение занималось организацией и постановками театральных представлений. Одним из примеров сценического новаторства полагают спектакль «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф», когда вместо собственно сцены были использованы три площадки, действие на которых происходило одновременно, применён способ открытой актёрской игры на зрителя и балаганские приёмы.

Театральная эпопея достигла своей высшей точки в декабре 1913 года на показе в «Луна-парке» трагедии «Владимир Маяковский» с поэтом в главной роли и в сценографии О. Розановой, П. Филонова и И. Школьника, и футуристической оперы «Победа над Солнцем» в постановке М. Матюшина, А. Кручёных, В. Хлебникова и К. Малевича.

Объединение издало три сборника с названием «Союз молодёжи» и книги по теории футуризма, а также произведения футуристов.

Деятельность «Союза молодёжи» создала платформу авангарда, общество первым стало информационным и контактным центром, выполнило когнитивную и коммуникативную функции по организации среды и взаимодействия художников нового искусства.

Среди творческих группировок 1910-х гг. выделяется «Гилея», образованная В. Хлебниковым и Д. Бурлюком и являвшаяся крайне левой из всех футуристических кубистических объединений. Группа была сформирована в 1908 году, хотя её костяк с общностью идей, целей и задач собирался в течение ещё двух лет. К началу 1910 года в её состав входили: братья Бурлюки, Хлебников, Маяковский, Каменский, Кручёных, Гуро, Лившиц.

У объединения было своё издательство «ЕУЫ», альманахи «Пощечина общественному вкусу», «Садок судей», «Требник троих», «Трое», «Дохлая луна» (1913), «Молоко кобылиц», «Затычка», «Рыкающий Парнас», «Первый журнал русских футуристов» (1914), а также «Весеннее контрагенство муз» и «Взял» (1915), которые были выпущены группой. Её представители принимали участие в диспутах и пропагандировали новое искусство. Их деятельность была близка творчеству «Бубнового валета» и «Ослиного хвоста». В марте 1913 года группировка вошла в состав «Союза художников», но название осталось.

Другими центрами авангарда являются: 1. «Бубновый валет» (1910–1917), художественное общество, организованное после выставки «Бубновый валет» в Москве в декабре 1910 года, где были представлены работы А. Лентулова, М. Ларионова, Р. Фалька, Н. Гончаровой, И. Машкова, Д. Бурлюка, П. Кончаловского и др. (всего 38 художников) на деньги мецената С. Лобачёва. Эпатажное название было предложено М. Ларионовым как характеристика нового направления в искусстве, стилизации под лубок, примитив, мастерство вывесок и использовании культуры низких слоев социума и как противостояние изысканности и салонности. 2. «Ослиный хвост», организованный Ларионовым после его разрыва с группой единомышленников по «Бубновому валету».

Выставка «Бубнового валета» в конце 1910 года оказалась поистине взрывной. В рецензиях писали: «Это какой-то кошмар, сплошной горячий бред, галлюцинация безумных» [10, с. 3]. Основной оценкой эстетики новых художников было: убожество и глумление. Критики были разочарованы, их ожидания не оправдались, и они полагали, что представленное –

это тупик искусства. Но ни одна выставка авангардистов не вызывала такой ярости искусствоведов и журналистов.

Художественной базой объединения стала стилистика творчества Поля Сезанна, и членов «Бубнового валета» соотносили именно с этим сезанновским мышлением и называли «московскими сезаннистами».

В Политехническом музее бубнововалетовцы устраивали «Диспуты о современном искусстве» (12 и 25 февраля 1912 года).

«Бубновым валетом» были организованы выставки (1910, 1912, 1913, 1914 в Москве, 1913 в Петербурге). В 1916 году П. Кончаловский и И. Машков вышли из объединения, и его возглавил К. Малевич.

Мастера «Бубнового валета» сделали живопись плотной, сгущенно материальной, насытили яростным цветом, усугубили фактуру холста и мазка.

В «Бубновом валете» не было беспредметников, однако именно они отторгли нарратив, настроение, мистику и любой сюжет в изобразительном искусстве России, они привели живопись к её главным смыслам – цвету, свету, интенсивности, смещению формы, чувственности мазка.

Как отмечает А. Крусанов, зимой 1910–1911 гг. продолжалась концентрация сил русского авангарда: «Причём примкнули те художники, которые в будущем станут вождями целых направлений авангардистского движения (К. Малевич, В. Татлин). В то же время среди московских художников-авангардистов наметились две основные конкурирующие группировки, которые в течение нескольких ближайших лет будут наиболее интенсивно развивать русский живописный авангард» [8, с. 44].

В октябре 1911 года М. Ларионов вышел из состава группы в знак несогласия с подобным положением в искусстве общества. Раскол «Бубнового валета» был принципиальным: большинство (Р. Фальк, П. Кончаловский, А. Куприн и др.) ориентировались на новую французскую живопись, а художники отъединившегося от них «Ослиного хвоста» (с марта 1912 года выставка и объединение Ларионова, Гончаровой, Бурлюков, Малевича и др.) тяготели к кубофутуризму, абстракции, наивному искусству, крестьянской примитивной живописи, лубку. Названием нового объединения Ларионов ещё более провоцировал публику. К нему примкнули А. Шевченко, М. Ле-Дантю, К. Зданевич, В. Татлин и Е. Сагайдачный.

В 1912 году примитивистский период Ларионова достиг апогея, это стало очевидным на выставке объединения, где художник представил более 40 работ. Более 50 картин составила экспозиция Н. Гончаровой, произведения «крестьянского цикла» выставил К. Малевич. Как подчёркивал Д. Сарабьянов, в западном искусстве примитив не обладал самостоятельностью, а в России, будучи сначала всего лишь сопутствующим для других течений, стал самоценным направлением и сыграл значительную роль в последующем становлении авангарда. Более того, обращение авангардистов к иконописи произошло через интерес к примитиву: «Гончарова уподобляла своих крестьянок иконным образам. Ещё дальше по этому пути пошёл

Малевич в “Крестьянках в церкви”, “Головах крестьян”, и в несохранившихся “Крестьянских похоронах”. <...> сами художники говорили об иконе как о важном источнике творчества» [11, с. 297].

В марте 1913 года Ларионов организовал выставку «Мишень». Кроме своего солдатского цикла, он представил новое направление – лучизм, что и стало началом беспредметности, базой для её роста в искусстве авангарда. Художник манифестировал проект «Лучисты и будущники», который вместе с ним подписали многие его сподвижники.

Творческое выставочное объединение «Магазин» включало московских и петроградских художников-авангардистов. Название объединения соответствовало организованной в марте 1916 года К. Малевичем выставки «Магазин» с участием Л. Бруни, И. Клюна, А. Моргунова, В. Пестель, Л. Поповой, А. Родченко, В. Татлина.

Объединение «Супремус» было основано Малевичем в декабре 1916 года (до ноября 1917 года) как объединение, принявшее общим базовым художественным мышлением супрематизм. В сообщество входили Н. Удальцова, Л. Попова, О. Розанова, Н. Давыдова, В. Пестель, А. Экстер, художницы, получившие впоследствии общее прозвище «амазонки русского авангарда». А. Якимович отмечает такую особенность времени, как феминизированность (особую роль в деятельности Супремуса, действительно, играют именно женщины-художники), и ещё подчеркивает их самостоятельность: они «подчас делали вид, будто идут за вождями типа К. Малевича, но на самом деле в них было больше независимости, чем цеховой дисциплины» [12, с. 52].

Малевич записал в состав Супремуса А. Архипенко. А. Кручёных и В. Хлебников вошли в объединение, Иван Клюн, участник выставки «0, 10» (Последняя футуристическая выставка картин «0, 10» в Петербурге в декабре 1915 года) и автор манифеста, позже профессор ВХУТЕМАСа, член ИНХУКа; Михаил Меньков, принимавший участие во многих малевичских проектах, автор двух деклараций-листовок, сотрудник Художественно-строительного отдела Наркомпроса у Малевича; Мстислав Юркевич; композитор Николай Рославец, автор мистерии «Небо и земля», удостоенной серебряной медали в 1912 году, создатель новой системы организации звука и техники синтетаккорда; и Роман Якобсон, лингвист-новатор, автор трудов по теории языка, семиотике, психолингвистике, а тогда 20-летний основатель Московского лингвистического кружка.

Все они создавали общий большой круг, из которого в мир устремлялось геометрико-философское высказанное Малевичем на выставке «0,10» как наивысшее в искусстве мышление. При подготовке к выставке уже возникла борьба за лидерство и приоритеты в авангарде. Малевич вынужден был бороться внутри собственного круга и за его пределами. После ухода Ларионова, после распада «Союза молодёжи» ситуация требовала нового флагмана, и новые большие имена авангардного списка выдвинулись на первые позиции.

Малевич понимал силу объединения соратников, и для него Супремус стал его первой партией в искусстве. Журнал «Супремус» замысливался как издание партийное, программное, ежемесячное, системное, по видам искусства структурированное и иллюстрированное.

Как подчёркивала Н. Гурьянова, «метаморфоза названия журнала – от “Нуля” до “Супремуса” – в этом контексте символична вплоть до “академических” аллюзий, остро подмеченных Матюшиным в последнем термине. Можно поспорить, что анархическая идея – создать мир из “ничто”, “ничто” как “всё” – осталась неизменной, но сама перестановка акцента с экстремального нигилизма “нуля” на утопический абсолют “всего” свидетельствует о новом этапе в эволюции авангарда, когда свободная антиутопия алогизма уступает место поиску объективного всеобщего закона <...>» [13, с. 459].

Уже к середине 1917 года журнал был собран, его сборка – это фактическая вершина объединения «Супремус», московский малевичский хронотоп, нервный узел солидарности / продвижения / влияния.

Не одни события Первой мировой войны и Октябрьской революции рассеяли общий большой малевичский круг. Его подвижная система было предельно динамичной, мера её внутреннего порядка не могла быть строгой, и критерием внутренних сдвигов оказалась изначальная серьёзная собственная потенция всех мастеров круга. Все они были величинами, не могущими долгое время находиться 1) в поле постоянного малевичского личностного напряжения; 2) в настойчивости супрематизма при наличии других не менее мощных направлений модернизма; 3) члены Супремуса обладали каждый своей харизмой и собственным (большого или меньшего диапазона) художественным голосом.

Следующий этап должен был учесть уроки первого: новое объединение будет основано на: 1) геометрической основе супрематизма, как и изначальное; 2) основе периодического издания, как и намечавшийся, однако несостоявшийся журнал. Но в отличие от изначального, оно на: 1) основе учебного заведения, в рамках особенной мастерской; 2) основе молодых учеников, вошедших в самый ближний круг, и сотоварищей-учителей; 3) основе совместных выставок докладов и акций; 4) основе собственного педагогического метода; 5) основе Теории прибавочного элемента (к 1920 году оформленной и в Витебске сформулированной).

По утверждению И. Смекалова, Малевич уехал из Москвы в связи с конфликтами с Татлиным, Родченко и другими конструктивистами и «производственниками» за сферы влияния [14]. Вряд ли Малевич мог убоиться острых дискуссий, ведь опыт противостояния у него был велик, как, впрочем, и у конкурентов. Вся художественная жизнь России в первой четверти XX века была свободной эпатажной зоной в пространстве смены парадигмы. С самых первых дней он воспринимал это место как временное. И с самых первых дней Малевич взялся подчинять себе город. Он сделал его супрематическим.

Творческое объединение *УНОВИС* стало не просто приемником Супремуса с его центральной программой / идеей, оно вывел программу на новый этап. Для *УНОВИСа* принципиальным является баланс больших сфер деятельности: образование + философия / теория + практика – согласованных между на базе супрематизма, супрематизмом как способом познания и преобразования мира скреплённых.

В отличие от Супремуса *УНОВИС* основывался на цеховой дисциплине и оказался центростремительным сообществом. Витебские мастерские сделали коммуну, местом жизни и местом общности. Малевич создавал целое как масштабную сеть, в которой локальные пространства были бы связаны в узлы.

УНОВИС существовал с февраля 1920 по октябрь 1922 года. Витебск на короткое время стал главным узлом и мозгом малевичской доктрины, прогноза / предвидения числовой виртуальной реальности, разработки этой неизвестной и непредставляемой тогда реальности, без машины, спроектированной мастером только на двухмерном холсте, апробированной в работах учеников и вербализированной в двух философских текстах.

Именно доктрина Малевича позволила трансформировать *УНОВИС* в ГИНХУК.

ГИНХУК (1923–1926) структурировал опыт *УНОВИСа* и из витебской уновисской лаборатории развил научно-исследовательский институт нового уровня объединения.

ГИНХУК состоял из шести отделов, с почти тридцатью научными работниками:

1) формально-теоретический и практический (живописный). У Малевича работали уновисты Чашник, Хидекель, Суетин, Юдин, Ермолаева. Практикантами по своему отделению Малевич зачислил Раяка, Магарил, А. Векслера, Каган, Санникова. Сотрудниками были также К. Рождественский, В. Стерлигов, А. Лепорская. Все – новый ближний малевичский круг;

2) материальной культуры. У Татлина, а затем у Суетина работали Н. Хапаев, Е. Некрасов и другие;

3) органической культуры. У Матюшина сотрудничали Эндеры (Борис, Мария и Ксения), Н. Гринберг;

4) общей идеологии под руководством Филонова, а затем Пунина;

5) техники живописи (затем экспериментальный) под руководством Мансурова;

б) внештатный фонологический отдел Терентьева.

Все отделы были заняты созданием универсальной художественной методологии через препарирование искусства, исследованиями процесса и закономерностей формо- и структурообразования, а – главное – на базе Теории прибавочного элемента Малевича.

В. Стерлигов называл ГИНХУК *УНОВИСом*: «Я вижу дом на Исаакиевской площади, так называемый Мятлевский особняк – это Институт

художественной культуры УНОВИС, где работают, держат в руках зеркала прямых отражений Малевич, Филонов, Татлин, Матюшин» Малевич о себе... [15, с. 403].

Новый этап авангарда. Первый период, русский футуризм, который датируют 1907 или 1910 годами, завершился к 1916 году. Художественное движение в России, поднявшись как эпатажная, разрушающая волна со-держала мощное креативное начало, принесла свежие и неожиданные идеи, сформировала плотную синкретичную базу для следующей волны, объединив живопись, музыку, поэзию, театр, собрала творческие силы в противоречивое и бурное единство.

1914 и 1915 годы подводили черту под временем бури, напряжения, яростных диспутов, противостояния и слияния группировок, скандалов и эпатажа. И именно в эти годы на созданной футуристами платформе началось возрастание нового русского авангарда с проникновением в крайние формулы искусства и бытия, с прорывом во вселенную. «Левое» искусство выходило на рубежи организации нового мира.

В мае 1914 года в мастерской В. Татлина открылась «Первая выставка живописных рельефов». Представленные работы – синтезостатические композиции, живописные рельефы, материальные подборки – через некоторое время получили обобщённое название – контррельефы и знаменовали новое направление авангарда.

Начался процесс перегруппировки сил, к движению примыкали новые художники и литераторы. Весной 1915 года стало очевидным, что прежние направления футуризма замещаются новыми, ещё более радикальными. В Петрограде состоялась «Первая футуристическая выставка картин “Трамвай В”», устроенная К. Богуславской, К. Малевичем, И. Клюном, Л. Поповой, Н. Удальцовой. Малевич представил композиции алогизма, Татлин – свои живописные рельефы, Богуславская – объект из кусочка зеркала, коробки пудры под названием «Туалет». После этой выставки в Петрограде открылась «Выставка картин левых течений», а в Москве – «Выставка живописи 1915 г.».

После отъезда Ларионова в Париж на место лидера авангарда претендовали и Малевич и Татлин.

19 декабря 1915 года открылась «Последняя футуристическая выставка картин “0,10”», ознаменовавшая окончательное изменение в характере авангардного движения: на первые позиции вышла беспредметность как полное освобождение искусства от сюжета. К. Богуславская и И. Пуни декларируют картину как новую концепцию абстрагированных реальных элементов, лишённых смысла. К. Малевич представил супрематизм. С серьёзной критикой по этому поводу выступил в газете «Речь» А. Бенуа, назвав это фокусом, попранием всего любовного и нежного, однако резюмировал это как знамение времени [16]. 12 января 1916 года Малевич совместно с Пуни устроили лекцию «Кубизм. Футуризм. Супрематизм»

с общественным рисованием, объяснением работ, с чтением стихов. Выставка «0,10» стала и началом противостояния *конструктивизма и супрематизма* как главных направлений авангарда.

В марте 1916 г. участники петроградских авангардистских выставок открыли в Москве экспозицию «Магазин», где лидером стал В. Татлин. А Малевич демонстрировал знак «0,10» на лбу.

Авангард эволюционировал быстро, прежнее футуристическое демонстративное настроение уходило, господствующие в предыдущем периоде теории отмирали, футуризм трансформировался в новый этап. Отказавшийся от копирования реальности и выдвинувший на первый план проблемы художественной формы футуризм преобразовался в авангард, который отверг реальность вообще.

С именем В. Татлина связаны идея и практика художественной организации трехмерного пространства, поиск закономерностей трансформаций формы в пространстве, абсолютное разрушение плоскости и выход за плоскость. Абстрактный подбор, фактическое наложение плоскостей делается предметом, объективизируется, материализуется и вместе с тем остаётся только формой, не сопоставляясь ни с каким реальным предметом. Татлина интересовали только свойства материала и способы его деформации.

Принципиальные открытия Татлина: контррельефы, Памятник III Интернационалу (Башня Татлина), Летатлин (летательный аппарат) проложили путь к конструктивизму. Тектоника, конструкция, фактура – элементы нового направления, где основными станут построение и структура, определяют участники Первой рабочей группы конструктивистов А. Родченко, А. Гана, В. Степановой. Конструктивизм сопоставлялся с инженерией и с интеллектуальным производством. В «Программе конструктивизма» в 1923 году значилось: «Конструктивизм должен стать высшей формальной инженерией всей жизни. <...> Наши идеи должны развиваться на сегодняшних вещах». Открытия в дизайне, сценография, одежде, производстве мебели, печатной графики – многочисленные и актуальные результаты творчества конструктивистов. В педагогическом методе ВХУТЕМАСа идея формирования нового типа творца / инженера / художника стала основополагающей в образовании и творческой деятельности.

Другое направление на втором этапе эволюции авангарда представлено беспредметностью в искусстве.

Термин акцентировал Малевич в брошюре к выставке «0,10»: «Но я преобразился в нуле форм и вышел за нуль к творчеству, т.е. к супрематизму, к новому живописному реализму – беспредметному творчеству» [17, с. 53]. А в 1918–1919 годах это определение вошло в оборот во время подготовки к выставке О. Розановой (посмертная выставка работ) и «Беспредметное творчество и супрематизм» (1919).

Малевич ввел дефиницию «супрематизм» в качестве наивысшей фазы, апогея и финала развития живописи как таковой. Меняя стили в собственном

творчестве, он искал новые средства изобразительности, при этом исследуя каждый свой этап как завершённую в себе структуру, определяя закономерности перехода из одной художественной системы в другую. На основе собственного опыта и педагогического метода Малевич сформулировал «Теорию прибавочного элемента» с подробной фиксацией стилей в новом искусстве и структурным их анализом, а также вывел минимальную единицу системы движения, «прибавочный элемент», лежащий в основе каждого стиля.

Супрематические произведения были представлены на «Последней футуристической выставке картин “0,10”» в 1915 г. в Петрограде – 39 картин. Это были беспредметные работы под общим названием «новый живописный реализм». И «Чёрный квадрат» как сжатая формула всей экспозиции предстал как переход к принципиально новым формам постижения мира через искусство. Начиная с декабря 1915 года Малевич прошел три стадии супрематизма – чёрный, красный и белый. Это было так называемое плоскостное развитие супрематизма с заложенным в нём экономическим началом и задачей – одной плоскостью передать статику и динамический покой. Супрематические формы – чистая плоскость, квадрат, круг, крест стали основой языка системы художественного миростроения.

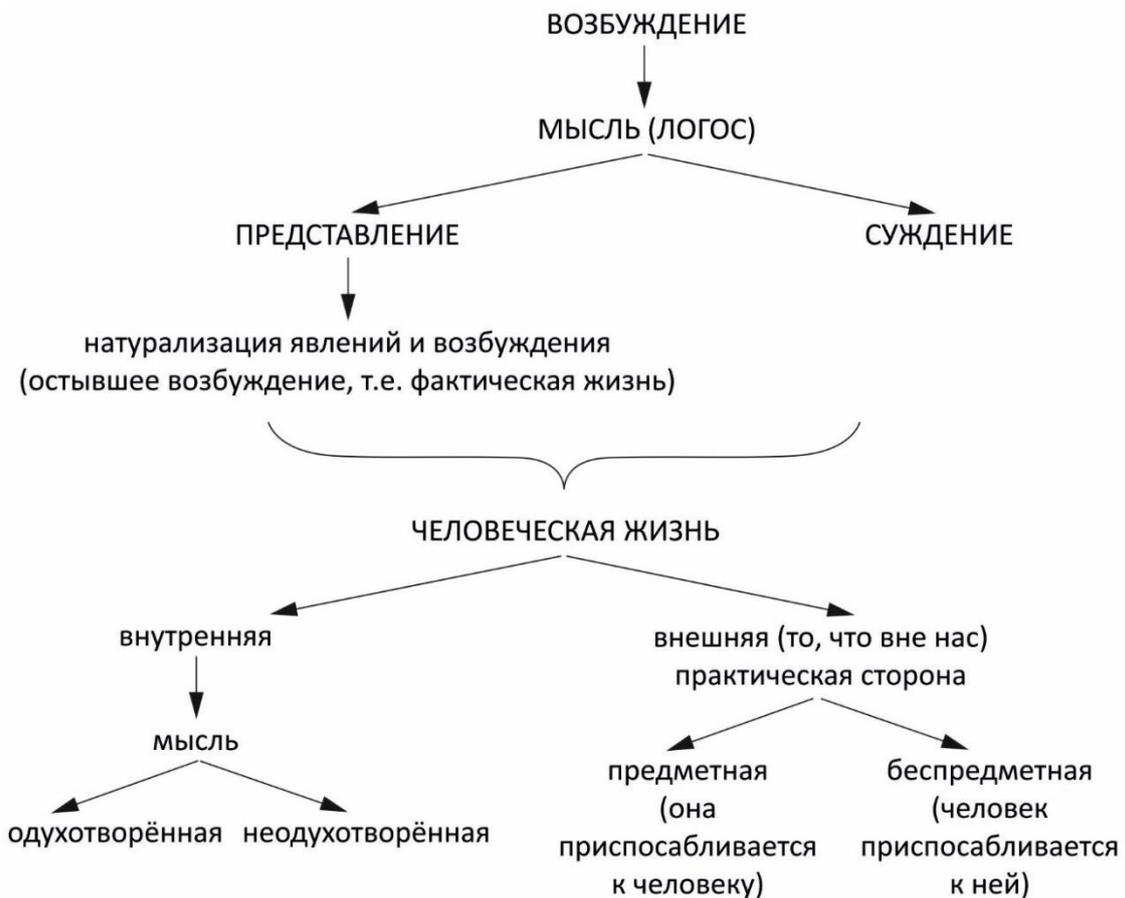
Финальный этап, т.е. белый супрематизм 1919 года представляет собой универсальное пространственное ощущение, «чистое ощущение», в котором исчезает цвет и сама форма. «Это были ступени его философии, главенство духовного постижения смысла бытия. Белый цвет – сумма всех цветов. Белое – это бесконечность. Белое – свет и божественная чистота. Особое отношение к белому цвету, дающему зрителю свободу проявить и увидеть в белом умозрительные образы, вылилось у автора в поиски особого творческого метода» [18, с. 34].

Супрематизм стал для Малевича основой учения о высших закономерностях мира: «Ключи супрематизма ведут меня к открытию ещё не осознанного. Новая живопись не принадлежит земле исключительно. Земля брошена, как дом, изъеденный шашлями. И на самом деле, в человеке, в его сознании лежит устремление к пространству, тяготение отрыва от шара земли». С 1915 года до 1920 мастер создал около 150 супрематических работ, выражающих сложные взаимодействия форм, а также энергию движения пространства и элементов. По точному замечанию В. Турчина, «теперь принято ссылаться на творчество Казимира Малевича, воспринимая “Чёрный квадрат” ещё более символически, чем даже предполагал его мастер; принято от Малевича, как некогда от Сезанна, вести генеалогию современного искусства, упоминая минимализм или концептуализм» [18, с. 239].

Для русских авангардистов проблема пространства была едва ли не самой основной наряду с освоением форм движения и понятием времени в произведении. Мотивацию в поисках формулы пространства они получали от научных открытий своей эпохи и от философских идей.

Философские размышления. Самым главным обстоятельством философии русского авангарда является то, что к выявлению и обоснованию онтологии мастера живописи приходили через искусство, на основе собственной художественной практики. Философские идеи были частью творчества в авангарде, начиная от В. Кандинского, выдвинувшего духовное начало как самоценность, и до Малевича, который соединил искусство и философию в супрематизме как размышлении о бытии, где духовное преобладает над материальным, а чистое пространство над предметом. Малевич настаивал на том, что *за* формой стоит энергия, и именно её преобразования меняют форму: «Чёрное и белое в супрематизме служат как энергии, раскрывающие форму».

Структура мира в концепции Казимира Малевича:

Возбуждение, по Малевичу, адекватно осмыслению сознания у Иоганна Фихте, когда на фундаментальном уровне сознание присуще самой реальности. Сознание представляет собой поток, к которому мы подключаемся, и в *наших* актах суждения (в наших когнитивных установках) сознание себя подтверждает, показывая нам своё действие – вспышка, которая порождает себя. В актах суждения наше Я как сознание полагает

самое себя, подтверждает свою реальность. Сознание постоянно себя порождает. Глубинная реальность – это энергия сознания. У Малевича: Мысль – этот акт суждения – это подключение к фундаментальному сознанию, т.е. к возбуждению, «состоянию, в котором нет измерения и протяженности», «в котором нет представления».

Возбуждение, или сознание не знает преград, оно действует как основание всего и всегда, это – энергия, которая проходит через каждого из нас, и Мысль – осознание этого. По Малевичу, мысль – один из процессов действия непознаваемого возбуждения.

По Фихте, сознание абсолютно и утверждает себя: в каждом акте суждения мы наблюдаем, как сознание действует в нас. Возбуждение живёт в нас скрыто, но в определённый момент наше **Я** включается в этом возбуждении. Малевич описывает это следующим образом: «человек как определённый физический образ не существует, в нём нет предела, нет границ распыления, сущность его везде и везде не одинакова или везде одинакова» [20, с. 192]. То есть **Я** человека находится в потоке возбуждения, и возбуждение присутствует в **Я** скрыто. И включается, когда **Я** «выделяется из целого в единичное, исключительно личное, индивидуальное место».

Возбуждение, по Малевичу, это – взаимосообщение мира и человека: «Только через возбуждаемость я ощущаю нечто». При этом очевидно, что это понимание не относится к простым ощущениям и только к чувствованию, даже, когда Малевич говорит о восприятии мира. Момент встречи потока сознания (возбуждения) с личностью – это творческий акт, момент **самосоздания**, точка самосоздания.

Мысль – точка соприкосновения сознания / возбуждения с индивидуальным сознанием: возбуждение действует в мысли, проявляет себя через мысль, активизируется в мысли. Мысль – это не средство размышления, а результат возбуждения.

Возбуждение / сознание и мысль / индивидуальное сознание – во взаимодействии являются основой жизни внутренней и обыденной (общезитие, по Малевичу). Мысль и сама раскалена, как возбуждение, и бежит как поток, создавая миры Вселенной. Энергия возбуждения с помощью мысли охлаждается и переходит в реальное представление. Человек – это точка взаимодействия возбуждения и мысли.

Для Малевича белый супрематизм – новое беспредметное действие. Сквозь предмет, через цвет – в чёрное / белое – и, наконец, в исключительно белое как чистое единство. Логично для него то, что, если в мире нет ничего подлинного и всё – только непрочность, единственным прочным может быть только единая беспредметная плоскость. Если человек не в состоянии двигаться в будущее по линейному времени, по горизонтали, из-за того, что это – всегдашняя иллюзия, то единственно возможное средство достижения целостности – это движение по вертикали вниз и в глубину –

в область бессознательного, или вверх – в область возбуждения вселенной. Это – ядро его философской концепции.

В XX веке сущность искусства выявилась, освободилась, и удалось выйти к беспредметному:

– во-первых, Малевич создаёт грамматику искусства, визуализируя / проявляя его универсальные структуры, т.е. проясняет схемы художественного мышления и инструмент искусства;

– во-вторых, Малевич сопрягает материю искусства (сам объект / холст / краски) с сознанием и миром математики (геометрия супрематизма);

– в-третьих, супрематизм Малевича – это акт сознания, благодаря которому проступают фундаментальные формулы не только искусство, но и самой реальности. Это – картирование искусства, а также картирование реальности;

– в-четвертых, Малевич доходит до предельной реальности, до конца, до самой глубины, до «горизонта событий».

Материалы и цвет в супрематизме исчезли и пришли к «высокому геометризму сознания». В этом смысле на этом уровне происходит супрематическое чистое глубокое проникновение в мир, разложение мира на составляющие элементы и синтезирование мира в виде формул / отношений. Что-то вроде сети, с помощью которой мысль улавливает реальность. Для Малевича этот уровень является чрезвычайно важным коридором / способом / методом / воронкой («горизонтом событий») мыслительного и действительного выхода из рабства мира практического / харчевоего.

Через белый квадрат движение идёт в Супрематический белый мир: «Все различия и вся сутолока цветного возбуждения, а также чёрного поглощаются белым. Возникнет большой спор между цветными возбуждениями, но исследования движений по центрам развития человека докажет, что все его усилия идут к белому» [20, с. 243]. Белый мир – главное состояние возбуждения, это связано с безграничностью: «Белый супрематизм потому белый, что он происходит из вывода естественного развития движения цветного сознания (чёрный и цветной Супрематизм как формулы мира. – Т.К.) через центры культуры человека, которые состоят из движения» [19, с. 179]. Живописная философия белого Супрематизма освобождает и растворяет всё, даёт абсолют, «ничто».

Значение русского авангарда. Русский авангард был скоротечным (десять–пятнадцать лет), но уникальным явлением. Характеризуя авангард в русском искусстве, приведём слова академика Д. Сарабьянова: «Идея разрыва, как вечное проклятие, тяготеет над русским искусством. С другой стороны, выступают активные связующие силы. Как ни одна другая, русская художественная культура соединяет в себе стилевую пестроту с мощной общностью духовно-интеллектуальных устремлений» [21, с. 65]. В этом высказывании заключается, на наш взгляд, утверждение об особенностях контр-

культуры в России и её способности сохранять внутреннее родство с глубинными свойствами художественного и философского мейнстрима.

В силу исторических и социальных российских обстоятельств XX в. авангард с начала 1930-х гг. оставался на уровне маргинального сегмента, а с начала 1990-х оказался в системе исключительно академической коммуникации. Войти в общедоступный культурный контекст и стать фактором обыденной ментальности ему не удалось: до сих пор, спустя столетие «Чёрный квадрат» в обыденном представлении остаётся метафорой бессмысленного эксперимента и заблуждения в культуре. Однако русский авангард с его потенциалом и радикальностью повлиял на процессы с другой стороны, в повседневность он вошел на уровне организации среды обитания, устройства быта, перспектив искусственного интеллекта, всего того, что связано с математическими моделями и дизайнерскими разработками.

В искусствоведении и истории искусства XX в. принято различать узколокальные и глобальные направления и фигуры авангарда. Одни из них разрабатывали почву и готовили открытия, другие обладали взрывной силой и открытия совершали. Среди тех, кто изменил ход художественной практики и чье влияние на художественные процессы проходит через весь XX в. и оказывает воздействие на искусство до сих пор, находятся Казимир Малевич с беспредметностью, Владимир Татлин и конструктивизм.

В конструктивизме художники следовали задаче выявления объективных свойств материалов и форм с целью построения произведения по законам логики (в архитектуре, плакатном искусстве, полиграфии, создании одежды, в эргономике).

В супрематизме организация нового мира была связана с философским поиском предельных оснований бытия. И в этом контексте художественные открытия Малевича соотносятся с радикальными открытиями в когнитивных науках, исследования в которых позволили понять, что элементарные единицы материи рассматриваются как самое сложное, включающее в себя всю вселенную [22]. В этом смысле «Чёрный квадрат» является той самой элементарной единицей / формой, которая заключает в себе пространство / время целой вселенной. Малевич актуализировал в супрематизме также и космические устремления человека, предложив варианты устройства среды обитания инопланетного и межпланетного пространства. Его планеты и архитекторы вместе с Проунами Лисицкого представляли собой жилища «для землянитов» и «пересадочные станции» движения в космосе.

Русский авангард за свой революционный и краткий период творческой практики и теоретической рефлексии исчерпал возможности искусства как художественной ойкумены и вывел искусство за предустановленные границы, определив варианты трансформации искусства в социальной среде, варианты трансформации самой социальной среды; определив направления философского поиска средствами искусства; определив новые горизонты мироощущения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харджиев, Н. Поэзия и живопись (ранний Маяковский) / Н. Харджиев // От Маяковского до Кручёных: Избранные работы о русском футуризме. – М.: Гилея, 2006. – С. 15–95.
2. Быков, Д. Маяковский. Трагедия-буфф в шести действиях / Д. Быков. – М.: Мол. гвардия, 2018. – 716 с.
3. Лившиц, Б. Полутораглазый стрелец / Б. Лившиц // Малевич о себе. Современники о Малевиче: в 2 т. / авт.-сост.: И. Вакар и Т. Михиенко. – М.: РА, 2004. – Т. 1. – 582 с.
4. Бахтин, М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худ. лит., 1975. – С. 234–407.
5. Лихачёв, Д. Поэтика древнерусской литературы / Д. Лихачёв. – М.: Наука, 1967. – 374 с.
6. Сарабьянов, Д. К ограничению понятия *авангард* / Д. Сарабьянов // Русская живопись. Пробуждение памяти. – М.: Искусствознание, 1998. – С. 264–275.
7. Сарабьянов, Д. Ситуация разрыва в истории русского искусства / Д. Сарабьянов // Русская живопись. Пробуждение памяти. – М.: Искусствознание, 1998. – С. 56–65.
8. Крусанов, А. Русский авангард: 1907–1932 / А. Крусанов. – СПб: Нов. лит. обозрение, 1996. – 320 с.
9. Кручёных, А. К истории русского футуризма. Воспоминания и документы / А. Кручёных. – М.: Гилея, 2006. – 496 с.
10. Эр. Отголоски дня / Эр // Московский листок. – 1910. – 22 дек. – С. 3
11. Сарабьянов, Д. Авангард и традиция / Д. Сарабьянов // Русская живопись. Пробуждение памяти. – М.: Искусствознание, 1998. – С. 292–305.
12. Якимович, А. О воинственной матерности авангарда / А. Якимович // Амазонки авангарда. – М., 2004. – С. 52–56.
13. Гурьянова, Н. «Дом-лаборатория «Супремуса»: к реконструкции журнала / Н. Гурьянова // Искусствознание. – 2001. – № 2. – С. 456–474.
14. Смекалов, И. УНОВИС в Оренбурге / И. Смекалов. – Оренбург, 2011. – С. 23.
15. Малевич о себе. Современники о Малевиче: в 2 т. / авт.-сост. И. Вакар и Т. Михеенко. – М.: РА, 2004. – 679 с.
16. Речь. – 1916. – 9 янв. – С. 3.
17. Малевич, К. Собрание сочинений: в 5 т. / К. Малевич. – М.: Гилея, 1995. – Т. 1. – 393 с.
18. Кленова, О. Особенности творческого метода Малевича, выявленные в процессе реставрации его произведений / О. Кленова // Каталог: Казимир Малевич в Русском музее. – СПб., 2000. – С. 32–34.
19. Турчин, В. Образ двадцатого... / В. Турчин. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 453 с.
20. Малевич, К. Собрание сочинений: в 5 т. / К. Малевич. – М.: Гилея, 2000. – Т. 3. – С. 192–243.
21. Сарабьянов, Д. Ситуация разрыва в истории русского искусства / Д. Сарабьянов // Русская живопись. Пробуждение памяти. – М.: Искусствознание, 1998. – С. 56–65.
22. Марков, М. О понятиях первоматерии / М. Марков // Вопросы философии. – 1970. – № 4. – С. 66–75.

ГЛАВА V

МАСТАЦКАЯ ШМАТГРАННАСЦЬ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ХАРАКТАРУ БЕЛАРУСА Ў АЙЧЫННЫМ РАМАНЕ КАНЦА XX СТАГОДДЗЯ

Адметным наватарскім пошукам, паслядоўнай лірызацыяй формы, ускладненнем тэматыкі і праблематыкі вызначаецца раман у беларускім прыгожым пісьменстве 1980-х гадоў, што абумоўлена ў тым ліку пазалітаратурнымі фактарамі. Крэатарскім падыходам вызначаецца творчая манера Віктара Карамазава і Віктара Казько, якія паслядоўна звяртаюцца да мастацкага асэнсавання надзвычай актуальнай экалагічнай тэмы. Так, класічны раман імкнецца адлюстраваць жыццё ў яго цэласнасці, разнастайнасці і адначасова раскрыць характар галоўнага героя. Пры гэтым пісьменнікі аддаюць належную мастацкую ўвагу ўвасабленню нацыянальна адметнага характару беларуса, шматгранна рэпрэзентуюць псіхалагічны партрэт асобы.

Адметнасць асэнсавання экалагічнай тэмы ў беларускім рамане вызначага перыяду заключаецца ў тым, што прыродазнаўчая праблематыка ўключаецца ў складаны аксіялагічны кантэкст, звязваецца з маральна-этычнай традыцыяй. Так, асэнсаванне чалавечых адносін да прыроднага свету, заяўленае Іванам Пташнікавым у рамане «Мсціжы», знаходзіць яскравае ўвасабленне ў творчасці Віктара Карамазава. Пісьменнік на канцэптэуальным узроўні супастаўляе беражлівае стаўленне і прагматычнае карыстанне ў рамане «Пушча» (1979), які А.С. Яскевіч слушна называе ўнікальным творам пра беларускі лес.

Даследчык, параўноўваючы раман беларускага аўтара са знакамітым «Рускім лесам» Л. Ляонава, доказна даводзіць, што Віктар Карамазаў не толькі стварыў арыгінальныя нацыянальныя вобразы, але і творча адгукнуўся на грамадскія запатрабаванні часу, калі ўзнікла неабходнасць «выпрацоўкі экалагічнай філасофіі, урэшце, стварэння новай этыкі ўзаемаадносін чалавека з прыродай. У маштабе гэтай не толькі мастацкай, але і філасофскай, навуковай задачы і мусіць ацэньвацца раман “Пушча” як першы ўдалы вопыт буйнаэпічнага асваення прыродаахоўнай праблематыкі ў нацыянальнай літаратуры» [1, с. 579].

Думаецца, не будзе перабольшваннем дадаць, што экалагічная філасофія паказваецца майстром слова ў святле духоўных спадчыны, народнай этыкі і маралі, арыгінальна звязваецца з традыцыяй роду і сям’і. Гэта дазваляе актуалізаваць сувязь часоў, пераемнасць мінулага і сучаснага, невыпадкова аўтар праз сваіх герояў мэтаскіравана сцвярджае думку пра тое, што спляжыць лес хутка і лёгка, а каб лесу вырасці, патрэбны значны час і беражлівае стаўленне некалькіх пакаленняў.

У рамане «Пушча» мастацкае дзеянне раскрывае глухі лясны куток на Магілёўшчыне, у цэнтры ўвагі – маляўнічая вёсачка Лісань, амаль пакінутая жыхарамі. Паказваецца аўтарская сучаснасць – 70-я гады ХХ стагоддзя, якая дэталёва рэпрэзентуецца праз дзейнасць лясгаса, рэтраспектыўна ў твор уключаюцца не толькі ўспаміны розных персанажаў пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны, але і згадкі пра больш аддаленыя перыяды, якія сталі ўжо гісторыяй. Віктар Карамазыў выбірае форму аповеду ад трэцяй асобы, якая ў цэлым адпавядае «Я»-апавядальнай стратэгіі. Суб'ектыўная форма ўзнаўлення рэчаіснасці ад імя выбранага героя актуалізуе лірычнае пісьмо, у выніку чаго запатрабаваны і сродкі стварэння псіхалагічнага партрэта персанажа.

Пры гэтым раман цяжка назваць аднагеройным, паколькі ў працэсе развіцця канфлікту выяўляюцца два галоўныя «палюсы прыцягнення» і адпаведна два ўмоўныя лагеры герояў, што прадвызначае адметнасць вобразнай сістэмы. Так, у творы відавочна вылучаецца з ліку іншых ляснічы Валашка, які паказаны таленавітым тэхнікам-вынаходнікам, сумленным і мудрым чалавекам, што карыстаецца даверам у вясковай грамадзе. Лінія паводзін Валашкі выяўляе беражлівыя адносіны да ляснога багацця, што вымяраецца самім героем не столькі ў матэрыяльных каштоўнасцях, колькі духоўных, у чым імкнецца пераканаць іншых: «Што вам лес? Царква – святое. Там грэх падумаць, каб нешта ўзяць. А тут: пляж, валачы! І доказ адзін: спакон веку гэтак чалавек з лесам робіць, хто ў пушчы не злодзей – той дома не гаспадар. А можа, наша пушча і ёсць найсвяцейшы сабор?! Цэрквы знікаюць – людзі вечна жывуць. А знікнуць лясы?.. Як тады людзям?..» [2, с. 219]. З гэтым выключна станоўчым персанажам кантрастуе дырэктар лясгаса Зімавец, які дбае найперш пра выкананне планавых паказчыкаў, пра свой аўтарытэт у вачах начальства, і здольны на непрыгожыя ўчынкі ва ўзаемаадносінах з людзьмі. З-за кар'ерных разлікаў ён страціў асабістае шчасце, што выдатна выяўляе лінія ўзаемаадносін Зімаўца і Насці. Розніца ў светапоглядах прыводзіць да таго, што страчана і ранейшае сяброўства з Валашкам, супрацьстаянне герояў паступова перарастае ў дынамічны канфлікт.

У так званае «поле прыцягнення» Міхаля Валашкі ўваходзяць персанажы, якіх можна назваць блізкімі лепшым пташнікаўскім героям. Каларытны вобраз дзеда Гароха, які ўвасабляе такія рысы нацыянальнага характару беларуса, як працавітасць, зычлівасць, вернасць малой радзіме, і разам з тым выступае сімвалічна шматзначным. Трагічнае прадчуванне вымірання вёскі бачыцца ў тым, калі дзед Гарох абыходзіць пакінутыя лісаньскімі гаспадарамі хаты, каб давесці іх да ладу. Дзед Гарох, нечым падобны да Андрэя Вялічкі, выступае жывым увасабленнем памяці, якой не хапае маладому пакаленню, каб пераняць духоўную традыцыю продкаў, а разам з ёю – беражлівае стаўленне да ўсяго жывога. Так, герой «памятаў, як у васемнаццатым, у пятроўку, самую галадоўку, калі выдалася засуха і надта гарэла пушча, лісанцы вынеслі ікону Георгія Пабеданосца, хадзілі з ёю вакол

Святога дуба і Белай крыніцы, вымольвалі ў неба дажджу» [2, с. 33]. Па даўняй традыцыі, калі паміраў нехта з пушчанцаў і не мог дачакацца святара, то спавядаўся Святому дубу, пра што нагадвае і стары Кулаш, які выступае ў творы непрадзятым назіральнікам і адначасова надзелены найвышэйшым маральным аўтарытэтам.

Знішчаць старадаўнія дубы – гэта маральнае злачынства, – гучыць прысуд Кулаша найперш Зімаўцу, які спакусіўся добрым заробкам і не ведае, што пад Святым дубам сканала яго прабабка. Такім чынам, па-філасофску даводзіць аўтар, той, хто не ведае гісторыі свайго роду, гатовы лёгка нішчыць лясы, якія не толькі з’яўляюцца памяткамі мінулага, але і своеасабліва ўмацоўваюць сувязь паміж пакаленнямі.

Спазнае гісторыю свайго роду Андрэй, малады чалавек, спецыяліст-таксатар, які збіраецца працаваць у родных мясцінах. Андрэй сябруе з Валашкам і горнецца да яго болей, чым да стрычнага брата Зімаўца, такім чынам адбываецца выбар не столькі паміж названымі героямі, колькі іх светапогляднымі пазіцыямі. Беражліва ставіцца да ўсяго жывога ляснік Макар, які хавае ад высокапастаўленых чыноўнікаў-паляўнічых двух ласёў. Не ўсе героі разумеюць яго ўчынак, пісьменнік прапануе сфарміраваць уласныя адносіны да гэтага ўчынку і чытачу. Пры гэтым аўтарам імпліцытна выказваецца меркаванне, што той з персанажаў, хто разумее, у нейкай меры пацвярджае сваю чалавечую годнасць. Кантрастуе з Макарам ляснік Рысеў, які нехайна ставіцца да сваіх прафесійных абавязкаў, больш таго, у ім, заўзятым паляўнічым, жыве прага знішчаць усё жывое. Гэты герой уваходзіць у «поле прыцягнення» Зімаўца, як і прадстаўнікі адміністрацыі лягаса, якія працуюць з паперамі і не бачаць лесу на ўласныя вочы, няздольныя адчуваць яго хараство, а значыць, і беражліва адносіцца.

На сэнсаўтваральным узроўні раскрываецца пісьменнікам сімволіка-іншасказальная вобразнасць. Віктарам Карамазавым створаны адметны вобраз алянухі Пані, мацёрага і мацёрай, якія ўваходзяць у сістэму персанажаў рамана як паўнаватасныя героі, надзеленыя індывідуальнымі рысамі. Мастацкая антрапаморфнасць набывае сімвалічнае гучанне: «Па-над зубчастай лясной грываю палала сонца – на Андрэя і Алёнку, на Міну, на Юрася і Дзімку яно глядзела да болю пякучым, вялізным і чырвоным вокам самой алянухі Пані» [2, с. 156]. Сімвалічная вобразнасць дамінуе ў фінале рамана: у самы небяспечны момант нябога Мураўка б’е ў звон, кліча людзей, як на пажар, ратаваць ад згубы старыя дубы. Да гэтага закліку на ўзроўні шырокага абагульнення далучаецца і голас аўтара, у якім чуецца трывога за ўсё жывое на зямлі.

Такім чынам, раман «Пушча» вызначаецца арганічным спалучэннем эпічнай шматгеройнасці і лірычнага «шматгалосся», мастацкага псіхалагізму, аўтар не столькі апісвае дзеянне, колькі раскрывае ўнутраны свет персанажа. Арганізацыя вобразнай сістэмы, заснаваная на прынцыпе

бінарных апазіцый, адкрывае мажлівасці для выбару светапогляднай канцэпцыі. Пісьменнік раскрывае змест розных узаемаадносін з прыродным асяроддзем, пры гэтым не навязвае сваю думку чытачу. У нейкай меры аўтарам ідэалізуецца Міхаль Валашка, характар якога пераважна статычны. Увасоблены найперш змрочнымі фарбамі Васіль Зімавец не пазбаўлены духоўнага руху, для героя, які па-новаму адкрывае для сябе ўласны род, застаецца надзея на лепшае. Іншасказальнасць заглыбляе філасофскі змест твора, у якім прыродаахоўная праблематыка асэнсоўваецца ў кантэксце маральна-этычнай нацыянальнай традыцыі.

П.В. Васючэнка слухна падкрэслівае, што першы раман Віктара Казько «Неруш» (1981) нясе элементы новага светаадчування – трывогі за будучыню, прадбачання катастроф. Так, «у асобных, надзвычай драматычных эпізодах твора праглядаюцца апакаліптычныя матывы, што дае падставу сцвярджаць пра новую з’яву ў беларускай раманістыцы – набліжэнне да жанру рамана-антыўтопіі, надзеленага футуралагічнай, папераджальнай і прагнастычнай функцыямі» [3, с. 742]. У цэлым твор вылучаецца істотнай мастацкай іншасказальнасцю, паступовым раскрыццём сюжэта, раманае дзеянне драматызуецца, вобразы герояў набываюць сімвалічныя рысы. У прыватнасці, сімвалічны пачатак рамана: Мацвей, які бачыць чараду буслоў або, як іх называюць на Палессі, антонаў-лелькаў, атаясамлівае іх са сваімі аднавяскоўцамі, сваёй сям’ёй. Буслы ў апошні год выгадавалі толькі па адным бусляняці, паколькі людзьмі быў знішчаны іх адвечны дом – балоты.

Пісьменнік звяртаецца да актуальнай у 80-я гады мінулага стагоддзя экалагічнай тэмы – увасабляе Палессе, яго непаўторную прыроду, знітаванага з прыродай адметнага чалавека – палешука, які заўсёды вызначаўся сваім характарам. Віктар Казько малое мастацкі партрэт палешука як негаваркога ціхмянага чалавека, чым працягвае літаратурную традыцыю Івана Мележа. Разам з тым пісьменнік па-мастацку падкрэслівае, што палеская зямля мае сваю гістрыю – і гэта найперш змаганне з чужынцамі: татарамі, шведамі, а ў апошнюю вайну – з немцамі. Калі забітых ворагаў падняць з зямлі, паставіць адзін да аднаго, то ім не хапіла б месца на Белай Русі. Такім чынам, даводзіць аўтар, паляшук як ніхто іншы любіць сваю зямлю і гатовы яе бараніць да апошняга. Вобразы палешукоў розных пакаленняў і раскрывае ў сваім рамане Віктар Казько.

Пісьменнік стварае псіхалагічна пераканаўчыя партрэты герояў, праз унутраныя маналогі раскрывае матывацыю той ці іншай асобы. Улюбёны ў палескія балоты стары Махахей, шчыры і сумленны працаўнік, які ўсё жыццё вызнае народную філасофію: усё жывое на зямлі – радня чалавеку. Праз яго ўспрыманне свету пісьменнік асэнсоўвае меліярацыю не толькі як знішчальную прыродную з’яву, але і як пачатак знішчэння чалавекам самога сябе. Так, асушэнне балот у ваколіцах палескай вёскі Княжбор мае трагічныя наступствы, якія не адразу ўсведамляюцца героямі рамана. Адным з першых

сутыкаецца з гэтым Махахей, калі ён, заўзяты палескі рыбак, не можа злавіць у адзіным ацалелым каля вёскі возеры ніводнай рыбіны.

Пазней герой убачыць, як людзі, намагаючыся здабыць як болей, губляюць чалавечае аблічча: «І людзі былі ўжо распалены сутаргавай безразважнасцю пагоні, палявання, бы пугамі, сцябалі ваду, і ляшчоў, і сябе, азарт свой. <...> А тыя, у каго рукі задубелі ўжо зусім і не здольныя былі ўхапіць і ўтрымаць жывое і слізкае цела рыбіны, здабывалі гэтую рыбіну зубамі. Зубамі працаваў здаравіла, каля якога спыніўся Махахей, малады хлопец з рукамі каваля ці механізатара <...> І хлопец толькі падцягваў да пелькі ляшча, падцягваў, шчэрыў зубы, падаў перад ім на колэнцы і, баючыся, што не ўтрымае рыбы, дапамагаў сабе зубамі» [4, с. 260]. Як далей пераканаўча паказвае пісьменнік, для тых, хто не беражэ жывое, вартасці пазбаўляецца і чалавечае жыццё.

Імкнецца вызначыць маральныя прыярытэты, разабрацца ва ўласным жыцці і Мацвей Роўда, паляшук, карані якога ў той жа вёсцы Княжбор, а цяпер прадстаўнік улады, што праводзіць меліярацыю. Пісьменнік акцэнтуюе сваю ўвагу на гэтым вобразе, паслядоўна прасочвае яго ўзаемадзеянне з іншымі героямі. Мацвей адчувае маральны ўплыў свайго дзеда Дзям'яна, палешука, які ваяваў у грамадзянскую вайну і Першую сусветную вайну, партызаніў у Вялікую Айчынную, мудрага і спагадлівага чалавека. Дзед Дзям'ян выходзіў унука, які рана застаўся без бацькоў, перадаў яму чуйнае стаўленне да акаляючага свету. Пры тым Мацвей перакананы, што павінен палепшыць жыццё аднавяскоўцаў, і гэта не мажліва зрабіць без тэхнічных пераўтварэнняў, у ліку якіх – меліярацыйная работа. Гэтаму вучыць старэйшы таварыш і ў нейкай меры жыццёвы настаўнік Роўды – Шахрай, які зневажальна адносіцца да прыроднага асяроддзя палескіх балот, ставіцца да зямлі найперш як крыніцы матэрыяльнага ўзбагачэння. Узаемастанкі галоўнага героя з гэтымі палярнымі вобразами прадвызначаюць дваіснасць яго светапогляду, што абумоўлівае ўнутраны канфлікт і драматызацыю раманнага дзеяння.

Вобраз галоўнага героя адпавядае асноўным прынцыпам сюжэтна-кампазіцыйнай будовы твора. Раман «Неруш» адрозніваецца двухпланавым сюжэтам: гэта тагачаснае вясковае грамадства і «ўтапічная» прастора са спыненым часам, што рэпрэзентуецца міфалагічнымі вобразами Галоскі-галасніцы, Жалезнага Чалавека, перакуленым светам, які прыходзіць да Мацвея ў снах. Як слушна падкрэслівае П.В. Васючэнка, «існаванне гэтых вобразаў падаецца амаль як рэальнае, прынамсі, аўтар рупіўся пра плаўны, амаль нябачны пераход апавядальнай плыні ад прыземленай бытаапісальнасці да фантазмагорыі і міфалагізму. Міфалогія Палесся складае частку раманнага хранатопу, дапаўняе тую “неруш”, якая складае пракавечныя асновы быцця рэгіёну» [3, с. 740].

Так, знішчаныя княжборцамі векавечныя дубы растуць у перакуленым свеце, акно ў які ўяўляецца дрыгвяністай Чортавай прорвай.

Як папярэджанне пра трагічныя наступствы, з'яўляецца ў начным Княжборы Жалезны Чалавек, што палохае чуйных палешукоў. Жалезны Чалавек сімвалічна ўвасабляе памяць і сумленне, адказнасць за ўсе ўчынкi, ён папракае Мацвея Роўду: «Ты ўзяў зямлю ў першароднасці і квецені і без смецця і паскудства. Чыстымі былі туманы, вольнымі птушкі, пладзіліся жывёлы твае, пладаносілі дрэвы, яшчэ Княжбор дастаўся табе ў першароднасці і першастворанасці лясоў, рэк і крыніц, верхавых і нізавых балот, але ты кінуўся, улёг перарабляць яго, муляла вока табе першастворанасць, крануў ты неруш, крануў і сябе. І цяпер ужо тваё ўласнае дзіця, машына, створаная табой жа, і шкодзіць табе ж. Хутка ты сам сабе будзеш шкодзіць, ужо шкодзіш, ужо лішні сам сабе, імкнешся пераступіць і цераз сябе. Але я табе не дазваляю, не даю. І тваё шчасце, што ў цябе ёсць я, што пакуль яшчэ існую» [4, с. 330].

Віктар Казько невыпадкова называе Жалезнага Чалавека дваініком Мацвея: паляшук Роўда павінен быў стаць захавальнікам Палесся, але ненаўмысна распачаў знішчэнне – злачынства супраць прыроды і людзей. Няўмелая меліярацыя прыводзіць да таго, што асушаныя тарфянікі пагражаюць пажарамі, новая ўрадлівая глеба хутка вынішчаецца эрозіяй, а вёску Княжбор захлынае паводка. Сімвалічны малюнак у фінале рамана – паказана пылавая бура, незнаёмая раней з'ява для аднавяскоўцаў Мацвея, якая ўвасабляе маральны прысуд галоўнаму герою за тое, што быў лес, была вада, а стала пекла. Адчуваючы сваю віну, Роўда ратуе бусла, з якім іншасказальна параўноўваецца і сам герой: бусел выгнаны з чарады за тое, што быў нядужым, Мацвея аднавяскоўцы праклінаюць за тое, што не змог зберагчы сваю зямлю. Такім чынам, мастацкі хранатоп рамана эпізодычна раскрывае мінулае, выяўляе рэаліі аўтарскай сучаснасці, аднак разам з тым прагнастычна апелюе да будучыні: пісьменнік паказвае як пачатак экалагічнай катастрофы працэс самазнішчэння чалавека і асэнсоўвае прычыну – страту духоўнай традыцыі.

Мажлівасці раманняга жанру дазваляюць асэнсаваць праблему *асоба – грамадства* ў выразным канфлікце, пры гэтым Віктар Казько адмаўляецца ад ролі каментатара, дазваляе чытачу самому ацэньваць герояў. Адносіны пісьменніка да падзей выяўляюцца найперш праз эмацыйную афарбоўку, якая падначальвае і логіку мастацкага выкладу. Аўтар у нейкай меры пакутуе і змагаецца разам з галоўным героем, што на ідэйна-мастацкім узроўні акцэнтуюе найперш суб'ектыўнае асэнсаванне трагедыі героя, грамадскай праблемы і надае твору філасофскую заглыбленасць.

У рэчышчы эстэтычнай традыцыі лірычнай прозы створана мастацкае палатно Віктара Казько «Хроніка дзетдомаўскага саду» (1986), у якім П.В. Васючэнка слухна бачыць набліжэнне да жанравай разнавіднасці філасофскага рамана. Пісьменнік, які адлюстроўвае асобу ў кантэксте гісторыі, «вольна распараджаецца мастацкім хранатопам, сумяшчае розныя часавыя пласты, эксперыментуе з прасторавымі асацыяцыямі» [3, с. 743].

У творы няпроста вылучыць праблемна-тэматычную дамінанту, паколькі гістарычная пераемнасць бачыцца шырокім мастацкім фонам, на якім завострана асэнсоўваецца як экалагічная тэма, так і аксіялагічнае паняцце родавай повязі, духоўнай спадчыны, што спрадвеку знітоўвала беларускае вясковае грамадства. Віктар Казько рэпрэзентуе канцэптualaнае бачанне нацыянальнай рэчаіснасці: калі ў рамане «Неруш» па-майстэрску паказана рэальная трагедыя – руйнаванне нацыянальнай светабудовы, то ў «Хроніцы дзетдомаўскага саду» выяўлена канцэпцыя адраджэння самасвядомасці беларуса.

У «Хроніцы дзетдомаўскага саду» пісьменнік вымярае жыццёвы вопыт у розных маральна-этычных каардынатах, дзеля чаго ўвасабляе двух герояў-антаганістаў, Мар'яна Знаўца і Сідара Місцюка, якія прадстаўляюць два «палюсы прыцягнення», пад уздзеяннем якіх аказваюць іншыя героі і мусяць рабіць той ці іншы выбар. Адлюстроўваючы тыповы раманны канфлікт, аўтар выкарыстоўвае розныя формы прысутнасці ў творы, аднак найперш выступае аб'ектыўным назіральнікам, які дазваляе чытачу самому зрабіць выснову. Так, з вышыні часу пераасэнсоўвае ўласнае мінулае і пачатак жыцця – дзяцінства, у якім істотная роля належыць дырэктару дзіцячага дома. У гэтым выпадку ўжываецца «Я»-апавядальная стратэгія, якая кантрастуе з персанажнай сітуацыяй: пісьменнік адлюстроўвае вобраз самога сябе ў маленстве. У мінулым герою давялося непасрэдна сутыкнуцца з дабрынёй Мар'яна і чэрствасцю Сідара. У выніку ў нейкай меры выяўляецца аўтарская сімпатыя, якая падаецца чытачу на ўзроўні прыватнага меркавання і не прадвызначае вырашальнай ацэнкі.

Як слушна зазначае Д.Я. Бугаёў, у тэксце сустракаюцца прамыя аўтарскія звароты да чытача і нават робяцца спробы ўвесці яго ў творчую лабараторыю [5], у чым бачыцца значнае наватарства мастака слова. Разам з тым традыцыйнае для творчай манеры Віктара Казько эмацыйнае ўздзеянне дасягаецца праз іншасказальнасць, вобразную сімволіку, якая неаднаразова выступала прадметам аналізу ў крытыцы і літаратуразнаўчых працах. У сучаснай навуцы паглыблена даследуецца міфатворчасць пісьменніка, што «з'яўляецца эстэтыка-філасофскім увасабленнем фальклорна-міфалагічнага вопыту ў беларускай літаратуры» [6, с. 3]. У цэлым не будзе перабольшваннем сказаць, што творца праз асацыятыўныя паралелі імкнецца ўключыць чытача ў працэс актыўнага ўспрымання мастацкага тэксту.

На ідэйна-мастацкім узроўні заяўлены шматзначны вобраз саду, які «можа атаясамлівацца з індывідуальным выбарам, воляй распараджацца ўласным лёсам» [3, с. 745]. Думаецца, вобраз саду варта разглядаць не толькі ў кантэксце індывідуальнага лёсу Мар'яна Знаўца і Сідара Місцюка, але і адметнага шляху грамадскага развіцця беларусаў, што ілюструе пераемнасць мінулага і сучаснага. Сад выступае ўвасабленнем светлых спадзяванняў не адных гадаванцаў дзіцячага дома. Знакава, што напачатку яго садзіць пагранічнік Трубецкі, як сам пра сябе кажа, чалавек савецкі,

які і выступае прадстаўніком савецкай улады: «І сад садзілі пад музыку, пад духавы аркестр, капалі ямкі, ставілі і прыкопвалі саджанцы, палівалі зямлю. І было бясконцае сонца, шмат чырвоных фарбаў, смеху і радасці» [7, с. 39]. Гэта ўтапічны вобраз савецкага грамадства, аднак такім чынам быў створаны свет, у які паверылі многія вяскоўцы, які знайшоў сваіх спадкаемцаў і абаронцаў, у прыватнасці, Мар'яна.

Невыпадкава, што герой паходзіць з сям'і з моцнымі духоўнымі каранямі: яго дзед называе сябе родзічам зубра Сноўдалы, чакаць якога наказвае і Мар'яну. У той жа час Знавец шануе не столькі крэўнае, а значыць, нацыянальна адметнае, колькі створанае савецкім ладам, дбае найперш пра агульнаграмадскі, а не сямейны дабрабыт. Менавіта герой аднаўляе вынішчаны па нямецкім загадзе, хоць і рукамі Сідара, сад, з'яўляецца настаўнікам і выхавацелем дзяцей, у тым ліку і аўтара. Як шчыра апошні прызнаецца чытачу, «і мне цяпер здаецца, што ён такі пасадзіў мяне. І не толькі мяне, усіх нас, хто быў на закладцы дзетдомаўскага нашага саду, хто потым дапамагаў яму расці. Мы самі раслі ў тым садзе» [7, с. 419], што трэба ўспрымаць як прызнанне факта жыцця ў савецкім грамадстве.

Чарговае вынішчэнне саду падаецца як вялікі сацыяльны зрух, што вырашальна ўплывае на жыццё людзей. Ініцыятыўным выканаўцам выступае непрымірымы да савецкай улады Місцюк, які ўвасабляе прыстасавальніцтва, карыслівасць, няхай і працавітасць, знакава, што менавіта ён становіцца гаспадаром на зямлі, дзе раней рос сад. Як перакананы аўтар, не па маральнаму праву, але выступае пераможцам у супрацьстаянні з Мар'янам, удала багацее. Партрэты галоўных герояў створаны як светлымі, так і цёмнымі фарбамі. Так, Мар'ян па-свойму несправядлівы і нават жорсткі ў адносінах да жонкі і старэйшай дачкі. Пры гэтым вобразы абодвух герояў шмат у чым сімвалічныя: калі Мар'ян увасабляе духоўны пачатак, то Сідар – матэрыяльны, і галоўная праблема бачыцца ў іх раз'яднанасці.

У выніку з вёскай адбываюцца незваротныя працэсы, якія выяўляюць трагедыю ў нацыянальным маштабе. Маладое пакаленне, якое нарадзілася і вырасла ў вёсцы, ад'язджае і не вяртаецца. Жыць і берагчы сваю зямлю застаецца хворы Уладзік, якога нават не ўзялі ў армію. Побач з ім знаходзяцца персанажы, што ўвасабляюць найперш сацыяльныя тыпы: Іванчык-дэзерцірчык, Вовік-алкаголік, Лукаш-страннік, дзед Калістрат, які ўзначальвае мясцовых баптыстаў. Гэта Уладзік паказвае Іванчыку, якая прыгожая яго родная зямля, беражліва ставіцца, імкнецца абараніць усё жывое. Нацыянальна знакавым сімвалам выступае зубр Сноўдала, які бяжыць з мінулага ў будучыню, размаўляе з дубам на вечныя тэмы. Апошні, дзякуючы мастацкаму антрапамарфізму, з'яўляецца не проста адным з герояў, а выразнікам аўтарскай экалагічнай філасофіі: «У кожнага з нас, хто жыве на зямлі, у дрэў і звяроў, людзей, адзіны лёс. Упала дрэва –

упаў і чалавек, на аднаго звера на зямлі стала меней, зрабіўся меншы на аднаго чалавека і свет» [7, с. 316].

Менавіта чуйны Уладзік, духоўна блізкі Мар’яну, бачыць зубра Сноўдалу, разам з ім памірае, у чым бачыцца страта апошняй надзеі. Так, «ссыхаюць стогадовыя дубы, мялее рэчка, знікаюць бабры, пачынаецца нашэсце на вёску мышэй і пацукоў, гінуць пчолы, на лес накідваюцца пажары. Згушчэнне, канцэнтрацыя змрочных фарбаў надаюць фіналу рысы Апакаліпсіса» [3, с. 745]. Асобныя даследчыкі заўважаюць у гэтым амаль прарочае прадказанне Чарнобыльскай трагедыі: як вядома, аўтар працаваў над творами на працягу 1981–1985 гадоў. Думаецца, апакаліптычны фінал варта ўсё ж расчытваць у кантэксце філасофскай канцэпцыі: пісьменнік паказвае трагічнае будучае беларусаў, якое стане цалкам верагодным вынікам неўпарадкаванай сучаснасці.

Такім чынам, Віктар Казько прасочвае хроніку жыцця беларускага грамадства, для чаго выбірае галоўныя падзеі, якія атрымліваюць маральна-этычнае асэнсаванне з розных пунктаў гледжання. Шматгеройны раман, у якім падзейнасць раскрываецца дзякуючы прыёмам лірычнага пісьма, іншасказальнасці і сімволікі, рэпрэзентуе філасофскую канцэпцыю аўтара. У творы адлюстравана спалучанасць мінулага, сучаснага і будучага, на ідэйна-мастацкім узроўні раскрываецца прагнастычная функцыя.

Так, і ў рамане «Пушча» Віктара Карамазава, і ў рамане «Хроніка дзетдомаўскага саду» Віктара Казько, якія тыпалагічна блізкія паводле «двухпалярнай» вобразнай структуры, вызначаюцца істотнай лірызацыяй мастацкай формы, складанымі хранатапічнымі каардынатамі, экалагічная праблематыка рэпрэзентуецца ў аксіялагічным кантэксце. Калі ў «Нерушы» Віктар Казько папракае галоўнага героя за карыслівыя адносіны да навакольнага свету, імкнецца выхаваць беражлівае чалавечае стаўленне, заяўляе гэту думку на ўзроўні маральнага імператыву, то ў вышэйназваных творах абодвы аўтары дэмакратычна камунікуюць з чытачом, імкнуцца ўключыць яго ў працэс актыўнага ўспрымання, пры гэтым пакідаюць мажлівасць самастойна рабіць ацэнкі і высновы. Віктар Карамазаў і Віктар Казько паслядоўна звязваюць здольнасць чалавека беражліва ставіцца да прыроды з духоўнай спадчынай беларусаў, выпрацоўваюць канцэпцыю нацыянальнай філасофіі, якая грунтуецца на асэнсаванні розных часоў: вопыту мінулага, праблем аўтарскай сучаснасці і прадбачання будучыні, якая нязменна хвалюе мастакоў слова.

У першай кнізе рамана «Бежанцы» (1990) Віктар Карамазаў асэнсоўвае трагічныя праявы гістарычнага лёсу беларусаў, калі бежанства становілася заканамернай, хоць і вымушанай з’явай. Дамінантна рэпрэзентаваная сацыяльная праблематыка асэнсоўваецца пісьменнікам неад’емна ад экалагічнай, што выяўляе адметнасць творчай манеры мастака слова. Як трапна звяртае ўвагу Д.І. Дудзінская, раман «Пушча» «абазначыў чатырохадзінства катэгорый – Чалавек – Прырода – Побывт – Лёс, – праз якія адбываецца разгортванне карамазаўскай мастацкай

філасофіі. Менавіта ў гэтым творы Прырода ў вобразе Пушчы паўстае яшчэ экалагічна не згвалтаваная і займае ўвесь лёс герояў рамана, таму яе ролевая функцыя адбываецца ў поўным аб'ёме. Побыт шчыльна звязаны з нерукатворным асяроддзем, ён – не гарадскі і не зрушаны вайной, бежанствам ці чарнобыльскай бядой» [8, с. 13]. У рамане «Бежанцы», як далей працягвае даследчыца, парушаецца гарманічнае чатырохадзінства, чалавечая асоба адкрываецца ў новых суадносінах у тым ліку з прыродным светам. Так, пісьменнік звяртаецца да сямейнай гісторыі, прасочвае лёсы прадстаўнікоў розных пакаленняў Падабедаў, шырока выкарыстоўвае хранікальны выклад падзей, у выніку чаго ў творы выяўлены шэраг характэрных рыс сямейнага рамана.

У цэнтры ўвагі аўтара – бежанства ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны, якое асацыятыўна супастаўляецца з аналагічнымі з'явамі, што суправаджалі многія грамадскія працэсы. Адметнасць мастацкай стратэгіі заключаецца ў звароце да дзіцячых успамінаў, якія раскрываюцца праз «Я»-апавядальную сітуацыю, асэнсэўваюцца з вышыні часу ўжо дарослым аўтарам, вобраз якога таксама заяўлены ў рамане. Дзіцячы свет, дзе ўсё ўспрымаецца непасрэдна, нават дрэннае бачыцца ў светлых фарбах, у значнай меры кантрастуе з духоўнымі перажываннямі іншага персанажа – Захара Падабеда, бацькі маленькага цікаўнага Ваські. Менавіта старэйшаму герою перададзена значная мера аўтарскага аўтарытэту, праз перыпетыі яго лёсу прасочваюцца сацыяльныя зрухі, тыповыя для многіх беларусаў таго часу.

З успамінаў ужо амаль шасцідзсяцігадовага Захара раскрываецца рэчаіснасць мінулага. Коротка ўзгадваецца жыццёвая гісторыя яго бацькі, які зведаў нямала вандроўніцтва – шукаў зямлю ў далёкай Сібіры, дзе і загінуў. Пісьменнік пазбягае непасрэднага адлюстравання падзей, аднак акцэнтуюе іх значную ролю ў жыцці герояў. Дэталёва паказваецца лёс выхадца з беднай сялянскай сям'і, якому давалося пабыць жабраком, у няпростых сацыяльных умовах хлопец прабіваў дарогу да адукацыі, набыў настаўніцкую прафесію. Яго не абмінула ліхалецце Першай сусветнай, а ўжо ў мірны час за атрыманы Георгіеўскі крыж савецкая ўлада ставіліся да Захара падазрона, хоць Падабед нямала дзеля яе працаваў, у тым ліку сутыкаўся з небяспекай – прымаў удзел у ліквідацыі бандаў. Усвядоміўшы высокую вартасць чалавечых пакут, Захар выяўляе сябе разважлівым і памяркоўным у лепшых традыцыях нацыянальнага характару беларуса.

Праз маральную ацэнку героем рэтраспектыўна падаецца грамадская атмасфера трыцятых гадоў, поўная недаверу. Так, пра гэта дакументальна сведчаць пакінутыя ў паспешлівай эвакуацыі лісты: «Колькі тут было людскога болю ці крывадушнай жорсткасці, у залежнасці ад таго, скардзіўся чалавек ці даносіў, шукаў праўды ці закапваў праўду ў яму, сеяў дабро ці зло, спадзяваўся на закон ці на беззаконне. З паперак дыхала жыццё, кожная сведчыла, як на судзе, пра час. І куды цяпер гэтыя сведчанні? На вецер? <...> Захар не кінуў паперчыны зноў у грязь, а склаў

і сунуў ва ўнутраную кішэню пінжака. Пагадзіўшыся, што вайна – суддзя і пракурор, ён не паверыў, што яна будзе за адваката. Вайна можа пакараць, але апраўдаць можа толькі чалавек» [9, с. 62].

Гэта асабліва актуальна ў пачатку вайны, калі ці не кожнаму чалавеку, у тым ліку бежанцу, які апынуўся ў надзвычайных умовах, патрабуецца тая ці іншая дапамога. Вайна ў нейкай меры выпрабоўвае людзей на згуртаванасць, выяўляе іх здольнасці дараваць былыя крыўды, ісці насустрач адно аднаму. У няпростых вандраваннях сустракаюцца Захару і пакрыўджаныя савецкай уладай, напрыклад, тыя, чых бацькоў некалі раскулачылі, мабыць, што і несправядліва. Падабед адчувае і сваю маральную адказнасць, паколькі вясковы настаўнік у тыя часы быў і артыстам, і агітатарам, і міліцыянерам, і ўпаўнаважаным па хлебе, нядоімках, а значыць, прычыняўся да лёсу тых, каго ўлада карала. Такім чынам Віктар Карамзаў асэнсоўвае бежанства не толькі як сацыяльную з’яву, але і як адметную спробу духоўных пошукаў, неабходных чалавеку не менш, чым хлеб. Так, бежанцамі паказаны не толькі мірныя жыхары, сярод якіх жанчыны і дзеці, але і вайскоўцы, якія выходзілі з акружэння і панеслі вялікія страты. У бежанстве могуць знаходзіць адно аднаго родзічы, але найчасцей трагічна распадаюцца сем’і, што і здараецца з Падабедамі, калі губляецца маленькі Васька.

Структурна твор падзелены на часткі – «круг першы» і «круг другі», пад якімі маюцца на ўвазе кругі жыцця, што не толькі ілюструе прынцып адзінства зместу і формы, але і заглыбляе філасофскі ўзровень, асацыятыўна заяўляючы ідэю блукання па пакутах. Так, бежанцы трапляюць пад бамбёжку, змагаюцца з голадам і холадам, але галоўнае выпрабаванне ў людскім натоўпе – гэта выпрабаванне на адзіноту, менавіта так можа адчуваць сябе чалавек, хоць і ўвесь час застаецца ў людскім атачэнні. Васька згубіўся не столькі з-за бамбёжкі, колькі з-за людской помстлівасці і жорсткасці, і ўсе яго не па-дзіцячы сур’ёзныя намаганні скіраваныя на тое, каб адшукаць родных, дзеля чаго ён гатовы трымаць пакуты: «Нішто не бясконцае – дарога, голад, страх. Усё перакруціцца. Гэтак тата казаў, супакойваючы маму. Як тата, і я кажу» [9, с. 220]. Маленькі вандроўнік чуйна ўспрымае спагаду, вучыцца стрымліваць слёзы і ўпарта рухацца да пастаўленай мэты. Усебакова раскрываючы такую з’яву, як дзіцячае беспрытульніцтва ў ваенны час, пісьменнік не даводзіць аповед пра падарожжа юнага героя да лагічнага завяршэння (відавочна, з-за таго, што раман застаўся незавершаным).

З вобразам хлопчыка, які рана зрабіўся вымушаным шукальнікам прытулку, кантрастуе вобраз ужо дарослага героя-апавядальніка, які падсумоўвае здабыты жыццёвы вопыт. Мастацкае асэнсаванне вандроўніка ў творы выступае глыбока сімвалічным: «Сярожа, сыноч, стаіць на той самай дарозе, што ў памяці смыліць-дыміць, лямантуе і курчыцца пад паветранымі ліхадзеямі-крыжакамі. Ubачыў сына, свой працяг, – скалануўся, нібы не я, не толькі я, тым агнём апёкся – увесь свет» [9, с. 27]. Спалучанасць часоў

перадаецца праз імпліцытнае згадванне Чарнобыльскай катастрофы, якая толькі што адбылася ў сучаснасці героя-апавядальніка і пакуль што не ўспрымаецца як вялікая бяда, ад якой трэба ратавацца ўцёкамі, гэта значыць зноў становіцца вандроўнікамі. Аўтар перадае чытачу сваё прадчуванне хуткага бежанства, што яшчэ мае адбыцца. Гэта прадказвае такое ж нечаканае, як і ў сорок першым годзе, з'яўленне ваенных, якія цяпер, відавочна, будуць ліквідатарамі аварыі. Такім чынам як сацыяльная падзея Чарнобыль асацыятыўна супастаўляецца з Вялікай Айчыннай вайною, хоць асэнсоўваецца не столькі рацыянальна, колькі ў святле пакуль што эмацыйнага ўспрымання. Самі ж героі, у тым ліку Васіль Падабед і яго сын, адпачываюць у вёсцы, на зямлі, ужо кранутай знішчальнай радыяцыяй, але трагедыя заключаецца ў тым, што яны самі не ведаюць пра гэта.

Віктар Карамзаў працягвае традыцыю беларускай лірычнай прозы, на сэнсаўтваральным узроўні выкарыстоўвае асацыятыўнае пісьмо і мастацкі псіхалагізм. Гісторыя некалькіх пакаленняў сям'і раскрывае бежанства ў розныя часы як з'яву, найперш абумоўленую складанымі сацыяльнымі працэсамі. Пры гэтым надзвычайныя абставіны спараджаюць зварот да маральна-этычных нормаў, правяраных народнай духоўнай практыкай, на падставе чаго і фарміруецца ацэнка той ці іншай асобы. У рамане «Бежанцы» «Я»-апавядальная сітуацыя скіроўвае чытача на спазнанне грамадскай атмасферы трыцятых гадоў ХХ стагоддзя. У рэчышчы суб'ектыўнага ўспрымання і суб'ектыўнай інтэрпрэтацыі трагедыяных абставін вядзецца духоўнае даследаванне часу, які супастаўляецца не толькі з папярэднім перыядам, але ў нейкай меры і з аўтарскай сучаснасцю. Пісьменнік усебакова даследуе феномен бежанства як тыповую з'яву для беларускай рэчаіснасці, імкнецца акрэсліць нацыянальную адметнасць характару беларуса-бежанца.

Увасабленне «двухпалярнай» вобразнай сістэмы прадвызначае паказ героя, выразніка аўтарскай ідэйнай канцэпцыі, які імпліцытна падтрымліваецца аўтарскай сімпатыяй, і яго апанента, паміж якімі трэба зрабіць свой выбар чытачу. На сэнсаўтваральным узроўні выкарыстоўваецца мастацкая іншасказальнасць, аўтарская міфапаэтыка і сімволіка, што абумоўлівае інтэлектуальнае прадстаўленне экалагічнай філасофіі, угрунтаванай на лепшых традыцыях культурнай спадчыны беларусаў. Асоба прадстаўляецца арганічнай часткай прыроднага асяроддзя і, адначасова, неад'емнай ад роду і сям'і, яе маральнае аблічча шмат у чым прадвызначана духоўным вопытам мінулых пакаленняў. У паказе выбраных герояў тыпізацыя падпарадкавана індывідуалізацыі, што дазваляе каларытна ўвасобіць нацыянальны характар беларуса ў яго вызначальных рысах. Асэнсаванне прыродазнаўчай тэматыкі ў аксіялагічным кантэксце дазваляе пісьменнікам не толькі раскрыць актуальныя праблемы сваёй сучаснасці, выявіць сувязі з мінулым, але і рэалізаваць якасна важную прагнастычную функцыю, у цэлым наватарскую для беларускай буйной прозы.

Адметную галерэю нацыянальных характараў увасабляе Мікола Кусянкоў у раманнай трылогіі «Явар з калінаю» (1990–1992), «Арляк і

зязюля» (1994–1996), «Хмель каля вольхі» (2002), якая названа самім аўтарам «сямейнай Гаркушавай сагай». Прадметам паглыбленай увагі заяўляецца прыватнае жыццё герояў, якое асэнсоўваецца на фоне грамадскіх працэсаў савецкага часу, ад 50-х да 90-х гадоў мінулага стагоддзя. На сэнсаўтваральным узроўні выкарыстоўваюцца прыёмы спавядальнай прозы, творы аб'ядноўвае аўтарскі мэтаскіраваны зварот да вуснага аповеду, прыватнага запісу. Разам з тым прыватна-сямейныя адносіны ўключаюцца ў шырокі агульначалавечы кантэкст.

Так, на думку пісьменніка, гісторыя Гаркушавай сям'і, якая прасочваецца на працягу некалькіх пакаленняў, і ёсць «наша цяперашняя палеская сага». Адметная суб'ектная арганізацыя ўсёй раманнай серыі: аўтар неаднаразова паведамляе, што перадае сваю ролю галоўным героям. Ва ўступе да трэцяй кнігі Мікола Кусянкоў зазначае, што «“мае” кнігі не зусім мае: як першую – “Явар з калінаю”, так і другую – “Арляк і зязюля” я не пісаў, а запісваў, а самі людзі расказваюць пра сябе шмат цікавей, чым нехта пра іх нешта нафантазіруе» [10, с. 5]. Мастак слова ненавязліва звяртае ўвагу: таго, што ведае пра сябе кожны з нас, не зможа выдумаць ніякі пісьменнік. Выбраная эстэтычная стратэгія дазваляе стварыць пераканаўчыя псіхалагічныя партрэты, зацікавіць чытача, уключыць яго ў працэс актыўнага ўспрымання. Аўтар прысутнічае як адзін з герояў, выступае сведкам некаторых сямейных падзей, ацэнку якіх дазваляе зрабіць самому чытачу.

У раманнай трылогіі прадстаўлены скразныя персанажы, галоўны з якіх ляснік Іван Гаркуша. Яго палескі каларыт выяўляецца і праз звычайныя паводзіны, у тым ліку, праз адносіны да новага чалавека. Як лаканічна зазначае аўтар, «ужо з месяц ведаў я Гаркушу, і, калі б ні стрэўся з ім у лесе, кожны раз ён пазіраў на мяне з хітрым прыжмурам. Здавалася, ён ведае пра мяне штосьці такое, з чаго яму надта ж рупіла з'едліва пакпіць» [11, с. 5]. Гаваркі паляшук распавядае «памоўкі» пра сваё жыццё, з якіх вынікаюць беражлівыя адносіны да прыроды, чулае ўспрыманне акаляючага свету, шчырае і ў многім спагаднае стаўленне да людзей. Гаркуша паказаны як носьбіт лепшых народных традыцый, у працы па ахове лесу абспіраецца найперш на багаты практычны вопыт, ставіцца з недаверам да так званых тэарэтыкаў.

Вобраз-тып палешука ўжо савецкага часу досыць падрабязна апісаны ў айчыннай літаратуры, і разам з тым Мікола Кусянкоў адкрывае новыя тэматычныя аспекты для мастацкага даследавання. Пісьменнік паспяхова выкарыстоўвае творчы здабытак Цвэйга, на якога справядліва спасылаецца як на добрага псіхолога. Так, пра самае інтымнае – каханне і сямейныя адносіны – героі могуць расказваць найперш старонняму чалавеку, які хутка назаўсёды знікне з іх жыцця і сваім з'яўленнем ніколі не нагадае пра залішнюю шчырасць. Аўтар выслухоўвае Гаркушу і яго жонку Зою Пятроўну, якую называе Цвэйгаўскай жанчынай, а таксама жывым увасабленнем сапраўднага палескага хараства. Дзве споведзі расказваюць як складаную гісторыю пачуццяў, так і чалавечых узаемаадносін, вяртаюць

чытача да асэнсавання такіх анталагічных паняццяў, як чалавечы выбар і чалавечае прызначэнне.

Раманная сітуацыя раскрывае «любоўны трохкутнік», які з цягам часу ператвараецца ў жыццёвую трагедыю, малазаўважную для недасведчанага чалавека. Аўтар, які на нейкі час становіцца сведкам побыту ў хаце Гаркушаў, падсвядома адчувае тую сямейную атмасферу, дзе, гаворачы проста, няма сваркі, але няма і вялікага шчасця. Зоя Пятроўна памятае пра сваё першае каханне – Віталіка, якога называе «сваім хлопцам», асэнсоўвае свой самы галоўны ўчынак – замужжа за тады нялюбым Іванам. Гераіня спрабуе разабрацца, наколькі гэта ўплыў яе настойлівага дзеда, які жадаў унучцы толькі добрага. Віталік, пазней ляснічы Віталь Айчанаш, прагны кар’ерыст, чыноўнік паводле занятку і ладу мыслення, чалавек, пазбаўлены духоўнай чуласці, выступае ідэйным апанентам Гаркушы.

Мікола Кусянкоў выяўляе канфлікт у кантэксце родавай пераемнасці, паказвае Івана Гаркушу, а раней дзеда Зоі Пятроўны – Мікалайку, сапраўднымі гаспадарамі на сваёй зямлі, бацьку Віталія Айчанаша і яго самога – найперш выканаўцамі загадаў савецкай сістэмы, прынцыповымі да бязлітаснасці. Так, у цяжкі пасляваенны час Хведар Айчанаш судзіць шматдзетных удоў за скрадзеную вязанку калгаснай саломы. Падсвядома адчуваючы Зоіну нязгоду, называе яе Мікалайкавым адродзем, а ці не самага руплівага ў вёсцы Мікалайку, які таемна сее проса ў лесе, вінаваціць у кулацкім настроі. Віталь называе яго «класічным міраедам», а Гаркушу, такім жа «закаранелым індывідуалістам, толькі на новым вітку спіралі» [11, с. 157].

Супрацьстаянне такіх адрозных герояў паказваецца не толькі на прыватным, асобасным узроўні, але і ў прафесійнай, грамадскай дзейнасці. Трохі дзівакавата выглядае Гаркуша, калі гаворыць Першаму сакратару ЦК: «Дзякуй Богу, што яшчэ не з усіх балот ваду паспускалі, а то дзе б вы хоць такой горкай асакі ўкасілі?» [11, с. 200]. Як далей іранічна каментуе гэты ўчынак аўтар, «сваёй нечаканай партызанскай вылазкай, прымітыўным іншадумствам Гаркуша сапсаваў Першаму касьбу, зглуміў непапраўна. І сарваў кіно: камера сама разышлася, яна і раней стракатала над вухам у Першага, але ён на гэта не зважаў, а тут раптам як цыкнуў!» [11, с. 200]. Трагедыя заключаецца ў тым, што неаб’якавы да роднай прыроды герой гаворыць праўду, пра якую ведаюць і многія іншыя, але выбіраюць зручнае і бяспечнае для кар’еры маўчанне. Гаркуша застаецца ў адзіноце, яго меркаванне і ўчынкі здольныя хіба што закрануць сумленне, а па сутнасці ўжо нічога не вырашаюць. Пісьменнік перадае атмасферу адчужанасці і аб’якавасці, у якой адданы сваёй справе, шчыры чалавек будзе выглядаць сапраўдным дзіваком, які ў лепшым выпадку выклікае ўсмешку.

Такім чынам паказваюцца згубныя для прыроды наступствы меліярацыі як вынік у тым ліку існуючага грамадска-сацыяльнага ладу. Чытач востра адчувае, што апошні шмат у чым супярэчыць народнай маральна-этычнай традыцыі, паколькі сфарміраваны найперш ідэалагічнымі патрабаваннямі. Невыпадкова менавіта ідэалагічную справу ўзначальвае духоўна чэрствы

Віталь Айчанаш, які, па яго ўласных словах, «выходзіць на арбіту». Некаторыя партыйныя функцыянеры пасля адметных Гаркушавых учынкаў называюць яго савецкім чалавекам, якога трэба перавыхоўваць, хоць галоўны герой свядома не прымае існуючай нормы паводзін.

У такіх абставінах Іван Гаркуша не здраджвае свайму юнацкаму абяцанню берагчы і ахоўваць лес, не баіцца выглядаць наўным, не знаходзіць паразумення, рызыкуе страціць працу. Так, калі пракладаюць транс'еўрапейскі нафтаправод, герой спрабуе ўратаваць шмат гектараў рэліктавай дубровы, аформіўшы дакументы такім чынам, каб будоўля «загнула калена». Выяўляе асабістую ініцыятыву, якую іншыя называюць аферай: спрабуе пераканаць будаўнікоў працаваць па яго чарцяжы. Вынік паказальна раскрываецца са слоў Віталя Айчанаша: «Вось тады і пачалося!.. Са штаба будоўлі, аднекуль з-пад Курска, ляціць па трасе верталёт, ага, во дзе ён, той лягас, што чыніць перашкоды міжнароднай будоўлі, параўналі немцы свой праект з Гаркушавым чарцяжом і за галаву схапіліся: траса і праўда выкінула “калена”!.. Адразу званкі ў Маскву, у Берлін, у Мінск – дыверсія, і няйначай палітычная, і вось ужо ўсе разам на тэлефоне – Касыгін, Вілі Штоф, наш Машэраў – скандал міжнароднага маштабу!..» [12, с. 134]. За такі ўчынак Айчанаш называе Гаркушу ненармальным, якіх не судзяць. Аўтар жа, ацэньваючы справы героя ў цэлым, імкнецца захаваць знешнюю аб'ектыўнасць, мякка папракае ў мясцовым патрыятызме, чым правакуе чытача.

Сам Гаркуша не надта высокага меркавання пра ўласныя дасягненні. Патэнцыйна таленавіты, здольны і да творчай працы, ён у хвіліну шчырасці называе сябе арляком, які не змог узляцець. З аўтарскіх назіранняў чытач даведваецца, што гэта высокая, падобная на цыбатую птушку, баравая папараць. Ёсць у яе «спрадвечнай яве штосьці няўлоўна загадкавае, магічна-прыцягальнае, легендарная кветка-папараць – гэта, хутчэй за ўсё, расцвітае адно ва ўсім вялікім лесе каліва арляку» [11, с. 186]. Узорысты арляк выступае сімвалічным увасабленнем характара роднага краю, непаўторнасці маленькага Заліп'я. Цесна знітаваны каранямі з зямлёю, ён асацыятыўна нагадвае чалавека, а менавіта галоўнага героя, які не можа жыць без лесу, хоць і шкадуе, што не змог даць Зоі Пятроўне прывабнага гарадскога жыцця.

Вобразы явара і каліны суадносяцца з галоўнымі героямі, што і заяўлена на ідэйна-мастацкім узроўні першага рамана. Іншасказальны зварот да вуснапаэтычнай народнай спадчыны сэнсава заглыбляе твор. Мікола Кусянкоў палемізуе з фальклорнай традыцыяй і падманвае першасныя чаканні чытача, які гатовы да ўспрымання шчаслівай сямейнай гісторыі. Іван і Зоя шмат гадоў разам, на момант агучвання іх споведзяў ужо выгадавалі дачку, але нечым няўлоўна нагадваюць адзінокіх явара і каліну. Героі востра адчуваюць, што ім не хапае душэўнай еднасці, і гэта перашкаджае абодвум стаць па-сапраўднаму шчаслівымі.

Мастак слова паслядоўна раскрывае «сямейную тэму» ў айчыннай прозе і творча даказвае, што шчасце чалавека залежыць і ад ўдалага лёсу яго дзяцей. У другім рамане да спавядальнага голасу бацькі далучае свой

Анастасія Іванаўна, абліччам надзвычай падобная да маці. Сучасная жанчына, гераіня рашуча заяўляе, што не мае намеру спавядацца, бо ўжо не семдзясят першы, а дзевяноста чацвёрты год, і патрабуе маральнага суда найперш над аўтарам, які напісаў кнігу пра яе бацькоў. У выніку ранейшая гісторыя не толькі ўдакладняецца, але і атрымлівае свой працяг, шмат у чым складаны для адназначнай ацэнкі. Пісьменнік асэнсоўвае сямейна-бытавыя адносіны ў грамадскай атмасферы таго часу.

Анастасія Іванаўна распавядае пра каханне да таленавітага мастака – Уладзіміра Мохарава, які быў, на жаль, не пазбаўлены такой сацыяльнай заганы, як п’янства. Яшчэ не скончыўшы школу, яна нарадзіла дзіця. Глыбокае пачуццё перажывае выпрабаванне вясковай пагардай, побытавымі нястачамі, паколькі прыходзіцца жыць у бацькоў і чакаць прыезду мужа з горада. Творчасць мастака шмат у чым наватарская, востра крытыкуецца і афіцыйна не прымаецца, у выніку няма магчымасці нармальна працаваць. Уладзімір спрабуе прадаць сваё палатно за мяжу – і трапляе ў поле зроку дзяржбязспекі. Разуваючы, што гэта не скончыцца нічым добрым, ён робіць усё, каб адштурхнуць ад сябе жонку. Глыбока пакрыўджаная, з незалежным характарам, гераіня сыходзіць ад Мохарава, пра што пазней вельмі шкадуе, усведамляе, што ўчыніла здраду. Нягледзячы на ўсе свае недахопы, Мохараў таленавіты і па-свойму высакародны, тады як другім абраннікам Анастасіі Іванаўны становіцца ніхто іншы, як Віталь Айчанаш.

Для самой гераіні – гэта няпросты, але ўсё ж дапушчальны шлях вырашэння жыллёвай і матэрыяльнай праблемы, а для яе бацькоў гэта вялікая маральная трагедыя. Невыпадкова маці, даведаўшыся пра такую навіну, гаворыць у адчаю: «Хавай вярхоўкі. Вернецца з лесу бацька – павесіцца» [12, с. 229]. Такім чынам аўтар імпліцытна перадае страты і пакуты Івана Гаркушы: дачка – ягоны гонар, спадкаемніца прыгажосці сваёй маці, застаецца з тым, каго ён рашуча не прымае. Неаб’якавы да грамадскіх праблем, ён не можа паўплываць на іх вырашэнне, і з гэтым можна было б у нейкай меры змірыцца, калі б Айчанаш не ўвайшоў у яго сям’ю. Гаркуша самому сабе задае рытарычнае пытанне, на якое шукае адказ разам з чытачом: «Куды ад іх схаваліся, куды ўцячы ад гэтых ліхіх Айчанашаў?» [12, с. 170]. Галоўны герой мае на ўвазе найперш бацьку і сына, але на ўзроўні мастацкага абагульнення раскрываецца тып чалавека, які рвецца да ўсё большай улады. Яму ўласцівыя такія рысы, як прагавітасць і пажаднасць, у чым не сумняваецца маці Насці, Зоя Пятроўна, якая і праз шмат гадоў адпрэчвае Віталю, гаворачы, што ён не кахаў яе, а толькі жадаў. Сама Насця, пазней набываючы вышэйшую філалагічную адукацыю, усведамляе інтэлектуальную абмежаванасць Айчанаша, але ўжо не мае жадання што-небудзь змяніць.

Гаркуша бачыць уладу такіх Айчанашаў на сваёй зямлі і амаль па-прароцку прадказвае, што «ўсё ідзе на пагібель». Відаць, галоўны герой прадчуваў Чарнобыльскую катастрофу, якая, калі асэнсоўваць у чалавечых адносінах, стала вынікам грамадскай чэрствасці і аб’якавасці. Пісьменнік раскрывае гэта здарэнне найперш у сямейных каардынатах, паказвае

паводзіны Віталія Фёдаравіча, сакратара па ідэалогіі, які раней за іншых даведваецца пра небяспеку для здароўя. Калі робяць інтэнсіўныя замеры радзьяці, становішча хоць і сур’ёзнае, але няпэўнае, Віталь і Анастасія ноччу, таёмна, забіраюць сваю дачку з Заліп’я, якое апынулася ў небяспечнай зоне. Айчанаш не забірае ні цесця з цешчай, ні сына сваёй жонкі ад першага шлюбу – Валіка, патрабуе, каб пра іх прыезд нікому не казалі, раіць прымаць ёд з малаком, але і гэта дзяржаўная таямніца. Пазней становіцца вядома, што Іван Гаркуша знаходзіць мажлівасць папярэдзіць аднавяскоўцаў пра неабходнасць ёдавай прафілактыкі. Як шчыра прызнаецца Анастасія Іванаўна, пад час паездкі на душы было так прыкра, так непамысна, што не хацелася жыць: «Як быццам мы наведалі іх у лепразорыі і цяпер стараемся ўберагчыся ад іхняй праказы» [10, с. 24]. У выніку чытач задаецца заканамерным пытаннем: калі Айчанаш так ставіцца да сваякоў, наколькі ён можа цаніць жыццё і здароўе іншых людзей?

У заключным рамане трылогіі істотна змяняецца эстэтычны вектар: актуалізуюцца грамадскія праблемы, якія шмат у чым уплываюць на сямейна-побытавыя адносіны. У цэнтры мастацкай увагі ўнук Івана Валянцін, якога гадалі дзядуля з бабуляй і які выступае сапраўдным спадкаемцам роду. Гаркуша, які не пускае зяця на парог, катэгарычна супраць таго, каб той усынавіў унука. Хлопец праяўляе бацькаў характар, у прыватнасці, схільнасць да безразважнай бравяды. Урэшце Айчанаш гаворыць Анастасіі Іванаўне, што яе сын – гэта яе праблема. Геранія не можа дараваць сабе, што аддалілася ад сына, не стала яму родным чалавекам. Яе споведзь у трэцяй кнізе тым больш трагічная, што ўжо нельга нічога паправіць: Валік не вяртаецца з Афганістана. На жаль, яго прозвішча няма ў капліцы – помніку ўсім забітым «афганцам», разведчык, ён гіне пры нявысветленых абставінах. Болей, чым маці, пра хлопца расказвае каханая дзяўчына Клара: перадае аўтару сшыткі, дзе апісваецца гісторыя пачуццяў і кароткіх узаемаадносін. Аўтарскі намёк на занадта рана страчанае жыццё, няздзейсненае сямейнае шчасце прачытваецца ў назве рамана.

Як распачна кажа Анастасія Іванаўна, калі б Валік насіў прозвішча Айчанаш, то не загінуў бы ў Афганістане – туды сыноў партыйных работнікаў не пасылалі. Гранічна шчыра Мікола Кусянкоў паказвае, як дзед і маці спрабуюць уратаваць хлопца ад службы ў войску ў такі небяспечны час, аднак без удзелу Айчанаша з гэтага нічога не атрымліваецца. Тады, як многім бацькам ужо прывозяць цынкавыя труны, у Гаркушы выпявае рашучы пратэст: ён гатовы на ўсё, абы не аддаваць унука, які павінен жыць на сваёй зямлі, а не загінуць на чужыне. Настрой галоўнага героя адцяняецца і аўтарскім папрокам грамадству, у прыватнасці, Афганістан называецца ўсеагульным болем, які многія стараюцца не заўважаць.

Мастак слова вядзе творчае даследаванне духоўнай прыроды чалавека і прыходзіць да высновы, што існуе такая з’ява, як «гаркушызм». Можна сказаць, што гэта адметная светапоглядная філасофія, у якой надзвычай шмат паслядоўных апанентаў: шчыры служка дзяржбяспекі Чубок, пазбаўлены

ўсяго чалавечага ліхвяр і зэк Лёшка Гамон. Так, Чубок, які паспяхова зрабіў кар’еру ад лейтэнанта да генерала, пазіцыянуе сябе як спрыяльнік Гаркушы, на працягу трылогіі Мікола Кусянкоў дае мажлівасць выказацца і гэтаму герою. Напрыклад, «у твая сталінскія часы я ратаваў вам жыццё. Канечне, гэта не вельмі прыемна, калі нехта цэліць паўз тваё вуха з пісталета Макарава, але ж пасля гэтага заракліся вы пісаць шкодныя вершы! Вось і захавалі сабе жыццё – хіба не так?» [10, с. 147]. Вядзецца рахунак і так званым антыдзяржаўным акцыям, арганізатарам якіх стаў ніхто іншы, а Іван Адамавіч Гаркуша. Яго вінавацяць у панікёрстве, што прыроўніваецца да дэзерцірства і перашкаджае перамагчы і ў Чарнобылі, і ў Афганістане. Калі Чубок размаўляе непасрэдна з аўтарам, то імкнецца пераканаць, што самая моцная небяспека заключаецца не ў слабай духам творчай інтэлігенцыі, а ў такіх Гаркушах.

Скразны для раманнай серыі вобраз Лёшкі Гамона – гэта выдатны прыклад раскрыцця індывідуальнага характару, які вырастае да ўзроўню сімвалічнага ўвасаблення ўсяго злачыннага. Калі напачатку трылогіі гэта звычайны крымінальнік, ахвочы да багатага і лёгкага жыцця, то па меры развіцця мастацкага дзеяння паслядоўна прасочваецца яго прафесійны рост. Лёшка выдатна прыстасоўваецца, вучыцца дасягаць мэты ў межах закону, з лёгкасцю уваходзіць у давер да сваіх ахвяр, гатовы нажывацца на людской бядзе. Поўны антаганіст галоўнага героя, гэты персанаж правакуе сур’ёзнае пытанне: чаму заўсёды няпроста жыць Гаркушу, тады як для Лёшкі Гамона ствараюцца ўсё больш спрыяльныя ўмовы? Іван справядліва называе апошняга жулікам, прайдзісветам, д’яблам у чалавечым абліччы, а Лёшка адно здэкліва смяецца і па-свойму трапна заўважае, што пасля ўсіх сваіх спраў ён можа мець роўна тое ж, што і Гаркуша.

Галоўны герой паказваецца ў апазіцыі да шэрагу антыгерояў, аўтар у значнай меры перадае сваю ролю персанажам, функцыю ацэнкі – чытачу. У рэчышчы мастацкай традыцыі Мікола Кусянкоў увасабляе індывідуальныя характары, якія мажліва разглядаць і на ўзроўні вобразаў-сімвалаў, што ўвасабляюць паказальныя чалавечыя ўзоры свайго часу. Спавядальны прынцып выступае асноўным на працягу ўсёй раманнай серыі, стварае мастацкі эфект «шматгалосся», які дазваляе ахапіць шырокую экалагічную і палітычную праблематыку. Галоўным эстэтычным наватарствам бачыцца сінтэз прыватна-сямейнага і грамадскага, у выніку чаго «сямейная сага» Гаркушаў можа быць названа «палескай сагай», сагай жыцця беларусаў у савецкі час. Раманная трылогія вызначаецца біяграфізмам і псіхалагізмам, значнай мастацкай цэласнасцю, прыкметна вылучаюцца, прыцягваюць устойлівую чытацкую ўвагу скразныя вобразы.

Такім чынам, у рамане Віктара Карамазава і Віктара Казько паслядоўна раскрываецца вобразная сістэма, дзе заяўлены героі са спалучэннем станоўчых і адмоўных якасцяў, ацэнку іх учынкаў трэба самастойна сфарміраваць чытачу. Пры паказе шырокага грамадска-сацыяльнага кантэксту акцэнт робіцца на маральна-этычным змесце, значная ўвага надаецца духоўнаму свету чалавека. У сістэме персанажаў павышаецца ідэйна-мастацкая значнасць

раскрыцця індывідуальнага характару, у тым ліку партрэта беларуса ў вызначальных рысах нацыянальнага менталітэту. У раманнай трылогіі Мікола Кусянкова ўвасабленне індывідуальнага характару, героя-сімвала прадвызначаецца маральна-этычнай, філасофскай персаніфікацыяй асобы аўтара. Яго духоўны вопыт, важкі не толькі ў пазітыўных, але і негатыўных праявах паводле традыцыйнай сістэмы каштоўнасцяў, выступае прадметам шматбаковага асэнсавання. Назапашваецца мастацкая практыка паказу нацыянальна адметнага антыгероя.

ЛІТАРАТУРА

1. Яскевіч, А.С. Віктар Карамазаў / А.С. Яскевіч // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. У.В. Гніламёдаў, С.С. Лаўшук. – Мінск, 2002. – Т. 4, кн. 1. 1966–1985. – С. 571–593.
2. Карамазаў, В. Дзяльба кабанчыка: выбранае / В. Карамазаў; прад. М. Стральцова. – Мінск: Маст. літ., 1988. – 560 с.
3. Васючэнка, П.В. Віктар Казько / П.В. Васючэнка // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, Аддз-не гуманітар. навук і мастацтваў, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. У.В. Гніламёдаў, С.С. Лаўшук. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – Т. 4, кн. 1. 1966–1985. – С. 729–749.
4. Казько, В. Выбраныя творы: у 2 т. / В. Казько. – Мінск: Маст. літ., 1990. – Т. 1. Неруш: раман, апавяданні. – 479 с.
5. Бугаёв, Д. Связи внешние и глубинные / Д. Бугаёв // Нёман. – 1988. – № 4. – С. 155–157.
6. Друк, Г.М. Фальклорна-міфалагічныя матывы ў творчасці Віктара Казько: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01 / Г.М. Друк; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск, 2003. – 20 с.
7. Казько, В. Выбраныя творы: у 2 т. / В. Казько. – Мінск: Маст. літ., 1990. – Т. 2. Хроніка дзетдомаўскага саду: раман. Цвіце на Палессі груша: аповесць. – 480 с.
8. Дудзінская, Дз. І. Філасофія народнага побыту і прыроды ў творчасці В. Карамазава: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук: 10.01.01 / Дз.І. Дудзінская; Ін-т літ. імя Янкі Купалы НАН Беларусі. – Мінск, 2000. – 19 с.
9. Карамазаў, В. Бежанцы: раман / В. Карамазаў. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 287 с.
10. Кусянкоў, М. Хмель каля вольхі: раман / М. Кусянкоў. – Мінск: Маст. літ., 2010. – 240 с.
11. Кусянкоў, М. Явар з калінаю: раман, апавяданні / М. Кусянкоў. – Мінск: Маст. літ., 1994. – 303 с.
12. Кусянкоў, М. Арляк і зязюля: раман / М. Кусянкоў. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 238 с.

ГЛАВА VI

ГОСУДАРСТВО И МОЛОДЕЖЬ: ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Участие молодежи в политической деятельности – один из актуальных вопросов современности. Не только в России, но и в странах ближнего зарубежья, политологи и общественные деятели, социологи и экономисты призывают более внимательно относиться к проблемам и заботам молодых граждан, так как сегодня это наиболее динамичная часть социума.

Несколько лет назад статистические исследования свидетельствовали о том, что в вопросах, связанных с жизнью общества и государства, молодежь проявляет меньшую активность, чем старшее поколение. В процессе проведения многих выборных кампаний было замечено, что молодые люди не проявляли особого интереса к избирательному процессу. Причины могут быть различными. Возможно, некоторые представители молодежи считают процедуру выборов формальной, а результат – заранее предпрешенным, кому-то просто сложно сделать выбор среди многочисленных кандидатов и политических партий с их программами и обещаниями, кто-то вообще не знает, где и когда можно проголосовать, а другие прислушиваются к мнению друзей, которые сами не голосуют и другим не советуют. Подобных причин можно привести множество.

Однако подобная ситуация, связанная с аполитичностью подрастающего поколения, само собой может нести опасность для государства и общества по многим причинам.

Политически инфантильный молодежный электорат легко становится объектом манипулирования. Нечистоплотные политики прямо заинтересованы в том, чтобы упрощенное мнение (мышление), примитивизация мировоззрения и жизненных установок стали нормой системного порядка.

Осознает ли себя молодежь, составляющая значительную часть социума, частью этого организма? Видит ли свою роль в развитии страны? Воспринимает ли нормы и традиции как свои или отторгает их? Достаточно ли у молодого поколения возможностей развить себя в позитивной, социально ориентированной деятельности, которая формирует гражданина, гражданскую позицию?

Гражданская инертность вовсе не безвредна, она культивирует политическую безответственность. Предоставленная самой себе молодежь может легко уйти в область несистемного действия, как это происходит в настоящее время, и обществу придется приложить значительные усилия, чтобы вернуть в мирное русло подрастающее поколение.

Государство обеспокоено низкой политической активностью и нежеланием населения принимать участие в политических процессах. Для государства важно, чтобы молодежь входила во взрослую жизнь подготовленной к тому, чтобы сделать выбор и выразить свою гражданскую позицию. Обществу нельзя просто ждать, пока молодые люди сами приобретут политический опыт, и ничего не предпринимать.

При этом острота, масштабность и значимость вышеуказанных проблем все более возрастают. Неслучайно в настоящее время власти уделяют этой ситуации первостепенное внимание исходя из того, что реализация основных направлений работы с подрастающим поколением должна способствовать воспитанию граждан правового демократического государства, уважающих права и свободы личности, а также формированию у молодежи демократических ценностей, чувства социальной ответственности.

Для этого необходимо помогать молодому поколению формировать гражданскую позицию и, что самое главное, необходимо сформировать желание молодежи участвовать в политической жизни страны. Однако реализация указанных положений без постоянной работы с подрастающим поколением невозможна.

В этой связи нормативное правовое обеспечение государственной молодежной политики играет определяющую роль в осуществлении работы с молодежью и создании условий для реализации прав молодежи и возможностей для ее развития.

Так, например, основополагающим нормативным правовым актом в Российской Федерации, закрепляющим особенности регулирования правового статуса молодежи, правовые основы разработки и реализации государственной молодежной политики в России является Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» [1], подписанный 30 декабря 2020 года Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным. Данный закон регулирует основные направления и формы реализации молодежной политики, закрепляет ключевые понятия, формы и принципы участия молодежи в указанной деятельности.

В частности, в закон введены такие понятия, как «молодежь», «молодая семья», «молодые специалисты». Также он расширяет цели и основные направления молодежной политики за счет включения духовно-нравственного и гражданско-патриотического воспитания, волонтерства, развития института наставничества, популяризации здорового образа жизни среди подрастающего поколения.

Кроме того, на пять лет увеличены возрастные рамки «молодых» граждан. Теперь к молодежи относятся россияне в возрасте от 14 до 35 лет включительно. Это позволило не только увеличить численность молодых россиян, но и существенно расширить количество получателей мер государственной поддержки.

Важно подчеркнуть, что отныне государство концентрирует свое внимание на создании условий для самореализации молодежи, а именно – дает возможность применения молодыми людьми имеющихся у них способностей и приобретенных ими знаний, умений, навыков, компетенций и опыта в целях удовлетворения их потребностей в профессиональном, социальном и личном развитии.

Что важно, согласно пункту 3 статьи 4 Федерального закона в нашей стране для молодежи гарантированно создаются условия для участия в политической, социально-экономической, спортивной и культурной жизни общества, а также проводится работа по выявлению, сопровождению и поддержке одаренной молодежи [1].

Особое внимание стоит уделить формам участия молодежи в реализации молодежной политики. Статьей 7 Федерального закона законодатели предусмотрели следующие формы участия подрастающего поколения в реализации молодежной политики, в том числе с использованием цифровых технологий:

1) участие в деятельности консультативных, совещательных и иных органов, созданных при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации, органах местного самоуправления, а также при международных организациях;

2) организация, проведение и участие во всероссийских и международных молодежных форумах, форумах молодежи субъектов Российской Федерации, иных форумах, а также других мероприятиях в области молодежной политики;

3) проведение научно-аналитических исследований по вопросам молодежной политики;

4) подготовка и реализация молодежных инициатив, создание молодежных общественных объединений, формирование органов молодежного самоуправления при органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации и их учредительными документами [1].

Под формами реализации молодежной политики законодатель понимает участие молодежи в работе совещательных органов, например, молодежных парламентов, молодежных форумов и площадок, в создании молодежных общественных объединений и, что важно, в предоставлении возможности в реализации предложений инициативной молодежи. Иными словами, с помощью перечисленных выше инструментов на территории Российской Федерации предполагается активизация деятельности молодежи в целях достижения конкурентоспособности и устойчивого развития нашего государства.

В течение нескольких лет в научных работах ряда исследователей, в том числе А.Н. Замарехиной, А.П. Мироненко, А.Н. Тальцевой, И.С. Алексашиной [2], В.В. Лаптева, Г.В. Морозовой, Г.Д. Мюллера [3] и др.

культивировался тезис о том, что молодежь аполитична, интерес носит ситуационный характер и связан только с достаточно крупными общественно-политическими событиями, происходящими в стране и мире. Но протестные события января 2021 года заставляют нас переосмыслить и поставить под сомнение состоятельность тезиса о том, что молодые люди не интересуются политикой, либо не имеют на этот счет определенного мнения.

Эпицентрами протестной активности в январе 2021 года стали города-миллионники. Наибольшее число участников протестных акций собралось в Москве и Санкт-Петербурге.

В день проведения протестных акций сотрудниками телеграм-канала «(Не)занимательная антропология» был проведен социологический опрос жителей Москвы и Санкт-Петербурга, принимавших участие в протестах. Так, в Москве было опрошено 350 участников, из них несовершеннолетних – 1,7% (рисунок 1). Основные участники – 42% – молодежь в возрасте 25–34 лет, 24% участников – молодежь в возрасте 18–24 лет, в возрасте 35–46 лет – 13% участников, 11% участников составили граждане в возрасте 47–57. Только 6% – граждане старше 58 лет. Таким образом, медианный возраст участников составил 29 лет. При этом 38,6% опрошенных участников в Москве заявили о том, что вышли на подобные акции впервые.

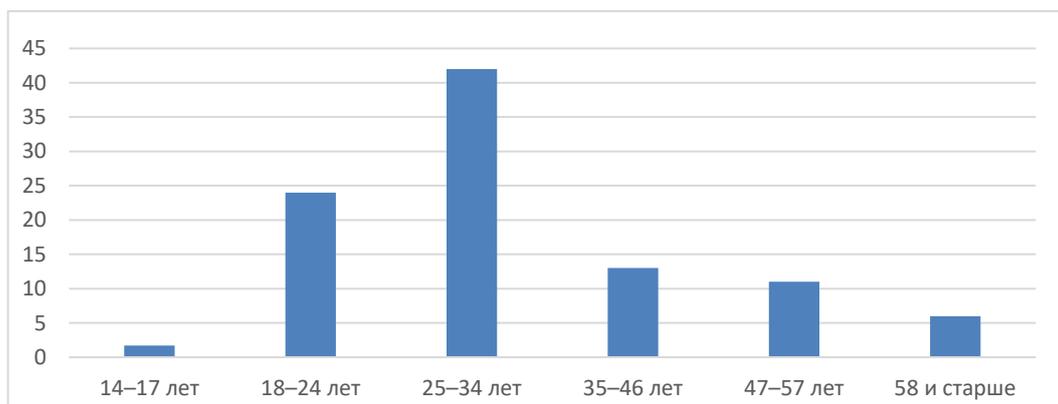

Рисунок 1 – Возрастной состав участников протестных акций в Москве 23 января 2021 года

В Санкт-Петербурге исследователями было опрошено около 500 человек, из которых несовершеннолетних – порядка 1,5% (рисунок 2). Основная часть участников – 42,5% – молодежь в возрасте 25–34 лет, 33% участников – молодежь в возрасте 18–24 лет, 12% – в возрасте 35–46 лет, 7% участников составили граждане в возрасте 47–57 лет. К возрастной категории «старше 58 лет» себя причисли только 5,5% участников. Медианный возраст участников составил 28 лет. Отдельно стоит выделить, что количество впервые участвующих в указанном мероприятии людей составило порядка 47%.

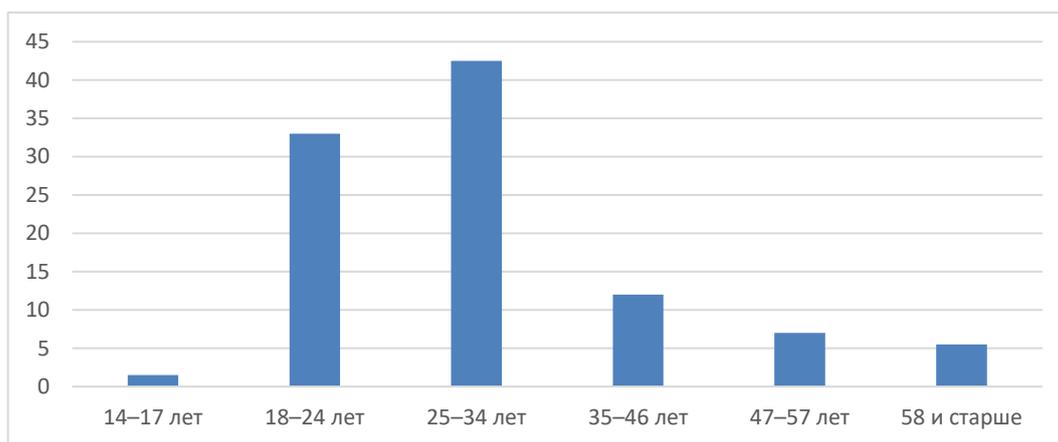

Рисунок 2 – Возрастной состав участников протестных акций в Санкт-Петербурге 23 января 2021 года

Важно отметить, что значительная часть опрошенных участников составила молодежь разных поколений: поколения Y (миллениалы, родившиеся во второй половине 80-х годов) и поколения Z (зумеры – молодежь, появившаяся на свет в начале 2000-х). При этом возрастной состав участников акции в Санкт-Петербурге был моложе, чем в столице, а доля несовершеннолетних была в пределах погрешности. Фактически выход представителей молодого поколения на улицы весной 2021 года – это последствия выбранной ранее стратегии не замечать инициативы и требования молодежи.

По словам директора исследовательского центра «Особое мнение» Екатерины Курбангалеевой, основной причиной, по которой отмечается такая дифференциация численности представителей поколения Y и Z (перекос в пользу поколения Y) заключается в том, что «у молодежи и студенчества еще все впереди <...> а те, кто в этот раз вышел на улицу, как правило, уже имеют подросших детей и жизненный опыт, но уже избавились от сиюминутных хлопот и вошли в стадию такого полустратегического планирования дальнейшей жизни. Если ранее на улицы вышел юношеский максимализм, то сейчас это глухое, рокочущее раздражение, которое на самом деле даже более тревожно» [4].

Одним из катализаторов протестных акций послужили усталость от ограничительных мер противодействия коронавирусной инфекции COVID-19 и общего ухудшения экономического положения населения.

Вместе с тем эти факторы не являлись основными, а, подчеркнем, послужили катализатором протестной активности. По нашему мнению, основополагающая причина выхода молодежи на протестные акции 23 января – сомнения в реализации тезиса «Быть услышанными», отсутствие реальных действенных инструментов самореализации, а также отчуждение молодежи от принятия решений.

В этой связи стоит задать вопрос: почему при наличии таких инструментов, как различного рода стратегии, государственные программы

и необходимое финансирование, проводимая молодежная политика в Российской Федерации находится на прежнем уровне, а не концентрирует свое внимание на новых формах политического поведения молодежи?

Может сложиться впечатление, что «государство не занимается подрастающим поколением, не дает ей интересных вызовов, не использует современные способы диалога. Это способствует росту влияния антигосударственной либеральной повестки среди молодежи» [5]. Об этом заявляет сама молодежь, аргументируя приверженность оппозиционным взглядам.

Корреспонденты издания The Insider пообщались с представителями оппозиционно настроенной молодежи из разных уголков России и выяснили причины, как и зачем они пришли в политику и почему придерживаются оппозиционных взглядов [6].

К примеру, К. был молодым ученым, проводил областные форумы молодых инженеров Зауралья и занимался изучением возобновляемых источников энергии. По его мнению, исследования в области термоэлектричества помогли бы снять Россию с нефтяной иглы. Однако его научная деятельность не получила никакой поддержки, хотя вузовские и областные гранты предполагали наличие финансирования. Острее всего несправедливость он ощутил на одном из региональных конкурсов: его проект не вошел в список финалистов, а третье место заняла технология распределения навоза. Это подтолкнуло его к обращению к оппозиционной повестке [6].

Сейчас, возглавляя штаб оппозиционного движения в Кургане, юноша выступает против добычи урана в Курганской области, способ которой, по его словам, приводит к увеличению заболеваемости онкологией среди населения.

Еще один пример – жительница Тамбовской области С. Архитектор по образованию, она участвовала во всероссийских конкурсах по реновации тамбовской городской среды, работала в муниципальной организации ландшафтным архитектором. Там она столкнулась с некорректным, по ее мнению, подходом к дизайн-проектам, который не позволял реализовать потенциал города и сделать городскую среду более благоприятной и комфортной. Из-за интереса к оппозиционным движениям руководство попросило С. покинуть занимаемую должность [6].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в нынешних условиях «истории» молодых людей лишний раз подтверждают тезис о том, насколько важно налаживать каналы взаимодействия и сотрудничества государства и подрастающего поколения. Важно, чтобы молодежь чувствовала не только свою сопричастность при решении насущных проблем, но и понимала, что государство прислушивается и осуществляет конструктивную обратную связь с ней по актуальным общественным и политическим проблемам.

Другой вопрос: почему в то время, пока одни делали доклады про политическую пассивность молодежи и акцентировали внимание на разработке новых форм по ее вовлечению в политическую активность, другие,

используя цифровые технологии и социальные сети, выстраивали горизонтальные устойчивые связи с различными молодежными группами и сообществами, работали над формированием мировоззренческой картины мира молодых людей, используя поколенческие ценности молодежи для реализации масштабных мобилизационных сценариев в ее среде?

Социальные сети уже давно превратились из пространства для развлечений и способа скоротать время в средство формирования политической и общественной активности молодого поколения. То есть, они стали уникальной площадкой, которая позволяет транслировать контент для максимально широкой аудитории.

Но, самое главное, социальные сети сломали традиционный для устоявшейся системы работы с молодежью формат вертикальной директивной коммуникации, а именно добровольно-обязательного участия во всех мероприятиях без понятного ответа на вопрос «Зачем?».

Особая роль в подготовке к акциям 23 января сыграла социальная сеть Tik-Tok. Отличительная черта этой сети – короткие вирусные ролики с высоким охватом аудитории. Таким образом, она выступила в роли мобилизационной платформы, т.к. благодаря широкому охвату и высокой скорости распространения контента мобилизационный эффект был достигнут в короткие сроки. А самое главное – это сетевой характер мобилизации, при котором не требуется лидеров и организации.

Можно с уверенностью сказать, что благодаря социальным сетям оппозиционный контент распространяется практически мгновенно и за короткий промежуток времени набирает огромное количество просмотров.

Да, количество молодежи на протестных акциях выросло, но этот рост не является взрывным. Почему? Ответ на этот вопрос кроется в политической культуре зумеров, вступающих во взрослую активную жизнь, но проявивших себя пока что только в Интернете. Они живут в цифровой среде, им нравится быть бунтарями в глазах своих друзей и знакомых, но не более того. Они привыкли получать информацию об окружающем мире из Интернета и социальных сетей и, как следствие, восприимчивы к оппозиционному контенту, как и ко всей информации, которая может принести им «хайп».

Однако реагируют они на него тоже в онлайн формате, т.к. естественнее и безопаснее записать ролик в поддержку какого-то человека или выразить гражданскую позицию онлайн, чем выйти на площадь с риском быть привлеченным к административной или даже уголовной ответственности. Кроме того, размещенные в Интернете посты и ролики набирают десятки миллионов просмотров, но не порождают ничего, кроме сотен тысяч «лайков».

Безусловно, есть исключения, но они только подтверждают правило, описанное выше, и их хватает для того, чтобы поддерживать количество людей, готовых выйти на митинг, относительно стабильным.

Протестные акции января 2021 года продемонстрировали необходимость признания факта смещения фокуса на более реальную экспертную позицию о том, что мнение об аполитичности подрастающего поколения постепенно утрачивает свою актуальность, а научному сообществу, аналитикам, социологам и, что особенно важно, специалистам, работающим с молодежью, стоит сделать акцент на совершенствовании подходов в молодежной политике, внедрении новых форм организации социальных процессов и коммуникации в молодежной среде.

Молодежь, готовая к активным действиям, должна почувствовать, что государство предоставляет возможность изменять окружающее пространство к лучшему, снабжает их действенными инструментами влияния и самореализации. У подрастающего поколения должно быть реальное право участия в общественно-политической жизни нашей страны, т.е. молодежь может свободно выразить свою точку зрения, быть услышанной и может влиять на результаты в решении вопросов, затрагивающих ее интересы.

На фоне достаточно низкого доверия молодежи к государственным институтам, ухудшения социально-экономической ситуации в стране отсутствие четкого понимания у молодежи о приемлемых способах противодействия этой ситуации приводит к тому, что общественные инициативы сводятся исключительно к протестным действиям, которые неизбежно связаны с высокими рисками для личной и профессиональной жизни любого человека. Именно поэтому политическая активность молодежи переходит в онлайн-формат, преимущественно в социальные сети и видеохостинги.

Развитие новых каналов коммуникации вносит существенное влияние на реализацию государственной молодежной политики. Теперь у молодых людей есть возможность беспрепятственно объединяться в социальных сетях против любой директивной инициативы сверху и реализовывать масштабные мобилизационные сценарии в молодежной среде. И, самое главное, при любом исходе протестного движения молодежь прямо на наших глазах получает дополнительный навык самоорганизации. А это значит, что и государство должно перехватить эту инициативу и перенести данный прием в мирное русло, направив энергию подрастающего поколения на созидательные цели.

Одним из инструментов реализации указанной инициативы могут стать целенаправленные образовательные программы, основной задачей которых определяется поиск «новых подходов к личностной ориентации воспитания детей, разработка воспитательных систем, в основе которых будет лежать идея признания человека высшей ценностью и обеспечения каждого возможностью реализации его потенциала» [7].

Ярким примером организации работы с подрастающим поколением являются профильные смены педагогического отряда «Крылатый» в рамках Смоленских областных сборов творческой молодежи «Сокол», проводимых с 1989 года. Как подчеркивают организаторы Сборов, «ключевой

целью педагогического отряда при организации и проведении данных смен является создание площадки для обмена опытом работы детских и молодежных общественных организаций и объединений в Смоленской области, органов школьного самоуправления для дальнейшего совершенствования их работы в гражданско-патриотической, творческой и общественной областях» [7].

Исходя из данной цели перед комиссарами педагогического отряда «Крылатый» поставлено несколько задач в рамках личностно ориентированного воспитания учащейся молодежи (старшеклассников, студентов СПО и вузов) – участников профильной смены, а именно:

- организация гражданско-патриотического воспитания в рамках «жизнедеятельности» детской республики;

- предоставление через систему творческих мастерских и школу «Лидер» каждому участнику программы возможностей обучения и воспитания в наиболее значимых и близких ему по духу сферах деятельности, где максимально раскрываются индивидуальные качества и способности, а также содействие всестороннему развитию личности молодого человека через включение его в разнообразные виды общественной деятельности;

- создание условий для удовлетворения формирующейся творческой личности в активной деятельности, нахождения путей, способов и средств максимально полного раскрытия участника профильной смены через проявление и развитие его индивидуальности средствами игры и общения;

- создание в профильном лагере социально значимого эмоционально-нравственного пространства, стиля взаимоотношений всех субъектов образовательного процесса с дальнейшим перенесением его в образовательные учреждения, детские (молодежные) организации, клубы и центры;

- формирование активной жизненной позиции и усиление социальной активности молодежи через обучение организации и проведению общественных мероприятий социальной, культурной, гражданско-патриотической, спортивной и гуманитарной направленности [7].

Педагогическим отрядом была разработана собственная программа формирования и развития творческих способностей старшеклассников и молодежи, воспитания бережного отношения к историческому и культурному наследию российского народа и народов мира. Кроме того, эта программа направлена на решение проблем гражданско-патриотического воспитания в условиях школы, детского, молодежного общественного объединения, клуба по месту жительства и загородного лагеря.

Разрабатывая программу, педагогический отряд «Крылатый» исходил из того, что ее положения не должны носить декларативный характер, в них должна быть заложена активно действующая база, имеющая гуманистический характер и заключающаяся в решительном повороте к личности молодого человека, его запросам, интересам, развитию индивидуальных способностей и дарований.

Важным этапом при решении гражданско-патриотического воспитания в условиях сборов творческой молодежи является участие в сюжетно-ролевой игре «Мы выбираем, нас выбирают», а ее задача – формирование избирательной культуры как неотъемлемой части гражданского общества.

Приехав в профильный лагерь, участники смены через игровую программу «Мы выбираем, нас выбирают» с первых минут «окунаются» в атмосферу необычайного творчества, наполненного легендарным содержанием. «Ребятам рассказывают историю об удивительной стране Атлантиде, в которой жили самые добрые, красивые, творческие люди, о гибели ее в результате страшного природного катаклизма. Они узнают также о чуде спасшихся жителей, которые “основали” новое государство – детскую республику Новая Атлантида. С этого рассказа и начинается сюжетно-ролевая игра в лагере, которая помогает участникам увидеть внутренние механизмы работы государства, понять его законы, определить свое место в укреплении его основ. Это, безусловно, помогает нам растить достойного гражданина России» [8, с. 90]. То есть, «знакомясь с законодательством детской республики, участники профильных смен проникаются уважением к окружающим – своим сверстникам и комиссарам – членам педагогического отряда “Крылатый”. Они осознают себя неотъемлемой частью этой “удивительной страны детства”, ее народа, который в свое время провозгласил, что “человек, его права и свободы являются высшей ценностью... Каждый гражданин обладает на территории государства всеми правами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Верховным законом”» [8, с. 90].

Знакомство ребят с Новой Атлантидой начинается с Верховного Закона (общественного договора), Закона о выборах Верховного Архонта – высшего должностного лица детской республики и уставных документов «политических» партий Новой Атлантиды. Данные документы получает каждый участник сборов вместе с рабочей программой педагогического отряда в первые часы профильной смены.

Уже в первых строках преамбулы основного закона детской страны заложен глубокий гражданский смысл: «Мы, свободные граждане Новой Атлантиды, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, согласие и мир, исходя из равноправия и самоопределения граждан, чтя память тех, кто передал нам любовь и уважение к древним традициям, веря в добро и справедливость, стремясь обеспечить благополучие и процветание нашего государства, принимаем данный Верховный Закон».

Верховный Закон состоит из преамбулы и 11 глав, включающих 65 статей. В этом документе соблюден главный принцип демократического государства – разделение властей. Законодательную власть (глава 5) представляет Экклесия (народное собрание). Она состоит из всех граждан и собирается для решения важнейших вопросов жизни Новой Атлантиды

(утверждение избранных и назначенных должностных лиц, внесение поправок в Верховный Закон).

Для разработки и принятия законов нашего государства формируется Палата представителей по принципу два депутата от филы, включая двух представителей Ареопага (педагогического отряда). Важно то, что право законодательной инициативы принадлежит всем гражданам, общественным объединениям, филам, Ареопагу (статья 27).

Исполнительную власть в Новой Атлантиде осуществляет Совет архонтов (глава 6). Он по традиции формируется по итогам выборов Верховного Архонта (статья 47).

Еще в 1996 году на сборах был разработан и принят закон о выборах, играющий важную роль в общественно-политической жизни новоатлантов. В этом законе подчеркнута огромное значение политических партий в жизни нашего детского государства, заключающееся в том, что ребята учатся слушать и слышать друг друга, учатся грамотно вести дискуссию, не бояться публичных выступлений.

Высшим контрольно-судебным органом является Ареопаг (глава 7). Он состоит из всех членов педагогического отряда, работающих на данных лагерных сборах. Члены Ареопага в силу своей подготовленности являются хранителями древних традиций и обычаев Новой Атлантиды, воспитателями и наставниками жителей фил [8, с. 91].

Все это является немаловажной частью государственной структуры Новой Атлантиды. Но вся работа высших государственных органов, организаторов сборов направлена на развитие основы детской республики – ее граждан, права и свободы которых являются нашей высшей ценностью. Во время игры, в течение работы сборов, мы добиваемся от каждого участника не только понимания своих прав, но и выполнения обязанностей, что ведет к формированию гражданина, а в целом гражданского общества: сначала на небольшой территории сборов творческой молодежи, а в дальнейшем – к формированию органов самоуправления учащихся в школах, детских клубах, при создании актива учащейся молодежи в городе или районе.

Знакомясь с жизнью Новой Атлантиды, участник сборов проникается уважением к окружающим – своим сверстникам и комиссарам-членам педагогического отряда «Крылатый». Он осознает себя неотъемлемой частью детской республики, ее народа, который провозглашает, что «каждый гражданин обладает на территории государства всеми нравами и свободами и несет равные обязанности, предусмотренные Верховным Законом», «каждому гражданину гарантируется право голоса, свобода слова, мысли, вероисповедания», «все граждане имеют право на личную свободу и неприкосновенность» [8, с. 94].

В ходе работы сборов участники понимают, что данные положения носят не декларативный характер, а являются основой всей их жизни, начиная от деятельности дежурного стратега (командира отряда) и отрядных

советов («вечерних огоньков») и заканчивая Советом архонтов, возглавляемым Верховным Архонтом (высшим должностным лицом Новой Атлантиды, избираемым на основе прямого, тайного и равного голосования).

В самую сюжетно-ролевую игру организаторами заложен глубокий морально-нравственный и патриотический смысл, заключающийся в уважении к государству, его истории и традициям, в значимости каждого гражданина как части данной страны.

Разрабатывая игру и внедряя ее в практику лагеря старшеклассников, авторы преследовали несколько целей:

- познакомить ребят со сложившимися в мировой практике формами правления, отметить их отличительные особенности, представить органы власти Новой Атлантиды;

- способствовать формированию у участников лагерных сборов политической культуры, гражданской зрелости, развитию творческого самостоятельного мышления, осмыслению политических ценностей, осознанию эффективного влияния масс на политическую жизнь страны;

- формировать у ребят умение определять свое место в решении актуальных социально-политических задач, стоящих перед обществом, воспитывать у них моральную и правовую ответственность за происходящее;

- формировать их личное отношение к рассматриваемым проблемам;

- выявлять, какие знания, практические умения нужны ребятам для полноценного участия в демократическом процессе;

- сформировать у участников сборов навыки участия в избирательном процессе и научить правилам ведения дискуссии [8].

Эту игру участники сборов воспринимают очень серьезно. В течение первых двух дней они определяются по «политическим» интересам, с большой активностью участвуют в предвыборной борьбе, которая кардинально отличается от борьбы, происходящей на современной политической сцене. Тем самым организаторы игры демонстрируют участникам сборов честность и открытость, что им очень импонирует.

Итогом игры являются непосредственно сами выборы и церемония инаугурации Верховного Архонта. Показательно участие ребят в процедуре голосования – более 97%, при этом бюллетень исключает процедуру вычеркивания «неподходящего» кандидата. Выборщикам необходимо напротив фамилии кандидата поставить определенную рейтинговую оценку. В этой игре нет проигравших, нет «грязной» закулисной борьбы, а есть желание выбрать такого кандидата, который бы соответствовал идеалу современного молодого человека.

Кульминацией игры становится клятва, которую произносит избранный Верховный Архонт перед всеми участниками областных сборов: «Клянусь при осуществлении полномочий Верховного Архонта уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Верховный Закон, верно служить народу Новой Атлантиды» [8, с. 95].

Данная игра несет двойную нагрузку. С одной стороны, она знакомит ребят с устройством Новой Атлантиды, а с другой – готовит старшеклассников к взрослой жизни, к тому, что им предстоит делать, когда каждому из них исполнится 18 лет. При этом подчеркивается, что от их гражданской позиции, от их политической активности и патриотизма зависит будущее России, ее процветание и самобытность.

Стоит отметить, что перед заездом в лагерь комиссары педагогического отряда разрабатывают программы мастерских, которые будут работать на данной смене. На выбор предлагаются несколько направлений, традиционно это музыкально-хореографическое, театрально-КВНовское, пресс-центр, государственное строительство, программа «Лидер». В контексте гражданско-патриотического воспитания особый интерес представляют мастерские «Государственное строительство», а также программа «Лидер» [8, с. 96].

Программа мастерской «Государственное строительство» предусматривает проведение мероприятий образовательного, информационного, организационного характера, направленных на создание разнообразных форм правового просвещения и обучения будущих участников избирательного процесса в Российской Федерации.

Программа может быть использована при формировании органов самоуправления в школах, детских клубах по интересам, при создании актива молодежи в городе, районе, области.

Главной целью данной программы является создание системы качественного правового просвещения и образования, основанной на индивидуальном подходе, учитывающей интересы подрастающего поколения, позволяющей преодолеть сложившуюся в последние годы политическую апатию избирателей и повысить их гражданскую ответственность, организовать подготовку лиц, обеспечивающих проведение выборов и референдумов, а также содействующих этой работе, ознакомить с современными технологиями планирования и проведения избирательных кампаний, дать представление о состоянии и перспективах развития действующего избирательного законодательства, познакомить ребят со сложившимися в мировой практике формами правления, отметить их отличительные особенности, познакомиться с избирательными технологиями, представить структуру и органы государственной власти Новой Атлантиды.

Достижению этих целей служит решение следующих задач:

1) воспитание у участников сборов политической культуры, гражданской зрелости, творческого мышления; способствование осмыслению политических ценностей, осознанию эффективности влияния масс на политическую жизнь страны, повышению активности будущих избирателей в избирательном процессе, их заинтересованность в результатах выборов;

2) развитие умений и навыков у ребят, ориентация в жизненных ситуациях при решении актуальных социально-политических задач, стоящих перед обществом;

3) формирование их личного отношения к рассматриваемым проблемам;

4) выявление необходимых знаний, практических навыков для полноценного участия в демократическом процессе, помощь в осмыслении практического применения действующих избирательных законов;

5) выработка у участников сборов навыков участия в избирательном процессе и научение правилам ведения дискуссии; повышение компетентностного уровня организаторов избирательной кампании и подготовка специалистов по технологиям избирательного процесса [8, с. 98].

Программа рассчитана на студентов и учащихся средних и высших учебных заведений, но может быть также интересна и организаторам избирательных кампаний, представителям политических партий и общественных объединений, политическим консультантам и кандидатам, баллотирующимся в различные органы представительной и законодательной власти.

Программа содержит следующие направления:

1. Организация работы молодежной юридической консультации информационно-аналитического центра по созданию политического имиджа.

2. Проведение (при непосредственном участии специалистов избирательной комиссии Смоленской области) семинаров, направленных на: 1) формирование интереса ребят к политико-правовой сфере жизни общества; 2) получение знаний в области избирательного процесса и избирательных технологий; 3) повышение активности в период организации, подготовки и проведения выборов и референдумов.

3. Участие в мероприятиях по организации жизни в демократическом государстве Новая Атлантида:

– игра «Мы выбираем, нас выбирают» (выборы Верховного архонта);

– игра «День дублера».

Основными темами программы являются:

1. Введение в избирательное право и избирательный процесс Российской Федерации:

– современные избирательные системы. Организация избирательных систем в России. Основные понятия;

– процедуры голосования, используемые на выборах;

– порядок назначения выборов;

– обеспечение участия в выборах. Порядок выдвижения кандидатов и особенности их регистрации;

– правовой статус кандидата;

– юридические основы избирательных кампаний;

– предвыборная агитация: понятие, виды, формы, сроки, правовое регулирование;

– законы о выборах РФ. Тенденции и перспективы развития избирательного законодательства.

2. Организация проведения избирательных кампаний:

- основные модели и технологии избирательных кампаний. Зарубежный опыт и российская практика;
- организация выдвижения кандидата и его регистрация, процедура сбора подписей;
- формирование избирательного штаба: структура, функции и ответственность;
- основы техники проведения массовых опросов. Как использовать результаты исследования общественного мнения;
- разработка концепции, стратегии и тактики избирательной кампании;
- как сделать предвыборную программу привлекательной. Этапы разработки предвыборной программы. Предвыборная платформа;
- разработка стратегии и плана рекламной кампании. Политическая реклама. Анализ эффективности PR-деятельности. Организация взаимодействия со СМИ;
- организация эффективного информационного обеспечения избирательной кампании;
- примеры различных способов манипуляции и фальсификации при организации и проведении выборов и подсчете итогов голосования и противодействие им.

3. Современные технологии в области имиджевых кампаний:

- проблема имиджа политического лидера: неиспользованные возможности и резервы влияния на электоральное поведение;
- анализ имиджа ведущих политических лидеров, партий и движений на современном этапе;
- культура и искусство речи. Политическая риторика: наука, практика, обучение;
- основы психологии. Психология личности и психология масс;
- секреты личного обаяния. Имиджелогия;
- язык одежды и телодвижений;
- конфликты и переговоры. Политический конфликт в период избирательной кампании;
- психологические рекомендации по информационному сопровождению избирательной кампании [8].

Для реализации программы «Государственное строительство» привлекаются студенты и преподаватели ведущих высших учебных заведений, специалисты Департамента Смоленской области по образованию и науке, избирательной комиссии Смоленской области, лидеры политических партий и общественных объединений, которые организуют работу юридических мастерских, лабораторий и семинаров. Также задействованы специально подготовленные члены педагогического отряда «Крылатый» для обеспечения педагогической части программы [8, с. 100].

Педагогический отряд «Крылатый» осуществляет свою деятельность 32 года. За это время в сборах приняли участие и познакомились с программой несколько тысяч человек – организаторов внеклассной работы, подростков, лидеров молодежных общественных объединений. Многие старшеклассники, пройдя через школу молодого избирателя, пошли по нашим стопам: они создали у себя в школах школьные республики, детские государства, где отрабатывают на практике технику избирательного процесса.

Комиссарами педагогического отряда «Крылатый» разработана и апробирована методика игры «Выборы Верховного архонта», соответствующие к ней документы и нормативные акты: создано несколько «политических партий»; отработан механизм голосования.

Дальнейшее совершенствование, материальное обеспечение и заинтересованность государственных структур и общественных объединений позволит познакомить с правовой культурой и основами законодательства Российской Федерации большое количество школьников, что в настоящее время очень актуально, окажет содействие в реализации программы в школах Смоленщины, что в будущем значительно повысит уровень активности молодых избирателей в избирательном процессе, заинтересованность ребят в результатах выборов поможет формировать их личное отношение к социально-политическим проблемам в обществе [9].

Участники программы смогут свободно ориентироваться на рынке информационных и избирательных технологий, выбирать методы и исполнителей для проведения избирательных кампаний и решения управленческих задач; успешно работать в составе избирательных комиссий; использовать разнородные информационные ресурсы и выбирать оптимальные способы их представления, позволяющие легко анализировать большие объемы данных средств массовой информации.

Программа мастерской «Лидер» ставит своей целью оказать влияние на формирование характеров, мировоззрения, самостоятельности молодых людей. Участие в программе способствует развитию личности, формированию навыков цивилизованного общения, лидерства и партнерства, а также активного и ответственного подхода к жизни.

В программе «Лидер» принимают участие и активно работают ребята от 14 лет и старше. Этот период подросткового и юношеского возраста является наиболее сложным, критическим, но в то же время и наиболее интересным в процессе становления и развития личности. Именно в это время молодой человек входит в противоречивую, часто трудно понимаемую жизнь взрослых, он как бы стоит на ее пороге, и именно от того, какие на данном этапе он приобретет знания и навыки, какими будут его социальные знания, зависят его дальнейшие шаги.

Ведущей деятельностью в данном подростковом возрасте является общение. Общение – достаточно трудный процесс, достижение взаимопонимания между людьми – это большое искусство, которое на высоком,

цивилизованном уровне, как правило, требует приложения значительных сил. Молодой человек очень часто испытывает недостаток в навыках, необходимых для делового и личного общения. Именно в этом возрасте возникают проблемы взаимопонимания с родителями, учителями, сверстниками и, следовательно, личные проблемы, такие как одиночество, неуверенность в себе, низкая самооценка, мешающая активной и нормальной жизни. Желание, необходимость, но неумение утвердиться в молодежной среде толкают многих подростков к преступной деятельности, где они находят применение своих сил и возможность самоутверждения, повышения своего статуса в своих глазах и глазах сверстников. На этом возрастном этапе очень важно, где молодой человек найдет себе применение, где сможет реализовать свои желания и интересы [8, с. 106].

Основные цели программы:

- оказание помощи в становлении и развитии лидеров и актива детских и молодежных организаций;
- координация организационной и функциональной деятельности организаций учащейся молодежи.

Задачи программы:

- поиск, обработка и анализ психолого-педагогических условий, методов, видов деятельности, форм работы, способствующих социальному, интеллектуальному и духовному развитию молодежи в условиях общественных объединений;
- активизация созидательной и развивающей деятельности лидеров детских, молодежных организаций, развитие их лидерских качеств, умений и навыков, раскрытие интеллектуальных способностей;
- формирование высокого уровня гражданственности, ответственности, правовой культуры, ориентированной на законопослушание и уважение к правам и свободам человека.

Объектами программы являются:

- актив и лидеры молодежных организаций;
- сами молодежные организации;
- организаторы и руководители общественных объединений.

Основные блоки программы:

1. Организационный блок:

- оказание практической помощи в создании и развитии молодежных организаций;
- создание информационного, методического банка данных по формам и методам работы со старшеклассниками.

2. Образовательный блок:

- проведение семинаров, курсов по темам:
- создание общественной организации и управление ею;
- техника сбора средств;
- развитие общественных связей;

- привлечение людей к работе в общественной организации;
- технологии разрешения конфликтов;
- проведение фестиваля с целью обобщения опыта работы со старшеклассниками;
- проведение специализированных профильных смен [8, с. 107].

В результате проводимой уже более 30 лет образовательной программы во взрослую жизнь переходит большое количество политически активных и патриотически настроенных молодых людей, которые могут и готовы менять окружающую действительность к лучшему. «Предложенная в условиях детской республики интерактивная воспитательно-развивающая программа способствует нравственному росту современного молодого человека, что является залогом для укрепления и процветания нашей страны на многие десятилетия вперед» [9].

Стоит также отметить, что реакция государства на проходящие в молодежной среде события также не заставила себя долго ждать. Внутриполитический блок Администрации Президента Российской Федерации начал работу по изменению системы работы с молодежью. Отныне молодежная политика, по задумке чиновников, становится частью процесса воспитания, которое будет включать и просветительскую деятельность. Заниматься реализацией этого положения поручено Федеральному агентству по делам молодежи, Российскому движению школьников и новым советникам директоров школ по воспитательной работе (сотрудники администрации образовательных учреждений, которые должны появиться в школах после событий в г. Казани в мае 2021 года). Но координация процесса останется за Администрацией Президента, где в ближайшее время может появиться новое структурное подразделение. Таким образом, внутриполитический блок Администрации Президента пытается выстроить единую систему воспитания молодежи, которое по замыслам разработчиков должно начинаться в школе и не ограничиваться возрастными рамками, установленными в России для молодежи.

С новым трендом связаны и недавние кадровые решения. 17 мая 2021 года новым руководителем Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь) была назначена Ксения Разуваева. По ее словам, «стоит акцентировать внимание на воспитании в молодежной политике. Я бы понимала под воспитанием непрерывную коммуникацию с нашей аудиторией и, безусловно, совместную созидательную работу. Иными словами, нам важно максимизировать число касаний, чтобы оказать полный комплекс поддержки в становлении молодого человека» [10].

Кроме того, глава Агентства подчеркнула, что в своей работе намерена «масштабировать» все текущие проекты и создавать новые, чтобы охватить ту часть аудитории, которая по тем или иным причинам раньше находилась «за контуром», при этом проводить эту линию планируется «не назидательно», а путем диалога и ответа на формирующийся запрос молодежи.

Термин «воспитание» появился в законе об образовании в середине 2020 года с подачи Президента Российской Федерации Владимира Путина. В предложенных им поправках воспитание определено как «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения» [10].

Внедрить новые воспитательные процессы в свои программы должны все образовательные учреждения к 1 сентября 2021 года: «Одним из основных принципов, на которых должна основываться программа воспитания, является формирование ценностных ориентиров, таких как мир, Отечество, семья, природа, культура, труд, знания, здоровье, человек» [10].

По мнению первого заместителя Администрации Президента Сергея Кириенко, «слово *воспитание* правильное и от него напрасно отказывались какое-то время. Я уверен, что задача школ не должна сводиться к банальной передаче некой суммы знаний. Забота о подрастающем поколении входит в российский культурный код, а педагог должен передавать молодежи определенное отношение к жизни: пояснять, как устроен мир, что такое хорошо и что такое плохо» [10].

Также государство, по его словам, должно вернуться к тому, чтобы у образовательных учреждений была ответственность за воспитание, передачу традиций, культурных кодов и ценностей, которые свойственны нашей стране и каждому региону: «Это наша общая задача – государства, школы и семьи» [10].

Стоит также отметить, что еще одним шагом в реализации описанной концепции должно стать появление в российских школах новой структурной единицы – советников директоров по воспитательной работе. Этот проект курирует исполнительный директор Российского движения школьников совместно с Администрацией Президента.

По словам директора Российского движения школьников Ирины Плещевой, «главная задача “навигаторов детства” – помогать ребятам получать определенный опыт и поддерживать, если он оказывается негативным. Однако важно быть проводником не с позиции “сейчас мы научим вас, как Родину любить, а вы слушайте”, а через умение вести диалог, слышать детей и лишь потом помогать. Воспитатель должен быть готов отвечать на неудобные вопросы, но речь ни в коем случае не идет о том, чтобы запрещать ребенку самостоятельно рассуждать. Нужно предложить ему серьезнее изучить ту или иную тему, прежде чем делать какие-либо выводы и принимать решения» [10]. Опорой в таких диалогах, по ее мнению, должны быть искренность и доверие между учеником и наставником, а также его моральный авторитет.

Очевидно, что тема воспитания так или иначе связана с политикой, с симпатиями молодых к оппозиции и с участием в несанкционированных акциях. Именно поэтому ответом государства на стремительный переход молодежи в оппозицию должно стать вовлечение молодых людей

в позитивную повестку, а также избегать в разговорах с подрастающим поколением вопросов, связанных с бюджетом и расследованиями, проводимыми оппозиционерами.

Своими впечатлениями о подготовке кандидатов в советники по воспитательной работе поделились несколько человек в интервью издательству «Коммерсантъ». Так, «собеседница из Вологодской области рассказывает, что пока у них нет должностных инструкций и обязанностей, но по итогам учебы она сделала вывод, что воспитатель должен быть кем-то вроде пионервожатого. Юлия Мамцева из Ставропольского края говорит, что их учили “не закармливать” детей патриотизмом и поддерживать инициативы снизу. Другой представитель Ставрополя Даниил Савенко уверяет, что перед ними не ставили политических задач, но у него есть свое представление об этом: “В плане воспитательного процесса это само собой разумеющееся: есть запрещенные законом митинги, поэтому надо объяснять ребятам, что для них это ничем хорошим не кончится. Если завоевать их авторитет, то своим примером можно показать, что правильно, а что нет. Помогать им формировать мировоззрение”» [10].

Как отмечает ректор Московского городского педагогического университета Игорь Реморенко, «в советское время организаторы воспитательной работы курировались комитетами комсомола, а те подчинялись парткомам, что создавало единый идеологический стержень. Сейчас это невозможно из-за закрепленного в Конституции разнообразия идеологий. Было движение “Наши”, потом “Молодая гвардия”, потом Российское движение школьников, где-то еще влиятельны пионеры и скауты – постоянно фокус плывет из-за того, что различные силы влияния по-разному смотрят на воспитание. При разнообразии идеологий единый стержень правильных ответов на все вопросы не выстраивается. Именно поэтому в школах воспитание будет реализовано очень по-разному: где-то будут очень прямолинейные люди, тщательно выполняющие инструкции, а где-то – сомневающиеся и стремящиеся выработать совместные решения» [10].

Подводя итог, подчеркнем: анализ сложившейся ситуации в молодежной среде на примере протестных акций января 2021 года должен стимулировать государство дать содержательный ответ на причины и следствия протестных событий, а также запустить системную перестройку молодежной политики и корректировку действующего законодательства в сфере молодежной политики, опираясь на лучшие образовательные практики в этой области учреждений образования, детских и молодежных организаций и объединений, профильных лагерей, в том числе опыт педагогического отряда «Крылатый» (Смоленская область), которым сделана успешная попытка решения задачи гражданско-патриотического воспитания – формирования в условиях лагеря политической культуры молодежи и повышения ее нравственно-правового уровня, заинтересованности в участии в избирательном процессе, в решении социально-политических проблем в обществе.

Безусловно, в условиях складывающейся в обществе ситуации мы видим, что государство сфокусировало свое внимание на том, что действующая система по работе с подрастающим поколением не приводит к достижению декларируемых целей и задач осуществляемой молодежной политики, решило не откладывать вопрос корректировки молодежной политики и всерьез взялось за изменение системы работы с молодежью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/. – Дата доступа: 08.02.2021.
2. Замарехин, А.Н. Аполитичность современной молодежи [Электронный ресурс] / А.Н. Замарехин [и др.] // Молодой ученый. – 2016. – № 13 (117). – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/117/32294/>. – Дата доступа: 08.02.2021.
3. Лаптев, В.В. Отношение молодежи к политике, выборам и источникам политической информации (по итогам социологического исследования) [Электронный ресурс] / В.В. Лаптев, Г.В. Морозова, Д.Г. Мюллер // Вестн. экономики, права и социологии: политологические науки. – 2018. – № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-molodezhi-k-politike-vyboram-i-istochnikam-politicheskoy-informatsii-po-itogam-sotsiologicheskogo-issledovaniya>. – Дата доступа: 08.02.2021.
4. Рожкова, Е.Н. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян [Электронный ресурс] / Е.Н. Рожкова // Газета «Коммерсантъ». 30.01.2021. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663>. – Дата доступа: 08.02.2021.
5. Кокко, Д.П. Государство не занимается молодежью, не дает ей интересных вызовов, не использует современные способы диалога. О том, насколько важна молодежная политика в России [Электронный ресурс] / Д.П. Кокко // Общественно-политическое интернет-издание «Свободная пресса». 10.11.2020 – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/281184>. – Дата доступа: 08.02.2021.
6. Адамова, С.И. Поколение Н. Почему талантливая молодежь идет в региональные штабы ФБК и с чем она сталкивается [Электронный ресурс] / С.И. Адамова // Интернет-издание «TheInsider». 15.11.2019. – Режим доступа: <https://theins.ru/confession/187324>. – Дата доступа: 08.02.2021.
7. Сенченков, Н.П. Личностно ориентированное воспитание старшеклассников в условиях профильного лагеря [Электронный ресурс] / Н.П. Сенченков // Проблемы современного образования. – 2018. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostno-orientirovannoe-vospitanie-starsheklassnikov-v-usloviyah-profilnogo-lagerya>. – Дата доступа: 08.02.2021.
8. Птушкина, Е.С. Формирование ценностных ориентаций старшеклассников в условиях профильного лагеря: монография / Е.С. Птушкина, Н.П. Сенченков; Смол. гос. ун-т. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. – 184 с.
9. Учебно-методическое пособие для организаторов и участников игры «Мы выбираем, нас выбирают» / под ред. Н.П. Сенченкова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2008. – 128 с.
10. Винокуров, А.Е. Режим усиленного воспитания. Администрация президента формирует единую систему работы с молодежью [Электронный ресурс] / А.Е. Винокуров, А.Г. Васильева // Газета «Коммерсантъ» № 86/П – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4825916>. – Дата доступа: 26.05.2021.

ГЛАВА VII

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО КАК УСЛОВИЕ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ¹

Детская преступность является одной из острых социальных проблем общества в настоящее время. Согласно статистике Министерства внутренних дел РФ, несовершеннолетними в 2020 году было совершено 37 771 правонарушение, в том числе 9 797 случаев тяжких или особо тяжких преступлений. Несмотря на то, что общее число детских преступлений уменьшилось на 9,1% по сравнению с 2019 годом, статистика все же свидетельствует об актуальности данной проблемы в стране [1].

На рисунке 1 представлены регионы России, где в 2020 году зафиксирован самый высокий процент правонарушений, совершенных несовершеннолетними [1].

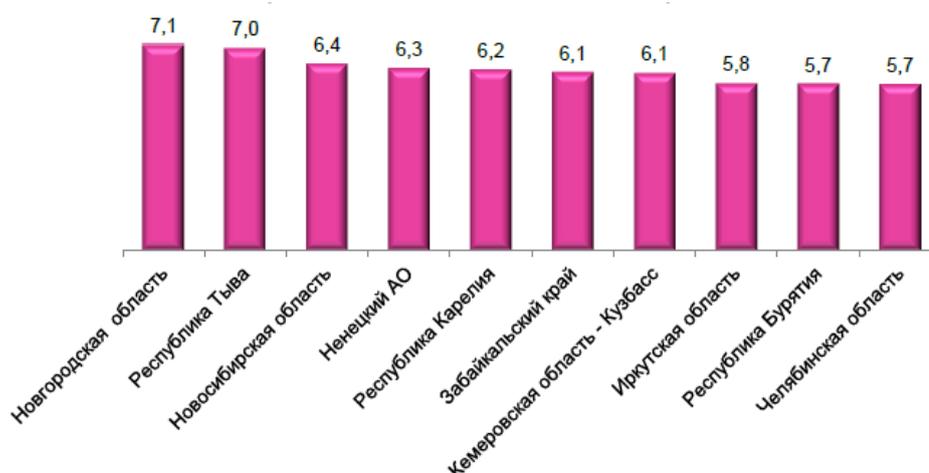

Рисунок 1 – Показатели правонарушений, совершенных несовершеннолетними, в регионах Российской Федерации, имеющих самый высокий процент правонарушений

Исследователь Е.В. Мишина утверждает, что в России в настоящее время правонарушения, совершаемые детьми, являются одними из самых распространенных видов нарушения закона, поэтому притягивают особое внимание со стороны общества и государства [2].

Стоит отметить, что для нашей страны проблема детской преступности не является новой. В Российской империи конца XIX – начала XX века также наблюдался рост правонарушений, совершаемых несовершеннолетними.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-313-90023
Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-313-90023.

Это было связано с тем, что «предреволюционная Россия находилась в глубоком системном кризисе, ее социально-экономическая и политическая структура была безнадежно устарелой и нереформируемой, старая власть – недееспособной. Огромное общественное неравенство усугубляло проблему бедности, народные массы нищали» [3, с. 14]. Кроме того, на фоне разрушения культурно-нравственной социальной среды криминогенная обстановка в стране накалялась. Поэтому к концу XIX века детская преступность стала одной из острых проблем российского общества. В 1896 году было осуждено 1 670 несовершеннолетних. Причем большинство из них были младше 17 лет [4]. Как отмечает П.И. Люблинский, «в России за период в 12 лет (1884–1895) число несовершеннолетних, осужденных как общими, так и мировыми судами увеличилось на 15%... В то время как преступность взрослого населения за это десятилетие возросла всего на 35%, преступность несовершеннолетних – на 111%» [5, с. 18–19].

Юрист С.В. Познышев, анализируя данное социальное противоречие, отмечал, что «если преступность взрослых можно считать патологическим явлением общественной жизни, то с еще большим правом можно сказать то же о преступности несовершеннолетних. Развитие этой преступности всегда служит зловещим симптомом, указывающим, что где-то там, в глубине общества протекает и часто обостряется какой-то болезненный процесс» [6, с. 93].

По мнению исследователя С.А. Ермолаевой, в конце XIX века в научной и общественной мысли страны возникло осознание того, что при осуществлении правосудия нельзя ставить знак равенства между несовершеннолетними правонарушителями и взрослыми преступниками [7].

Поэтому общество и государство поставили задачу – исправление малолетних в специальных воспитательно-исправительных учреждениях, где последние могли получить то, чего им не хватало в самостоятельной жизни – воспитание [8]. Оно включало то, что «формирует характер и хорошие, добрые привычки человека, что дисциплинирует его волю и образует его ум, что дает ему в будущем возможность честного заработка» [9, с. 3].

По проблеме правонарушений, совершенных детьми в Российской империи в конце XIX – начале XX века, существует большой массив научных исследований. Среди современных российских ученых можно отметить исследования А.Э. Дубоносовой, рассматривавших особенности становления и развития педагогической профилактики детских преступлений в дореволюционной России [10]; Н.М. Гомозова, раскрывшего специфику государственно-правовых мер борьбы с преступностью несовершеннолетних в обозначенный период, а также описавшего причины данной общественной проблемы [11]; А.С. Думова, рассматривающего аспекты преодоления отклоняющегося поведения несовершеннолетних в педагогике дореволюционной России [12]; С.А. Ермолаевой, изучающей процесс становления и развития методологических подходов к исследованию проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в России прошлого и в настоящее время [13].

Кроме того, существуют исследования зарубежных ученых, посвященные проблеме детских правонарушений. Автором Michael R. Gottfredson проанализирован большой массив международных данных, которые раскрывают проблему детской преступности. Им подчеркнута важность среды, напрямую влияющей на ребенка, а также делается акцент на значимости профилактических мероприятий. Данный автор является представителем криминологического подхода, рассматривающего проблему детских правонарушений [14]. Исследователь Murlí Desai Ph. D. изучил профилактический подход к психосоциальному благополучию в детстве; показал, какие используются меры по защите прав несовершеннолетних; выявил важность усыновления и помещения детей в приемные семьи как способа профилактики [15]. Автором Albin Dearing поднимается вопрос об уголовном правосудии, основанном на уважении человеческого достоинства. Им высказано предположение, что достичь этого можно через смену парадигмы от уголовного права, защищающего общественные интересы, к праву, защищающему права отдельных лиц. Также автор утверждает, что необходимо сместить акцент уголовного правосудия, обеспечивающего соблюдение прав государства, на правосудие, дающее правонарушителям вторичные права [16]. Mary E. Dillon представила новые результаты исследований относительно влияния ювенальной юстиции на развитие и жизненный путь подростков. Автором описано, как возраст влияет на возникновение девиаций несовершеннолетних; какие меры необходимо предпринять, чтобы снизить риски совершения преступлений [17]. Исследователь Frieder Dünkel показал, какие нормативно-правовые акты регулируют сферу ювенальной юстиции, и каким образом они защищают ребенка. Он подчеркивает, что движение за права детей чаще приводит к полной интеграции правовых гарантий в процесс правосудия в отношении несовершеннолетних, позволяет избежать неблагоприятных последствий для данной категории лиц [18]. Автором Geeta Chopra представлены факторы, приводящие детей к конфликту с законом. Описаны концепция и принципы, на которых основывается ювенальная юстиция. Показана разница между восстановительным и карающим правосудием. Описана специфика приютов, детских домов и домов наблюдений для детей, нарушивших нормы права, а также детей, нуждающихся в уходе и защите. Изложены варианты неинституционального ухода за детьми (усыновление, приемная семья) [19]. Исследователь Nancy E. Marion является приверженцем того, что работа с несовершеннолетними, совершившими серьезные преступления, является государственной задачей. Это одна из сфер, где правительства стран последовательно принимают законы, направленные на решение данной проблемы [20].

Исследование основано на концепции о влиянии на личность несовершеннолетнего правонарушителя социума (С.В. Познышев, А.И. Зак, Е.Н. Тарновский) [21; 4; 22]; концепции о роли воспитания ребенка (К.Д. Ушинский, П.Г. Редкин) [23; 24]. Методами исследования выступили: общетеоретические, позволившие проанализировать, синтезировать, актуализировать и системати-

зирать научные материалы; историко-педагогический, на основании которого нами выявлены особенности организации воспитательного процесса в детских колониях-приютах Российской империи в конце XIX – начале XX века.

Осознав необходимость гуманистического воспитания несовершеннолетних правонарушителей, соответствующие государственные институты России со второй половины XIX века стали вносить коррективы в законодательную систему, регулировавшую область наказания детей-преступников. Отчасти, это объяснялось тем, что «жизнь... беспощадна и к юному возрасту, сплошь и рядом она вплетает в этот возраст и пороки, и преступления. Но если тягостно то зрелище, которое представляет нам жизнь в указанном направлении по отношению к подрастающему поколению, то еще более тягостным представляется нам нахождение и пребывание в тюрьмах несовершеннолетних преступников... таких несовершеннолетних в русских тюрьмах имеется большинство из числа тех, не достигших совершеннолетнего возраста, которые впали в преступление. Вывести их из тюрьмы могут только воспитательно-исправительные заведения, обеспечивающие целесообразное перевоспитание» [25, с. 3].

Впервые данное положение было отражено в пояснительной записке Собственной Его императорского величества канцелярии к проекту Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В ней говорилось: «Тюремное заключение, – в тех условиях, в каких оно исполняется над взрослыми, в отношении к ребенку, едва вступившему на путь порока, очевидно, имело бы последствием окончательную его порчу и гибель... и что в отношении к детям закон должен иметь в виду менее цель карательную, чем исправительную в тесном смысле этого слова, и что по сему наказание для них должно быть не столько возмездием за содеянное, за прошедшее, сколько залогом лучшего будущего, следовательно, иметь преимущественно характер воспитания, быть средством искоренения дурных зачатков и развития добрых качеств» [26, с. 79].

Большим шагом в новое, ориентированное на ребенка перевоспитание стало принятие 5 декабря 1866 года «Положения о наказаниях уголовных и исправительных» [27]. Данный закон призвал открывать специальные воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних, преступивших нормы права. Большой отклик на эту проблему последовал от частных благотворителей, которые активно содействовали созданию в Российской империи колоний-приютов. Стоит отметить, что эти заведения создавались только для детей, которые теперь отбывали наказание отдельно от взрослых преступников. Не вызывает сомнения, что данный факт являлся положительным при организации процесса воспитания несовершеннолетних правонарушителей, так как последние больше не подвергались дурному влиянию закоренелых преступников.

Стоит подчеркнуть, что деятельность воспитательно-исправительных колоний-приютов Российской империи регулировалась Общим положением об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних

(1889 г.) [28]. На основании данного документа осуществляли свою деятельность все воспитательно-исправительные учреждения для детей-правонарушителей. В положении отмечалось, что земства, городские думы, сословные управления, духовные учреждения, специальные общества приютов и колоний, а также частные лица имели право открывать и содержать колонии-приюты. Согласно Общему положению, детские воспитательно-исправительные учреждения ставили целью нравственное исправление питомцев, приучение их к честной трудовой жизни. Средствами воспитательного воздействия являлись религиозно-нравственное, умственное и физическое воспитание каждого малолетнего, обучение несовершеннолетних в школах колоний-приютов, обучение ремеслам или сельскохозяйственным работам (или тому и другому), постоянный надзор, правильная дисциплина, награды и наказания.

В Общем положении отмечалось, что в приюты-колонии помещались не только осужденные судом несовершеннолетние правонарушители, но и дети, которые находились в группе риска: нищие, бродяги, брошенные дети. Кроме того, если родители по определенным причинам не справлялись со своими обязанностями, то они могли на некоторое время отдать ребенка в колонию-приют во избежание совершения им преступлений и других плохих поступков.

Руководил воспитательно-исправительным заведением директор. Кроме него, педагогический персонал включал законоучителя, воспитателей, учителей школы, врача, помощника директора, заведующего мастерскими.

В документе особо подчеркивалось, что колонии-приюты жили по определенному режиму, т.е. воспитанники приучались к дисциплине, определенному распорядку дня. Одним из главных факторов при организации воспитательного процесса являлась смена видов деятельности, что способствовало снижению риска переутомления и выгорания питомцев (школа, мастерские, сельские, огородные занятия, беседы законоучителя и воспитателя, уборка помещений, мелкая починка одежды и белья и пр.). Согласно Общему положению, умственному воспитанию детей уделялось особое значение. Так, несовершеннолетних правонарушителей обучали Закону Божию, чтению и письму по-русски и счёту по программе не ниже одноклассного сельского начального училища. Кроме того, положение призывало педагогов колоний-приютов делать акцент и на трудовом воспитании питомцев посредством обучения ремеслам и сельскому хозяйству. Как отмечается в данном документе, «обучение это должно быть так организовано, чтобы им достигались не только выпуск знающих свое дело работников и работниц, умеющих обеспечить себя по выпуске из заведения своим личным трудом, но и приучение к труду, внушение понятия о пользе и необходимости труда в жизни» [28, с. 40].

Следует указать на то, что Общее положение четко регулировало вопросы поощрения и наказания воспитанников. Так, при хорошем поведении питомцам разрешались общие и групповые прогулки вне колонии-приюта, давались отпуска, увеличивалось пособие при выходе из учреждения. Кроме того,

они могли претендовать на условное освобождение. Иногда в качестве поощрения в колониях-приютах проводились мероприятия (новогодние праздники, музыкальные вечера и пр.). Если же питомец совершал дурной поступок, то он наказывался в большей степени морально (получал выговор, порицание, помещался в отдельное помещение на определенное время), чем физически. Стоит отметить, что положение не одобряло применение к воспитанникам мер физических воздействия. Наказания розгами использовались в самых исключительных случаях.

Необходимо подчеркнуть, что Общее положение рекомендовало педагогическому персоналу колоний-приютов помогать воспитанникам не только в стенах заведения, но и за его пределами. «Заботы эти сводятся, главным образом, к приисканию занятия, к помощи нравственной и материальной, если выпускник впадает в затруднительное положение и к постоянному надзору за вышедшим малолетним» [28, с. 41].

Важно, что деятельность воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних в Российской империи также регулировалась «Положением о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних» (1909) [25]. По мнению Ю.В. Александровского, «новый закон является практическим воплощением научной теории, в силу которой несовершеннолетний возраст является основанием для смягчения ответственности и для применения к нему не карательных, а исправительно-воспитательных мер. Цель закона – сдержать чрезвычайную склонность к разрастанию преступности несовершеннолетних» [25, с. 4–5].

В положении 1909 года отмечалось, что воспитательно-исправительные заведения предназначались, в первую очередь, для нравственного исправления несовершеннолетних правонарушителей. Кроме того, они заботились о религиозно-нравственном, умственном и физическом развитии воспитанников, давали им первоначальное общее образование, практическую подготовку и знания, «которые доставили бы им возможность снискивать себе средства к существованию» [25, с. 9]. Немаловажно, что в данном документе делался акцент на том, что колонии-приюты – это учреждения воспитательные по своей цели. Безусловно, издание данного закона стало еще одним значимым шагом на пути к гуманизации процесса исправления детей-преступников. Как отмечается в положении за 1909 год, «ранее этого всем несовершеннолетним, наравне со взрослыми, широко раскрывала свои двери одна, общая для всех, тюрьма, с которой во мнении общества исторически тесно связано представление о нравственном клейме и опозоривании» [25, с. 10–11]. По этой причине государство всячески стремилось изменить отношение общества к несовершеннолетним правонарушителям, оказавшимся в колониях-приютах. Ведь, выходя из стен данных заведений, бывшим воспитанникам было крайне необходимо адаптироваться к условиям социума, общество не должно было испытывать отвращение, страх перед ними. Поэтому эти дети представлялись, преимущественно, как жертвы сложившихся обстоятельств, но которые могли морально исправиться и влиться в общественную жизнь.

Кроме того, согласно Положению о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних, данные учреждения открывались отдельно для несовершеннолетних мальчиков и девочек. В этом документе подчеркивалось, что педагогический персонал колоний-приютов избирался из числа лиц, которые отличались высокой нравственностью и могли своим положительным примером воздействовать на питомцев.

Также в Положении раскрываются меры воспитательно-исправительного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Указано, что дети получали умственное и трудовое воспитание через обучение: «1) Закону Божию по правилам того вероисповедания, к которому каждый принадлежит; 2) чтению, письму и арифметике по программе не ниже программы одноклассного начального училища Министерства Народного Просвещения; при возможности же им сообщаются элементарные сведения и по другим наукам; 3) работам, которые в отдельных заведениях могут быть, по усмотрению учредителей, или только ремесленные, или одновременно ремесленные и земледельческие» [25, с. 53–54].

Как и в Общем положении об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних (1889.), в Положении о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (1909) раскрывался вопрос мер поощрения и наказания в отношении питомцев колоний-приютов. Согласно последнему документу, за хорошее поведение воспитанникам разрешался отпуск к благонадежным лицам, но на срок не более трех дней. При совершении плохого поступка питомцы наказывались посредством применения к ним мер дисциплинарного воздействия, которые не противоречили задачам исправительного воспитания и не были вредны для несовершеннолетних.

Важным моментом являлось то, что, согласно положению 1909 года, «вышедшие из воспитательно-исправительных заведений, в течение трех лет по своем выходе, состоят под покровительством выпустивших их заведений, которые оказывают им возможную помощь и содействие в деле устройства их участи» [25, с. 65]. Безусловно, для воспитанников, которые в прошлом имели негативный жизненный опыт, контроль, помощь со стороны педагогического персонала колоний-приютов (но уже после выхода из заведения) были необходимы. Ведь в противном случае питомцы рисковали снова оказаться в числе преступников, но уже взрослых. Естественно, за это следовало совсем другое наказание.

Итак, со второй половины XIX века произошел переход российского законодательства в отношении несовершеннолетних правонарушителей с карательного в сторону гуманного, ориентированного на человека, на ребенка, оказавшегося в тяжелых жизненных обстоятельствах. Государство нормативно обозначило целесообразный способ решения данной проблемы: создание воспитательно-исправительных заведений для детей-преступников. В ответ на это, преимущественно при содействии частной

благотворительности, в Российской империи стали открываться колонии-приюты для перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей.

В Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) нами были обнаружены материалы, свидетельствующие о том, что на территории Смоленской губернии в конце XIX – начале XX века существовало воспитательно-исправительное заведение для данной категории лиц – Сторожищенская исправительная колония-приют. Она была открыта Смоленским обществом исправительных колоний и приютов для несовершеннолетних в 1894 году в селе Сторожище [29]. Деятельность колонии регламентировалась уставом, который был создан на основании Общего положения об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних (1889). При анализе устава, нами было выявлено, что данное заведение принимало несовершеннолетних мальчиков, предназначенных к помещению в исправительный приют судебным приговором. Кроме того, в колонию попадали беспризорные и нищенствующие несовершеннолетние мужского пола, «которым под влиянием неблагоприятных условий или порочности их среды грозит опасность впасть в пороки» [29, с. 8]. Согласно уставу, кроме воспитательных целей педагогический персонал осуществлял также всестороннее развитие личности питомцев в нравственном и физическом отношении, обучал детей грамоте и сообщал им элементарные сведения по общеобразовательным предметам. Также важной составляющей педагогического процесса являлось обучение питомцев какой-либо профессии (сельскохозяйственной или ремесленной). Это реализовывалось посредством открытия при колонии ремесленных мастерских и практических школ сельского хозяйства [29]. С 1896 по 1912 год было открыто три таких школы: в 1896 – Сторожищенская сельскохозяйственная школа 1-го разряда, 1 января 1910 – Сторожищенская сельскохозяйственная низшая школа 1-го разряда, в 1912 – Сторожищенская практическая школа садоводства, огородничества и пчеловодства. Стоит отметить, что кроме практической отработки навыков ведения сельского хозяйства обучающиеся также проходили теоретический курс, который включал в себя следующие дисциплины: Закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, черчение и землемерие, естествоведение и др. [30]. Ученики, показавшие успехи в изучении полного курса школы, для более самостоятельного ознакомления с особенностями ведения сельского хозяйства отправлялись в какое-либо имение на один год. Таким образом, они углубляли имевшиеся у них знания и совершенствовали сельскохозяйственные навыки. Особо успешные ученики имели шанс остаться в имении в качестве рабочего на постоянной основе. Эта мысль всегда внушалась воспитанникам и позволяла добиться серьезности и добросовестного отношения к делу.

Необходимо отметить, что обучение в сельскохозяйственных школах велось с опорой на индивидуальные возможности учеников: «Как показал опыт целого ряда лет и при существовании сельскохозяйственной школы высшего типа большинство воспитанников колонии, приходящих не только из земледельческого состояния, но также и из городских элементов,

с особенной охотой занимаются именно данными отраслями хозяйства, подходя, таким образом, под уровень требований практической школы. С другой стороны, хозяйственные условия колонии заставляют отдать предпочтение школе практического типа с преподаванием садоводства и пчеловодства, так как село Сторожище располагает садом, огородом и пчельником; дальнейшее оборудование и их приспособление к учебным планам не составляет серьезных затрат» [30, с. 101].

В Сторожищенской колонии-приюте практиковалась система поощрений и наказаний воспитанников. Питомцам, отличавшимся хорошим поведением, разрешалось посещать на несколько часов родных. Если они жили далеко, то на несколько дней. Самым ответственным воспитанникам педагоги давали важные поручения, что, без сомнения, способствовало исправлению детей-правонарушителей. Отдельным способом поощрения питомцев являлось выражение к ним доверия со стороны персонала колонии. Это было особенно значимо для несовершеннолетних, стремившихся заслужить уважение взрослых. Получить его было возможно лишь примерным поведением, ответственностью, желанием учиться и работать, а это был прямой путь к нравственному исправлению. Одобрение в присутствии всех воспитанников также являлось одной из форм поощрения. Воспитанников, быстро идущих на путь исправления, могли освободить из колонии досрочно. Если несовершеннолетний был успешен в обучении, нравственно исправлялся, отличался хорошими поступками, то педагоги оказывали ему содействие в поступлении в какое-нибудь учебное или ремесленное заведение. Без сомнения, это давало возможность питомцу получить определенную профессию, и, соответственно, в будущем найти работу. Таким образом, данный способ поощрения позволял снижать риск рецидивов детской преступности в стране [31].

Также в качестве поощрения в колонии устраивались литературные и музыкальные вечера, спектакли. Кроме этого, питомцев вывозили на культурные мероприятия в город. Это не только повышало интеллектуальный, культурный уровень воспитанников, но и способствовало их нравственному развитию [32]. Данный подход позволял социализировать несовершеннолетних правонарушителей: они учились взаимодействовать с социумом, общаться с другими людьми.

В Сторожищенской колонии-приюте, согласно уставу, в отношении воспитанников, совершивших плохой поступок, применялись гуманные способы наказаний. К ним относились выговор наедине или в присутствии всех воспитанников, лишение отпуска и доверия, временное удаление в особое помещение при более бдительном надзоре (до изменения поведения к лучшему, с сохранением права работать и получать пищу). Также в качестве наказания этих детей помещали в светлый карцер с ограничением в пище до трех дней. В исключительных случаях воспитанников отдавали в правительственный приют для трудно исправимых [31].

Физическому развитию питомцев в Сторожищенской колонии-приюте также уделялось внимание. Учебно-воспитательный процесс был органи-

зован со следованием правилам безопасности, адекватным сочетанием труда и отдыха, а также с особым контролем за поведением детей-преступников. Педагогическим персоналом поощрялось катание воспитанников на коньках и подвижные игры на свежем воздухе. Весной и летом питомцы в основном проводили время именно на свежем воздухе, так как практические занятия проходили на территории колонии (огород, пчельник), что укрепляло их физическое состояние и способствовало общему оздоровлению. Особую актуальностью имела военная гимнастика [33].

Итак, согласно уголовному законодательству Российской империи, несовершеннолетние правонарушители со второй половины XIX – начала XX века помещались в воспитательно-исправительные учреждения – колонии-приюты. Основным способом исправления этой категории закон предлагал воспитание. Анализ материалов Государственного архива Смоленской области позволяет сделать вывод, что в Сторожищенской исправительной колонии-приюте педагогический процесс был организован с опорой на положения, представленные в нормативно-правовых актах того периода. Трудовое, умственное, нравственное, физическое воспитание, комплексно воздействуя на личность детей-правонарушителей, приводило к исправлению и социализации последних. Директор колонии-приюта С.С. Павловский справедливо отмечал, что «можно различным образом понимать как методы воспитания, так и его сущность, но отрицать необходимость воспитания как гарантии исправления – значит, отрицать необходимость данного учреждения» [34, с. 202].

Изучая опыт прошлого, целесообразно выявить, существует ли преемственность между исправительной педагогикой XIX и XXI веков. Особенно актуален этот вопрос при анализе деятельности современных специальных учреждений для исправления несовершеннолетних правонарушителей.

На современном этапе в Российской Федерации четко структурирована нормативно-правовая база, защищающая права несовершеннолетних правонарушителей и ставящая профилактику детской преступности одной из основных целей. В настоящее время деятельность воспитательных колоний регламентируется Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (08.01.1997 № 1-ФЗ) [35]. В ст. 133 отмечается, что при отбывании наказаний в обычных условиях несовершеннолетние правонарушители живут в общежитии. Если же предусмотрено наказание в строгих условиях, то осужденные несовершеннолетние проживают в «изолированных жилых помещениях, запираемых в свободное от учебы или работы время» [36]. При этом, данным категориям разрешено самостоятельно расходовать определенную сумму денег на покупку продуктов питания и предметов первой необходимости. Кроме того, согласно Уголовно-исполнительному кодексу, несовершеннолетние правонарушители имеют право на свидания. Как и в нормативно-правовых актах прошлого, современный закон указывает на целесообразность применения в отношении детей-преступников мер поощрения и наказания. Так, согласно ст. 134, воспитанники (при условии

хорошего поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, активного участия в воспитательных мероприятиях) поощряются посещением культурно-зрелищных и спортивных мероприятий за пределами воспитательной колонии в сопровождении сотрудников данной колонии; выходом за пределы воспитательной колонии в сопровождении родителей, лиц, их заменяющих, или других близких родственников; досрочным переводом из строгих условий отбывания наказания в обычные [36]. Если воспитанники нарушают установленные в колонии правила, то, согласно ст. 136 Уголовно-исполнительного кодекса, лишаются права просмотра кинофильмов в течение одного месяца; помещаются в дисциплинарный изолятор на срок до семи суток с выводом на учебу. В ст. 137 дается уточнение, что «осужденным, водворенным в дисциплинарный изолятор, запрещаются длительные свидания, телефонные разговоры, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение. Они имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью два часа» [36].

Таким образом, можно отметить, что в современных воспитательных колониях запрещено применение мер физического воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В качестве наказания, согласно Уголовно-исполнительному кодексу, используются гуманные, не унижающие человеческое достоинство способы воздействия.

Учебно-воспитательный процесс в учреждениях направлен на «формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и учебе, профессиональное обучение и получение среднего профессионального образования, повышение образовательного и культурного уровня» [36, ст. 141]. В законе отмечается, что воспитанники имеют право на получение общего, среднего профессионального образования (по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих). Это реализуется посредством обучения несовершеннолетних правонарушителей в «общеобразовательных организациях, профессиональных образовательных организациях и учебно-производственной (трудовой) мастерской воспитательной колонии» [36, с. 141]. Кроме того, воспитанники имеют право на высшее образование в заочной форме.

Итак, возможность получить специальность, находясь в стенах воспитательной колонии, является для несовершеннолетних правонарушителей шансом найти свое место в самостоятельной жизни, устроиться на работу после освобождения. Без сомнения, эта мера является необходимой для данной категории лиц, так как дает им определенные социальные гарантии.

Также в Уголовно-исполнительном кодексе (ст. 139) отмечено, что осужденные в возрасте 18 лет могут оставаться в воспитательной колонии для завершения обучения и «закрепления результатов исправления» [36, с. 139] (но не более чем до достижения ими возраста 19 лет).

Законодательство в сфере уголовного наказания несовершеннолетних правонарушителей составляют не только российские законы, но и междуна-

родные документы. Так, Всеобщая декларация прав человека (1948), Декларация прав ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН (1959), Конвенция ООН о правах ребенка (1989), Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990) содержат в себе статьи и принципы, касающиеся защиты прав ребенка, гарантии, обязанности государств в отношении несовершеннолетних. Российская Федерация полностью придерживается положений, отраженных в данных международных документах.

В нашей стране существуют и другие законы, касающиеся данной категории лиц. В ФЗ от 24 июня 1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) указаны основные задачи и принципы деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; основные направления деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; производство по материалам о помещении несовершеннолетних, не подлежащих уголовной ответственности, в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. В п. 2. ст. 2. указано, что «деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основывается на принципах законности, демократизма, гуманного обращения с несовершеннолетними, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к несовершеннолетним с соблюдением конфиденциальности полученной информации, государственной поддержки деятельности органов местного самоуправления и общественных объединений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, обеспечения ответственности должностных лиц и граждан за нарушение прав и законных интересов несовершеннолетних» [37].

Права и интересы несовершеннолетних всех категорий, в том числе правонарушителей, отражаются также в Семейном кодексе, принятом 29 декабря 1995 года, № 223-ФЗ (далее – с поправками). Глава 11 посвящена правам несовершеннолетних детей, например, ст. 56 – праву ребенка на защиту [38].

Уголовный кодекс Российской Федерации, принятый 13 июня 1996 года, №63-ФЗ (далее – с поправками), содержит статьи, касающиеся уголовной ответственности несовершеннолетних, например, раздел V, гл. 14, ст. 88 – виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним; ст. 90 – применение принудительных мер воспитательного воздействия [39].

В ФЗ от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» указаны основные направления обеспечения прав несовершеннолетнего в стране (глава II): ст. 14.1. – меры по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей; ст. 15 – защита прав детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [40].

Стоит отметить, что деятельность воспитательных колоний находится в ведении Федеральной службы исполнения наказаний России (ФСИН).

В отношении осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, данная структура имеет следующие полномочия:

1. Участие в пределах своей компетенции в разработке проектов законодательных актов, нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность воспитательных колоний.

2. Осуществление контроля за соблюдением законности и прав человека в воспитательных колониях.

3. Организация учебно-воспитательного процесса среди осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, а также организация культурно-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми и обвиняемыми в СИЗО, ПФРСИ.

4. Организация деятельности по оказанию несовершеннолетним осужденным, подозреваемым и обвиняемым помощи в социальной адаптации, содействие поддержанию и укреплению связей между несовершеннолетними осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми и их родственниками.

5. Организация взаимодействия с общественными объединениями, в том числе попечительскими советами, родительскими комитетами, творческими союзами и спортивными обществами, религиозными конфессиями, благотворительными фондами и другими.

6. Взаимодействие со средствами массовой информации по вопросам функционирования воспитательных колоний» [35].

Согласно данным ФСИН, «в России функционируют 23 воспитательные колонии, расположенные в 22 субъектах Российской Федерации. Из них 21 – для содержания несовершеннолетних осужденных мужского пола и 2 (в Белгородской и Томской областях) – для содержания несовершеннолетних женского пола» [35].

Помимо вторичной профилактики правонарушений несовершеннолетних, осуществляемой в колониях, разрабатываются специальные программы профилактической направленности.

В настоящее время в Смоленске действует программа «На пороге взросления» по профилактике отклоняющегося поведения и содействию развития волонтерского движения. Она разработана Центром развития детей и молодежи города Смоленска. Одной из целей программы является профилактика отклоняющегося поведения несовершеннолетних. Ее задачи:

1) образовательные (предоставить обучающимся информацию об основных нормативно-правовых документах, регулирующих и защищающих их жизнедеятельность; обучить конструктивным способам выхода из конфликтных ситуаций; научить анализировать ситуацию с позиции другого человека и др.);

2) воспитательные (усилить работу по предупреждению асоциального поведения подростков; формировать у обучающихся чувство собственного достоинства и умение уважать достоинство других; воспитывать толерантное отношение к личностным особенностям людей; формировать духовно-нравственные ценности, правовое самосознание и патриотические

чувства, развивать потребность к активному изучению отрасли права; воспитывать бережное, ответственное отношение подростков к своей жизни как важной общечеловеческой ценности);

3) развивающие (способствовать адаптации личности ребенка к жизни в обществе, социуме; повышать самооценку подростка; способствовать развитию умения в различных жизненных ситуациях осознавать границы свободы и ответственности; формировать активную жизненную позицию; формировать навыки сопротивления социальному давлению; развивать устойчивую мотивацию к отказу от аддиктивных форм поведения).

Программа реализуется посредством проведения занятий с детьми и молодежью (4 блока) с элементами тренинга на разнообразные темы, например, «Мои права и обязанности» (ребят информируют о принятых в российском обществе правилах и нормах поведения, совершенствуют знания в области прав и обязанностей человека, формируют правовую культуру и грамотности, а также чувство гражданственности).

Ожидаемыми результатами программы являются снижение уровня склонности к девиантному поведению и уменьшение количества подростков, находящихся на различных видах учета.

Необходимо особо подчеркнуть, что первичная профилактика выступает все же первостепенной мерой, так как позволяет не допустить совершения несовершеннолетними правонарушений, а, следовательно, отправления их в воспитательно-исправительное заведение, где с ними проводится уже вторичная профилактическая работа. Представленная программа «На пороге взросления» касается именно первичной профилактической работы с детьми и молодежью.

Итак, нами проанализирована деятельность воспитательно-исправительных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в Российской империи в конце XIX – начале XX века. Необходимо подчеркнуть, что в современных специальных заведениях присутствует ориентация на опыт прошлого при организации учебно-воспитательного процесса. Это проявляется не только на законодательном уровне. Стоит отметить, что деятельность педагогов по исправлению детей-преступников ориентирована на гуманное отношение к детской личности. Согласно анализу современных нормативно-правовых актов, процесс осуществляется с опорой на права, потребности и интересы несовершеннолетнего правонарушителя. Таким образом, тенденция к гуманизации воспитания детей данной категории являлась актуальной не только в дореволюционной России, но и сохраняется сейчас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020. Министерство внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22678184/>. – Дата доступа: 10.02.2021.

2. Мишина, Е.В. Государственная политика советского правительства по борьбе с детской беспризорностью (к 140-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского) / Е.В. Мишина // Вестн. Санкт-Петербург. юрид. академии. – 2018. – № 1(38). – С. 20–24.

3. Никонов, В.А. Крушение России. 1917 / В. Никонов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ, 2016. – 698 с.
4. Зак, А.И. Характеристика детской преступности / А.И. Зак // Дети-преступники: сб. ст. с 15 фотографиями и с приложением библиографических указателей. – М.: Книгоизд-во «В.И. Знаменский и Ко», 1912. – 617 с.
5. Люблинский, П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте: (социально-правовые очерки) / П.И. Люблинский. – М.: Юридическое изд-во Наркомюста, 1923. – 300 с.
6. Шиян, В.И. Криминологические особенности личности несовершеннолетнего преступника / В.И. Шиян // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2018. – № 1(19). – С. 93–97.
7. Ермолаева, С.А. Зарождение и становление основных методологических подходов к проблеме предупреждения преступности несовершеннолетних в конце XIX – начале XX веков / С.А. Ермолаева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2007. – № 2. – С. 26–31.
8. Подзолков, В.Г. Трудовое воспитание и профессиональное обучение как средство профилактики преступности несовершеннолетних в Российской империи в конце XIX – начале XX в. / В.Г. Подзолков, Е.И. Белянкова // Мир образования – образование в мире. – 2016. – № 3(63). – С. 28–34.
9. Тальберг, Д.Г. Исправительные приюты и колонии в России / Д.Г. Тальберг. – СПб.: Ред. тип. В.С. Балашева, 1882. – 63 с.
10. Дубоносова, А.Э. Исправительные учреждения как инструмент профилактики преступности несовершеннолетних: исторический аспект / А.Э. Дубоносова // Вестн. Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. – 2006. – № 39. – С. 51–52.
11. Гомозов, Н.М. Причины рецидивной преступности несовершеннолетних в России конца XIX – начала XX века и их влияние на экономическую безопасность страны / Н.М. Гомозов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. – Вестн. Нижегород. академии МВД России. – 2008. – № 1. – С. 201–204.
12. Думов, А.С. Педагогика девиантного поведения / А.С. Думов, С.Б. Думов, И.А. Столярчук. – Волгоград: Учитель, 2015. – 179 с.
13. Ермолаева, С.А. Становление и развитие методологических подходов к исследованию проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних (конец XIX – начало XXI вв.): монография / С.А. Ермолаева. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – 296 с.
14. Gottfredson, M.R. General Theory and Global Criminology: Childhood Environments, Problem Behaviors, and a Focus on Prevention / M.R. Gottfredson // Asian Journal of Criminology. – 2018. – № 13(4). – P. 347–365.
15. Desai, M.A. Rights-Based Preventative Approach for Psychosocial Well-Being in Childhood / M.A. Desai. – Springer. – 2010.
16. Dearing, A. Criminal Justice Respecting Human Dignity / A. Dearing // Justice for Victims of Crime. – 2017. – № 28. – P. 293–361.
17. Dillon, M.E. Juvenile Justice and Adolescent Health: Crime, Punishment, and Life-Course Trajectory / M.E. Dillon // International Handbook on Adolescent Health and Development. – 2017. – P. 241–265.
18. Dünkel, F. Juvenile Justice and Human Rights: European Perspectives / F. Dünkel // Women and Children as Victims and Offenders: Background, Prevention, Reintegration. – 2016. – P. 681–719.
19. Chopra, G. Children in Conflict with Law: The Child Offender / G. Chopra // Child Rights in India. – 2015. – P. 137–164.
20. Marion, N.E. Juvenile Offenders / N.E. Marion // Federal Government and Criminal Justice. – 2011. – P. 113–125.
21. Познышев, С.В. Детская преступность и меры борьбы с ней / С.В. Познышев. – М.: Моск. о-во борьбы с дет. смертностью, 1911. – 69 с.

22. Тарновский, Е.Н. Преступность несовершеннолетних в России / Е.Н. Тарновский. – М.: Тип. Правительствующего сената, 1899. – 44 с.
23. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии / К.Д. Ушинский. – М.: Фаир-Пресс, 2004. – 574 с.
24. Редкин, П.Г. Избранные педагогические сочинения / П.Г. Редкин. – М.: Учпедгиз, 1958. – 314 с.
25. Александровский, Ю.А. Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних / Ю.А. Александровский. – СПб.: Ред. «Новое законодательство», 1909. – 122 с.
26. Канторович, Я.А. Законы о детях: Сб. постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Я.А. Канторович. – СПб.: Я.А. Канторович, 1899. – 330 с.
27. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Н.С. Таганцев. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1886. – 717 с.
28. Общее положение об исправительных приютах и земледельческих колониях для малолетних (1889) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 122. Оп. 1. Д. 1688.
29. Устав Смоленской колонии для малолетних преступников (1894) // Государственный архив Смоленской области (ГАСО). – Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 1.
30. Программа для представления сведений по учебной части, физическому воспитанию, по гигиене и религиозно-нравственному воспитанию (1903) // ГАСО. – Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 4.
31. Устав Смоленской губернской земской воспитательно-исправительной колонии-приюта для несовершеннолетних (1915) // ГАСО. – Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 1.
32. Доклад в комитет по управлению делами и имуществом Смоленского Общества колоний и приютов для несовершеннолетних (1901) // ГАСО. – Ф. – 368. Оп. 1. Д. 4.
33. Доклад педагогического совета Смоленской исправительной колонии Комитету по управлению делами и имуществом Смоленского общества исправительных приютов и колоний для несовершеннолетних и Сторожищенской сельскохозяйственной школы (1904) // ГАСО. – Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 5.
34. Отчет в Комитет по управлению и делами имуществом Смоленского общества колоний для несовершеннолетних (1912) // ГАСО. – Ф. Р-368. Оп. 1. Д. 1.
35. Деятельность воспитательных колоний. Федеральная служба исполнения наказаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/social/vosp%20kolonii/>. – Дата доступа: 19.02.2021.
36. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – 1997. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/6b975f6b8e19dcc66dd0c757645c2a8c2b50c5ad/. – Дата доступа: 19.02.2021.
37. ФЗ № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (с изменениями и дополнениями) (1999) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/12116087/>. – Дата доступа: 17.02.2021.
38. Семейный кодекс РФ (1995) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/. – Дата доступа: 17.02.2021.
39. Уголовный кодекс РФ (1996) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 18.02.2021.
40. ФЗ № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (1998) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/. – Дата доступа: 18.02.2021.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Защита культурного достояния, культурно-цивилизационной самобытности и самоидентификации – важнейшая задача государства и общества в целом. При этом, конечно, нельзя абсолютизировать изоляционизм. Транзит диалога культур в современном мире неизбежен. Это необходимое условие развития любого социума.

При этом диалог культур имеет два аспекта: внешний, проявляющийся во взаимодействии культурных ценностей различных стран и народов; внутренний, понимаемый как аналог традиционных ценностей народа и ценностей, возникших в современном обществе.

Это аналог различных стилей и направлений культуры прошлого, включившийся в диалог с последующими культурными эпохами, раскрывает свои подлинные ценности. Для того, чтобы диалог осуществлялся успешно, должна быть потребность во взаимодействии культурных достижений иных их носителей как в историческом, так и в географическом плане.

Диалог культур – важнейший фактор их развития. С другой стороны, культурный плюрализм – важнейшее условие решения многочисленных проблем в условиях глобализации.

Диалог культур – это способность понять и воспринять ценности других культур, уважение к ним и готовность к синтезу самобытного и инонационального. Благодаря диалогу создается возможность обогащения культур, вхождения в мировой культурный контекст. Важно, конечно, учесть, что адекватное восприятие иных культур невозможно без понимания своей национальной культуры, ее культурного кода, достижений и места в мировом цивилизационном развитии.

Диалог культур не имеет ничего общего с экспансией одной или многих из них. В последнее время мы явились свидетелями того, как Запад стал прививать, навязывать неприемлемые для восточнославянской цивилизации ценности – мультикультурализм, однополые браки и т.д. Наблюдается отход от традиционных христианских ценностей. На их место пришли законы, права человека, прагматизм. Значимость данных ценностей не подлежит сомнению. Однако, если их оторвать от культурного кода нации, то это грозит деградацией общества. Мы получим безбожный, безнравственный демократизм и либерализм, превращающийся в своеобразную форму тоталитаризма.

Нравственные ценности общества, историческая память, идеологические ориентиры – это своеобразные духовные стороны социума.

Отказ от традиционных ценностей – это путь в никуда. Современное общество меняется стремительно, но остаются непреходящими такие ценности, как честь, совесть, долг, достоинство, патриотизм. Культура определяется тем, как чувствует человек себя в обществе и как он в нем находится. Ее безопасность предполагает достойные для человека бытие в духовном

пространстве, которое должно быть наполнено смыслами и ценностями, вытекающими из исторической памяти народа, его культурного кода, отвечающими интересам человека.

Гармоничное развитие человеческого общества и мир между странами, в первую очередь, должны основываться на общем понимании того, что каждый из нас – человек, и что жизнь – высшая ценность. Ее сбережение, сохранение человеческого в человеке и представляет одну из важнейших задач культурной безопасности.

В предлагаемом издании главный акцент сделан на рассмотрении философско-методологических, историко-цивилизационных, культурологических аспектов культурной безопасности. Особое внимание уделено белорусскому контексту обсуждаемых проблем.

Работа выполнена на кафедре философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 года «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» с привлечением ряда известных ученых обществоведов Республики Беларусь и Российской Федерации.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Давлятова Елена Валентиновна, заведующий кафедрой философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент.

Котович Татьяна Викторовна, профессор кафедры германской филологии ВГУ имени П.М. Машерова, доктор искусствоведения, профессор.

Новосельцева Анна Викторовна, доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, доцент.

Петрикеев Дмитрий Евгеньевич, аспирант кафедры педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет».

Рудковский Эдвард Иосифович, доцент кафедры философии и социальных наук ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

Сенченков Николай Петрович, заведующий кафедрой педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет», доктор педагогических наук, профессор.

Табачков Александр Сергеевич, кандидат философских наук, доцент.

Терещенкова Виктория Викторовна, аспирант кафедры педагогики и психологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Смоленский государственный университет».

Научное издание

ДАВЛЯТОВА Елена Валентиновна
КОТОВИЧ Татьяна Викторовна
НОВОСЕЛЬЦЕВА Анна Викторовна и др.

**КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЕЖИ:
КОНТЕКСТ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Монография

Технический редактор	<i>Г.В. Разбоева</i>
Корректор	<i>Т.В. Образова</i>
Компьютерный дизайн	<i>В.Л. Пугач</i>

Подписано в печать 09.03.2022. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 8,96. Тираж 30 экз. Заказ 16.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.